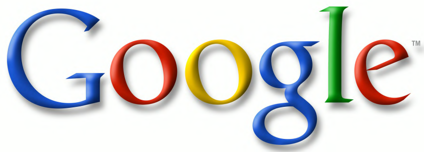


КІЕВЛЯНИНЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

МИХАИЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

Да вѣдаютъ потомки Православныхъ
Земли родной минувшую судьбу.

ПУШКИНЪ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

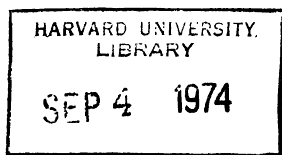
МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1850.

"KIEVLIANIN"

"3"



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Апрѣля 17 дня, 1850 года.

Ценсоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Снегиревъ.

ПЕРЕЯСЛАВСКІЯ СКАЗАНІЯ.

СКАЗАНІЕ ПЕРВОЕ.

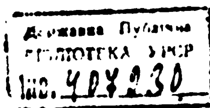
О ГОРОДѢ ПЕРЕЯСЛАВѢ

ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЯ ВРЕМЕНА.

Верстахъ въ 80-ти ниже Кіева, на правомъ берегу Трубежа, тамъ гдѣ сливается съ нимъ тихая Альта, лежитъ городъ Переяславъ. Славенъ былъ этотъ городъ и въ древней Княжеской Украинѣ, и въ Украинѣ Козацкой. Но теперь его слава звучитъ только въ его имени. Глядя на него теперь, и не подумалъ бы, что онъ считался нѣкогда *третьимъ* городомъ въ ряду городовъ Рускихъ.

А онъ точно былъ таковъ, на первыхъ порахъ своего историческаго бытія. Такъ въ 907 году, когда Вѣщій Олегъ приступалъ съ побѣдою къ Царюгороду, онъ заповѣдалъ Грекамъ »даяти уклады на Руские городы: первое на Кіевъ, тоже и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Польтескъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая городы; по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще«.[1] Тоже

[1] —См. Лѣтопись Нестора подъ 907 г. Тамъ же: »тогда возьмуть мѣсячное свое, первое отъ города Кіева, и паки изъ Чернигова, и Переяславля, и прочіи городи.« Въ договорѣ Игоря съ Греками, 945 г., сказано: »возмуть мѣсячное свое съли слебное, а гостье мѣсячное, первое отъ города Кіева, паки изъ Чернигова и Переяславля.«



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Апрѣля 17 дня, 1850 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Снегиревъ.

ПЕРЕЯСЛАВСКІЯ СКАЗАНІЯ.

СКАЗАНІЕ ПЕРВОЕ.

О ГОРОДѢ ПЕРЕЯСЛАВѢ

ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЯ ВРЕМЕНА.

Верстахъ въ 80-ти ниже Кіева, на правомъ берегу Трубежа, тамъ гдѣ сливается съ нимъ тихая Альта, лежитъ городъ Переяславъ. Славенъ былъ этотъ городъ и въ древней Княжеской Украинѣ, и въ Украинѣ Козацкой. Но теперь его слава звучитъ только въ его имени. Глядя на него теперь, и не подумалъ бы, что онъ считался нѣкогда *третьимъ* городомъ въ ряду городовъ Рускихъ.

А онъ точно былъ таковъ, на первыхъ порахъ своего историческаго бытія. Такъ въ 907 году, когда Вѣщій Олегъ приступалъ съ побѣдою къ Царюгороду, онъ заповѣдалъ Грекамъ »даяти уклады на Рускіе городы: первое на Кіевъ, тоже и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Польтескъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая городы; по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще«.[1] Тоже

[1]—См. Лѣтопись Нестора подъ 907 г. Тамъ же: »тогда возьмуть мѣсячное свое, первое отъ города Кіева, и паки изъ Чернигова, и Переяславля, и прочіи городи.« Въ договорѣ Игоря съ Греками, 945 г., сказано: »возмуть мѣсячное свое съли слебное, а гостье мѣсячное, первое отъ города Кіева, паки изъ Чернигова и Переяславля.«

и въ 1054 году, когда великій князь Ярославъ, передъ смертью своею, отдавалъ Кіевскій престолъ старшему сыну Изяславу: второму сыну Святославу далъ онъ Черниговъ; а третьему, любимому сыну Всеволоду назначилъ Переяславъ.

Всеволодомъ Ярославичемъ начался новый рядъ Переяславскихъ князей, изъ рода Владимірова; и съ ними новый отдѣлъ въ жизни Переяслава.

А какіе князья были въ немъ прежде, объ томъ не говоритъ лѣтописанье Руское. Изъ всѣхъ Переяславцевъ 10-го вѣка, оно славитъ намъ только одного могучаго *отрока*, который, сломивъ Печенѣжскаго великана, рѣшилъ Владимірову побѣду надъ Печенѣгами, на Трубежскомъ броду, 992 года. И вотъ какъ это было, по древнему разсказу, записанному Несторомъ.

— Какъ воротился Владиміръ князь съ Хорватской войны, то пришли Печенѣги изъ-за Сулы. Владиміръ пошелъ противъ нихъ; и встрѣтилъ ихъ на Трубежѣ, у того броду, гдѣ нынѣ Переяславъ. И сталъ Владиміръ на этой сторонѣ, а Печенѣги на той; и не смѣли ни тѣ ни другіе переходить черезъ рѣку. И подъѣхалъ Печенѣжскій князь къ рѣкѣ, позвалъ Владиміра, и говоритъ ему: «выпусти ты своего воина, а я своего, и пусть борются; когда твой воинъ ударитъ моимъ, не воевать намъ три года; а когда ударитъ нашъ воинъ, воюемъ три года.» И разошлись они врозь. Тогда Владиміръ пришелъ въ станъ свой, и послалъ биричей по шатрамъ кликать: нѣтъ ли такого воина, чтобы схватился съ Печенѣжиномъ? И не нашлось никого. Заутра пріѣхали Печенѣги, и вывели своего воина; а у нашихъ не было. И началъ тужить Владиміръ, посылаючи по всѣмъ воинамъ. И пришелъ къ князю одинъ старый мужъ, и говоритъ ему: «княже! есть у меня меньшой сынъ; я вышелъ съ

четырьмя, а онъ дома. Съ дѣтства его нѣтъ никого, кто бы одолѣлъ его. Разъ я погрозился на него, когда онъ мялъ кожу; а онъ прогнѣвясь на меня, перервалъ кожу руками.« Слыша это, обрадовался князь, и послалъ за нимъ; и привели его къ князю; и князь повѣдалъ ему все. А онъ говоритъ: »княже, не вѣдаю смогу ли; пусть испытаютъ меня; нѣтъ ли быка великаго и сильнаго?« И нашли быка, великаго и сильнаго; и велѣлъ онъ раздразнить быка. Положили на него желѣза горячаго, и пустили его. И побѣжалъ быкъ мимо отрока. И ухватилъ онъ быка рукою за бокъ; и вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько захватила ему рука. И сказалъ ему Владиміръ: »можешь бороться съ Печенѣжиномъ!«

Заутра пріѣхали Печенѣги, и начали звать: »нѣтъ ли воина, а нашъ вотъ готовъ!« Владиміръ же въ ту ночь велѣлъ снарядиться въ оружіе. Приступили тогда обѣ стороны. Выпустили Печенѣги своего воина. Былъ онъ превеликъ зѣло и страшенъ. И выступилъ воинъ Владиміровъ; и увидѣлъ его Печенѣжинъ, и посмѣялся, ибо онъ былъ средняго росту. И отмѣривъ между обоими полками, спустили борцовъ; и схватились они; и начали крѣпко держать другъ друга; и задавилъ онъ Печенѣжина въ рукахъ до смерти, и ударилъ имъ объ земь. И закричали; и побѣжали Печенѣги; а Русь погналась за ними, рубя ихъ; и прогнала ихъ. А Владиміръ, радъ будучи, заложилъ городъ на томъ броду, и назвалъ его Переяславомъ: *зане перея славу отрокъ-отъ!* И сдѣлалъ Владиміръ *великимъ мужемъ* его, и отца его. И воротился Владиміръ въ Кіевъ, съ побѣдою и славою. —

═

Въ преданіяхъ Переяславскаго народа забытъ уже отсть могучій отрокъ, заслужившій у князя Владиміра

себѣ и отцу своему великую почесть, а своему городу новый *пригородъ*. [a] Не помнятъ они и о прочихъ богатыряхъ Владиміровыхъ, понынѣ славимыхъ въ сказкахъ и пѣсняхъ Великорускихъ. Отъ нынѣшнихъ Переяславцевъ услышите вы разсказы о *велетняхъ* (т. е. великанахъ), когда-то жившихъ въ здѣшней сторонѣ, въ томъ числѣ и о могучемъ Переяславцѣ *Сендѣ*. Вамъ укажутъ и *могилу Сендову* подъ Переяславомъ, на лѣвой сторонѣ Трубежа. Но изъ Никоновской лѣтописи можно усмотрѣть, что нашего Переяславскаго ратоборца съ Печенѣжиномъ звали *Янъ Усмошвецъ* (по-нынѣшнему сказать: *Иванъ Кожевникъ*); что онъ подвизался противъ Печенѣговъ еще и въ 1001-мъ и въ 1004-мъ годахъ, вмѣстѣ съ другимъ извѣстнымъ богатыремъ, Александромъ или Алёшею Поповичемъ.

Въ тѣ поры, именно съ 992 года по 1008-й, былъ на Руси митрополитомъ Леонтій, преемникъ св. Михаила, вызванный Владиміромъ изъ Греціи. Онъ именовался митрополитомъ Переяслава Рускаго ибо митрополія Руская княземъ Владиміромъ назначена была первоначально въ Переяславѣ, при церкви Михайловской. Объ этомъ вспоминаетъ и Несторъ, подъ 1089-мъ годомъ своей лѣтописи, говоря: »бѣ бо преже въ Переяславли митрополья.« И нѣтъ сомнѣнья, что она была здѣсь слишкомъ сорокъ лѣтъ, пока Ярославъ не назначилъ ее въ Кіевѣ, при церкви Софійской, воздвигнутой имъ на мѣстѣ знаменитой побѣды надъ Печенѣгами 1034 года. Послѣ

[a] — Подъ названьемъ *пригородка* эта часть Переяслава встрѣчалась мнѣ въ записяхъ второй половины 17-го вѣка. Князь Владиміръ заложилъ вновь этотъ укрѣпленный городъ, назвавъ и его *Переяславомъ*, въ память того, что имя это оправдалъ Переяславскій отрокъ: »зане переа славу отрокотъ!« Напрасно въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи поставлено: »зане Переяславъ отроку тому имя!«

того въ Переяславѣ учреждено было епископство; но объ немъ рѣчь впереди.

Къ временамъ Владимiровымъ относится еще построенiе въ Переяславѣ каменной Воздвиженской церкви [3] и, по всей вѣроятности, монастыря Iоанновскаго, въ которомъ былъ заключенъ въ порубъ и постриженъ въ монахи князь Игорь Ольговичь въ 1146 году. Теперь нѣтъ уже и слѣдовъ того монастыря; неизвѣстно даже и мѣсто его. Но Михайловская церковь и донынѣ есть, надъ своимъ древнимъ основанiемъ, въ той части города, которая называется въ просторѣчьи *Замкомъ*. Эта часть Переяслава смотритъ уже пустыремъ; но въ древности тутъ-то и былъ *городъ*, заложенный и укрѣпленный княземъ Владимiромъ. Тутъ были тогда знатнѣйшiе дворы: и *Княжой*, съ церковью Успенскою, основанною Мономахомъ (1098 года), и *Епископскiй*, съ церковью Михайловскою. А воротъ было трое: Епископскiя, Княжiя и Кузнечьи. [4] Во времена *Литовскiя* эта часть Переяслава обращена была въ замокъ, процвѣтавшiй въ первой половинѣ 17-го вѣка. Въ томъ вѣкѣ называлась она еще *Верхнимъ городомъ*; а въ прошломъ столѣтiи она была Переяславскою *крѣпостiю*. Земляной валъ вокругъ нея, теперь уже полуразрытый, насыпанъ былъ въ 1709 году, козаками и плѣнными Шведами.

Что касается до остальной, обширнѣйшей части города, то здѣсь былъ тотъ первоначальный Переяславъ, который исторически извѣстенъ съ 907 года; въ 17-мъ вѣкѣ онъ назывался *Нижнимъ городомъ*, и съ тѣхъ поръ считается онъ собственно *городомъ* или *мѣстомъ*, въ отличiе отъ *замка*

3.—См. Лѣтопись Никоновскую подъ 1008 г.

4.—Упоминается въ Лѣтописи Кiевской подъ 1136 и 1149 годами.

себѣ и отцу своему великую почесть, а своему городу новый *пригородъ*. [a] Не помнять они и о прочихъ богатырахъ Владиміровыхъ, понынѣ славимыхъ въ сказкахъ и пѣсняхъ Великорускихъ. Отъ нынѣшнихъ Переяславцевъ услышите вы разсказы о *велетняхъ* (т. е. великанахъ), когда-то жившихъ въ здѣшней сторонѣ, въ томъ числѣ и о могучемъ Переяславцѣ *Свидѣ*. Вамъ укажутъ и *могилу Свидову* подъ Переяславомъ, на лѣвой сторонѣ Трубежа. Но изъ Никоновской лѣтописи можно усмотрѣть, что нашего Переяславскаго ратоборца съ Печенѣжиномъ звали *Янъ Усмошвецъ* (по-нынѣшнему сказать: *Иванъ Кожевникъ*); что онъ подвизался противъ Печенѣговъ еще и въ 1001-мъ и въ 1004-мъ годахъ, вмѣстѣ съ другимъ извѣстнымъ богатыремъ, Александромъ или Алёшею Поповичемъ.

Въ тѣ поры, именно съ 992 года по 1008-й, былъ на Руси митрополитомъ *Леонтій*, преемникъ св. Михаила, вызванный Владиміромъ изъ Греціи. Онъ именовался митрополитомъ Переяслава Рускаго ибо митрополія Руская княземъ Владиміромъ назначена была первоначально въ Переяславѣ, при церкви Михайловской. Объ этомъ вспоминаетъ и Несторъ, подъ 1089-мъ годомъ своей лѣтописи, говоря: »бѣ бо преже въ Переяславли митрополья.« И нѣтъ сомнѣнья, что она была здѣсь слишкомъ сорокъ лѣтъ, пока *Ярославъ* не назначилъ ее въ Кіевѣ, при церкви Софійской, воздвигнутой имъ на мѣстѣ знаменитой побѣды надъ Печенѣгами 1034 года. Послѣ

[a] — Подъ названьемъ *пригородка* эта часть Переяслава встрѣчалась мнѣ въ записяхъ второй половины 17-го вѣка. Князь Владиміръ заложилъ вновь этотъ укрѣпленный *городокъ*, назвавъ и его *Переяславомъ*, въ память того, что имя это оправдалъ Переяславскій отрокъ: »зане переялъ славу отрокъ отъ!« Напрасно въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи поставлено: »зане Переяславъ отроку тому имя!«

того въ Переяславѣ учреждено было епископство; но объ немъ рѣчь впереди.

Къ временамъ Владиміровымъ относится еще построеніе въ Переяславѣ каменной Воздвиженской церкви [3] и, по всей вѣроятности, монастыря Іоанновскаго, въ которомъ былъ заключенъ въ порубъ и постриженъ въ монахи князь Игорь Ольговичь въ 1146 году. Теперь нѣтъ уже и слѣдовъ того монастыря; неизвѣстно даже и мѣсто его. Но Михайловская церковь и донынѣ есть, надъ своимъ древнимъ основаніемъ, въ той части города, которая называется въ просторѣчьи *Зáмкомъ*. Эта часть Переяслава смотритъ уже пустыремъ; но въ древности тутъ-то и былъ *городъ*, заложенный и укрѣпленный княземъ Владиміромъ. Тутъ были тогда знатнѣйшіе дворы: и *Княжой*, съ церковью Успенскою, основанною Мономахомъ (1098 года), и *Епископскій*, съ церковью Михайловскою. А воротъ было трое: Епископскія, Княжія и Кузнечьи. [4] Во времена Литовскія эта часть Переяслава обращена была въ зáмокъ, процвѣтавшій въ первой половинѣ 17-го вѣка. Въ томъ вѣкѣ называлась она еще *Верхнимъ городомъ*; а въ прошломъ столѣтіи она была Переяславскою *крѣпостью*. Земляной валъ вокругъ нея, теперь уже полуразрытый, насыпанъ былъ въ 1709 году, козаками и плѣнными Шведами.

Что касается до остальной, обширнѣйшей части города, то здѣсь былъ тотъ первоначальный Переяславъ, который исторически извѣстенъ съ 907 года; въ 17-мъ вѣкѣ онъ назывался *Нижнимъ городомъ*, и съ тѣхъ поръ считается онъ собственно *городомъ* или *мѣстомъ*, въ отличіе отъ *зáмка*

3.—См. Лѣтопись Никоновскую подъ 1008 г.

4.—Упоминается въ Лѣтописи Кіевской подъ 1136 и 1149 годами.

и трехъ *передгородьевъ*. [5] Остатки вала, которымъ онъ былъ обведенъ и который возобновленъ въ царствованіе Елисаветы, понынѣ видны. Старожилы помнятъ трое городскихъ деревянныхъ воротъ, называвшихся у нихъ *брамами* или *баштами*; [6] помнятъ и то, какъ въ ночное время городовая стража, расхаживая по валу отъ однихъ воротъ къ другимъ, кричала: »въ славномъ городѣ Переяславѣ!« Но съ 90-хъ годовъ замолкли эти ночные оклики, недававшіе спать добрымъ людямъ; разобраны ворота и городовыя и крѣпостныя; и Переяславъ нынѣ живетъ себѣ спокойно, на распашку, отдавая иногда свои старые валы за деньги на выварку селитры. Онъ не пускается вдаль; не такъ, какъ было за девять вѣковъ, когда и послы и купцы Переяславскіе ходили въ Царьгородъ, и брали тамъ себѣ оклады у Грековъ, какъ заповѣдалъ Вѣщій Олегъ.

[5] — Предмѣстья назывались въ древности *передгородьями*, (какъ видно изъ Лѣтописи Кіевской); а по-нынѣшнему они зовутся на Украинѣ *подворками*.

[6] — Тѣ ворота, которыя были къ р. Альтѣ, называемой по-здѣшнему *Ильтицею*, именовались *Ильтицкими*: а предмѣстье за ними *Заильтичьемъ*. Другія ворота были *Кіевскія*; а предмѣстье за ними называлось *Закіевоградскимъ*. Третьи ворота, къ рѣкѣ Трубежу, къ Долгому-мосту, назывались *Долгомостянскими*; а предмѣстье за Трубежомъ зовется *Замостьемъ*.

СКАЗАНІЕ ВТОРОЕ.

О ПРАЗДНИКѢ СВ. БОРИСА

ПОДЪ ПЕРЕЯСЛАВОМЪ.

Девятый вѣкъ уже, какъ на Руси ублажается память святыхъ князей нашихъ Бориса и Глѣба. Преподобный Несторъ, описывая ихъ житіе и убіеніе, славословилъ ихъ, какъ »двѣ свѣтлыя звѣзды, озаряющія всю землю Рускую«, какъ »заступниковъ Руской земли, всегда молящихся о своихъ людяхъ, и подающихъ исцѣленіе всѣмъ, приходящимъ къ нимъ съ вѣрою и любовью.«

Народъ Украинскій сохранилъ особенную вѣру къ святымъ мученикамъ-князьямъ, которыхъ молитвы и помощь не разъ видѣла Русь, въ своихъ побѣдахъ надъ врагами. Еще и теперь на Украинѣ за великое *свято* чтутъ *второе Мая*, и отлагаютъ въ этотъ день полевыя работы, по пословицѣ старыхъ людей: »на Глѣба и Бориса за хлѣбъ не берися!«

Второе Мая празднуется издревле, [1] какъ день *перенесенія* мощей ихъ, бывшаго въ Вышгородѣ. Тамъ оно совершено въ первый разъ 1072 года, при Ярославичахъ, когда князь Изяславъ поставилъ тамъ новую Борисоглѣбскую церковь, вмѣсто прежней. Второе перенесеніе мощей,

[1] — Праздникъ перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба установленъ, безъ сомнѣнія, въ 1072 году. Существованіе его въ древнее время видно уже изъ того, что второе перенесеніе мощей 1115-го года было тоже втораго Мая. Въ Лаврентьевской лѣтописи читаемъ: »въ лѣто 6695 (1187) мѣсяца Мая въ 2-й день на пренесенье святою мученику Бориса и Глѣба.«

и трехъ *передгородьевъ*.[5] Остатки вала, которымъ онъ былъ обведенъ и который возобновленъ въ царствованіе Елисаветы, понынѣ видны. Старожилы помнятъ трое городскихъ деревянныхъ воротъ, называвшихся у нихъ *брамами* или *баштами*;[6] помнятъ и то, какъ въ ночное время городовая стража, расхаживая по валу отъ однихъ воротъ къ другимъ, кричала: „въ славномъ городѣ Переяславѣ!" Но съ 90-хъ годовъ замолкли эти ночные оклики, недававшіе спать добрымъ людямъ; разобраны ворота и городовыя и крѣпостныя; и Переяславъ нынѣ живетъ себѣ спокойно, на распашку, отдавая иногда свои старые валы за деньги на выварку селитры. Онъ не пускается вдаль; не такъ, какъ было за девять вѣковъ, когда и послы и купцы Переяславскіе ходили въ Царьградъ, и брали тамъ себѣ оклады у Грековъ, какъ заповѣдалъ Вѣщій Олегъ.

5 — Предмѣстья назывались въ древности *передгородьями*, (какъ видно изъ Лѣтописи Кіевской); а по-нынѣшнему они зовутся на Украйнѣ *подворками*.

6 — Тѣ ворота, которыя были къ р. Альтѣ, называемой по-здѣшнему *Ильмицею*, именовались *Ильмицкими*; а предмѣстье за ними *Заильмичьемъ*. Другія ворота были *Кіевскія*; а предмѣстье за ними называлось *Закіевобрамскимъ*. Третьи ворота, къ рѣкѣ Трубежу, къ Долгому-мосту, назывались *Долгомостянскими*; а предмѣстье за Трубежомъ зовется *Замостьемъ*.

СКАЗАНІЕ ВТОРОЕ.

О ПРАЗДНИКѢ СВ. БОРИСА

ПОДЪ ПЕРЕЯСЛАВОМЪ.

Девятый вѣкъ уже, какъ на Руси ублажается память святыхъ князей нашихъ Бориса и Глѣба. Преподобный Несторъ, описывая ихъ житіе и убіеніе, славословилъ ихъ, какъ »двѣ свѣтлыя звѣзды, озаряющія всю землю Рускую«, какъ »заступниковъ Руской земли, всегда молящихся о своихъ людяхъ, и подающихъ исцѣленіе всѣмъ, приходящимъ къ нимъ съ вѣрою и любовью.«

Народъ Украинскій сохранилъ особенную вѣру къ святымъ мученикамъ-князьямъ, которыхъ молитвы и помощь не разъ видѣла Русь, въ своихъ побѣдахъ надъ врагами. Ещ.. и теперь на Украинѣ за великое *свято* чтутъ *второе Мая*, и отлагають въ этотъ день полевыя работы, по пословицѣ старыхъ людей: »на Глѣба и Бориса за хлѣбъ не берися!«

Второе Мая празднуется издревле,[1] какъ день *перенесенія* мощей ихъ, бывшаго въ Вышгородѣ. Тамъ оно совершено въ первый разъ 1072 года, при Ярославичахъ, когда князь Изяславъ поставилъ тамъ новую Борисоглѣбскую церковь, вмѣсто прежней. Второе перенесеніе мощей,

[1].—Праздникъ перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба установленъ, безъ сомнѣнія, въ 1072 году. Существованіе его въ древнее время видно уже изъ того, что второе перенесеніе мощей 1115-го года было тоже втораго Мая. Въ Лаврентьевской лѣтописи читаемъ: »въ лѣто 6695 (1187) мѣсяца Мая въ 2-й день на пренесенье святою мученику Бориса и Глѣба.«

того же числа, было 1115 года, когда Владиміръ Мономахъ, съ двумя Святославичами, соорудилъ въ Вышгородѣ каменную церковь во имя св. мучениковъ.[7] Отъ этой Вышегородской церкви, со времени Батыева нашествія, уцѣлѣло только каменное основаніе, на которомъ стоитъ нынѣшняя деревянная церковь; да и самое мѣстопребываніе святыхъ мощей, съ той поры, покрылось для насъ неизвѣстностью.

Но Руcкіе богомольцы и нынѣ ежегодно собираются въ Вышгородъ праздновать память святыхъ князей, *24-го Іюля, въ день убіенія Борисова.* Такъ уставилъ еще древній Ярославъ, когда онъ, построивъ тамъ первую церковь во имя Бориса и Глѣба, и положивъ въ ней мощи святыхъ братьевъ своихъ, заключилъ свою радость о томъ восьмидневнымъ пиромъ народу, и назначеніемъ *десятины* на новую церковь.[8]

Что касается до *втораго Мая*, то этотъ день съ особенностью торжественностью празднуется подъ Переяславомъ, верстахъ въ трехъ отъ него, на лѣвомъ берегу Альты, *на мѣстѣ убіенія Борисова.*

Ежегодно къ этому дню Альтское поле покрывается тысячами народа всякаго званія и возраста. По окончаніи литургіи, бываетъ большой крестный ходъ изъ Переяславскаго каѳедральнаго Собора на берегъ Альты. Съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ священнослужители всходятъ на помостъ, на которомъ совершается водоосвященіе, множество недужнаго

[7] —Первое перенесеніе мощей описано въ Лѣтописи Несторовой и въ особомъ Житіи Борисовомъ; а второе перенесеніе въ Лѣтописи Кіевской.

[8] —Вышегородское празднество при Ярославѣ описано въ Житіи Борисовомъ. Оно происходило въ 1020-мъ году или вскорѣ послѣ него (а не въ 1035-мъ и не въ 1050-мъ).—Ярославъ праздновалъ осемь дней, подобно тому, какъ и Владиміръ, поставивъ Преображенскую церковь въ Васильковѣ, праздновалъ осемь дней. Но на праздникѣ перенесенія мощей при Владимірѣ Мономахѣ (1115 г.) празднество продолжилось три дня.

ст҃ы борисъ идеть на пе̑нѣ

того же числа, было 1115 года, когда Владиміръ Мономахъ, съ двумя Святославичами, соорудилъ въ Вышгородѣ каменную церковь во имя св. мучениковъ.[9] Отъ этой Вышегородской церкви, со времени Батыева нашествія, уцѣлѣло только каменное основаніе, на которомъ стоитъ нынѣшняя деревянная церковь; да и самое мѣстопребываніе святыхъ мощей, съ той поры, покрылось для насъ неизвѣстностью.

Но Руские богомольцы и нынѣ ежегодно собираются въ Вышгородъ праздновать память святыхъ князей, *24-го Іюля, въ день убіенія Борисова.* Такъ уставилъ еще древній Ярославъ, когда онъ, построивъ тамъ первую церковь во имя Бориса и Глѣба, и положивъ въ ней мощи святыхъ братьевъ своихъ, заключилъ свою радость о томъ восьмидневнымъ пиромъ народу, и назначеніемъ *десятины* на новую церковь.[8]

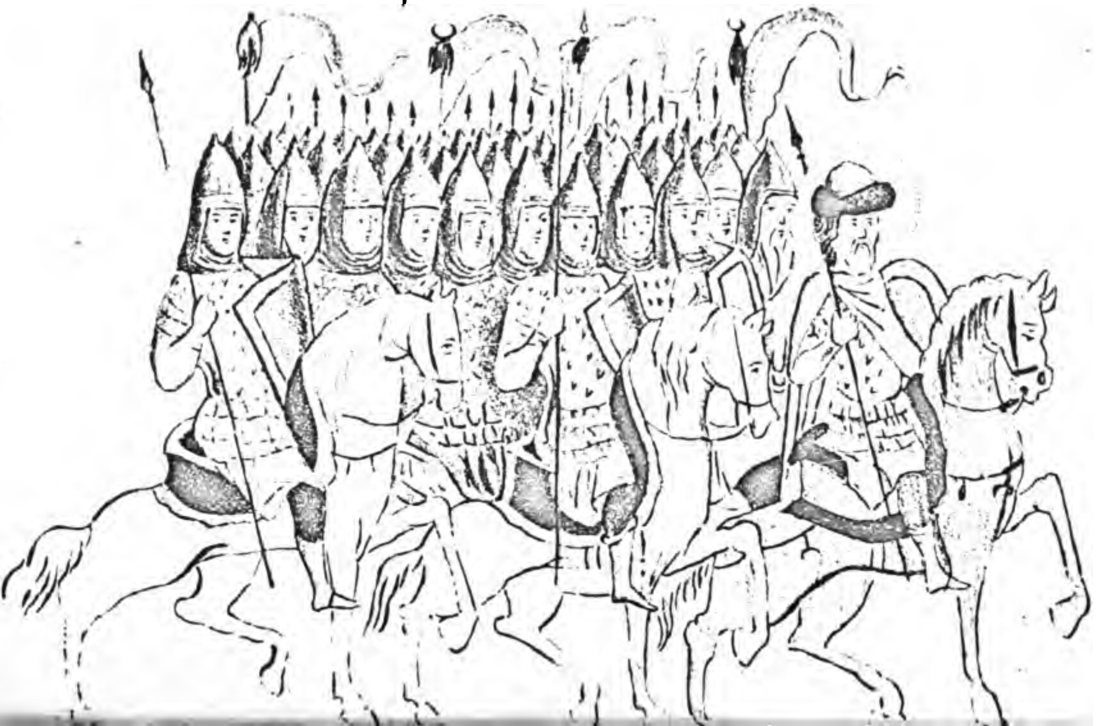
Что касается до *втораго Мая*, то этотъ день съ особенностью торжественностью празднуется подъ Переяславомъ, верстахъ въ трехъ отъ него, на лѣвомъ берегу Альты, *на мѣстѣ убіенія Борисова.*

Ежегодно къ этому дню Альтское поле покрывается тысячами народа всякаго званія и возраста. По окончаніи литургіи, бываетъ большой крестный ходъ изъ Переяславскаго каѳедральнаго Собора на берегъ Альты. Съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ священнослужители всходятъ на помостъ, на которомъ совершается водоосвященіе, множество недужнаго

[9] —Первое перенесеніе мощей описано въ Лѣтописи Несторовой и въ особомъ Житіи Борисовомъ; а второе перенесеніе въ Лѣтописи Кіевской.

[8] —Вышегородское празднество при Ярославѣ описано въ Житіи Борисовомъ. Оно происходило въ 1020-мъ году или вскорѣ послѣ него (а не въ 1035-мъ и не въ 1050-мъ).—Ярославъ праздновалъ восемь дней, подобно тому, какъ и Владиміръ, поставивъ Преображенскую церковь въ Васильковѣ, праздновалъ восемь дней. Но на праздникѣ перенесенія мощей при Владимірѣ Мономахѣ (1115 г.) празднество продолжалось три дни.

ст҃ы борисъ идеть на пе҃нѣ



то
ми
ка
Вь
лі
ні
сі
мі

вь
Д
д
к
с
м
н

б
в
т

т
н
с
в
к

о.

в.

народа входить въ рѣку. Нельзя безъ умиленія глядѣть на это молитвенное чаяніе движенія воды, во все продолженіе молебствія. Но еще торжественнѣе то святое мгновеніе, когда съ погруженіемъ животворящаго креста, возгласять: «Спаси, Господи, люди Твоя!» Тогда, съ именемъ святаго Бориса на устахъ и съ крестнымъ знаменьемъ, народъ цѣлыми сотнями стремится въ освященную рѣку, чтобы окупаться въ ней, и вмѣстѣ съ сброшенною съ себя одеждою, потопить въ ней свои недуги и печали.

Берегъ Альты, гдѣ совершается это народное празднество, *благословился* кровью святаго Бориса въ 1015 году, черезъ девять дней по кончинѣ святаго Владиміра. Любимый сынъ его — разумный и набожный Борисъ — ходилъ тогда изъ Кіева противъ Печенѣговъ, и на возратномъ пути остановился на берегу Альты. Здѣсь пришла ему вѣсть о смерти отца. Воины разошлись отъ него, и онъ остался только съ своими отроками. Плакавшись по отцѣ, Борисъ ночью пѣлъ заутреню въ шатрѣ своемъ, передъ образомъ Спасителя. Въ то время убійцы, посланные Святополкомъ, подступили близко къ шатру; и когда Борисъ легъ уже на одръ, они, какъ дикіе звѣри, напали на него и прокололи его копьемъ. Любимый отрокъ его, Георгій Угринъ, упалъ на него также заколотый, и потомъ еще обезглавленный для того, чтобы скорѣе снять съ его шеи большую золотую гривну на цѣпи, возложенную Борисомъ. Изъ другихъ отроковъ избавился отъ убійства только братъ Георгія, Моисей Угринъ, бѣжавшій въ Кіевъ, къ Борисовой сестрѣ Предславѣ. Въ послѣдствіи онъ, потерпѣвъ много въ Польскомъ плѣну, сподобился почить нетлѣнно среди угодниковъ Божіихъ, въ Ближней или Антоніевой пещерѣ.

Убійцы Бориса, увертѣвши его въ шатеръ, и положивъ на *кола*, повезли его еще дышущаго. Узнавши объ томъ Святополкъ, послалъ двухъ Варяговъ, чтобы *прикончать* его. Одинъ изъ нихъ видя, что Борисъ еще живъ, про-

зилъ его мечемъ къ сердцу. Такъ скончался блаженный Борисъ. Тѣло его принесли тайно въ Вышгородъ, и положили у церкви св. Василія. — Тамъ возлѣ него, черезъ четыре года, положено было и тѣло юнѣйшаго брата его Глѣба, отысканное ловцами по повелѣнію *Ярослава*. Кроткій Глѣбъ зарѣзанъ былъ въ томъ же 1015-мъ году *5-го Сентября*, на рѣкѣ Смядинѣ (ниже Смоленска), другими убійцами, посланными отъ того же *окаяннаго* брата ихъ Святополка.

На мѣстѣ убіенія Борисова, черезъ четыре года по его кончинѣ, стоялъ князь *Ярославъ*, готовясь на роковую битву съ Святополкомъ и Печенѣгами. Тамъ онъ молилъ Бога объ отмщеніи братоубійцѣ, и взывалъ къ убіеннымъ братьямъ, прося ихъ молитвы себѣ на помощь. Это было въ пятокъ, при восходящемъ солнцѣ. И соступилися обое. И была сѣча зла, какой не было дотолѣ въ Руси. Но къ вечеру одолѣлъ *Ярославъ*; а Святополкъ бѣжалъ навсегда, гонимый Божьимъ гнѣвомъ. Такимъ образомъ, въ 1019-мъ году, на Альтскомъ полѣ, рѣшилась въ то время судьба Кіева и цѣлой Руси.

Поставилъ ли что здѣсь *Ярославъ*, въ память Бориса и славной побѣды своей, и что было здѣсь въ продолженіе вѣка, объ томъ нѣтъ у насъ древняго сказанья. Но нельзя предположить, чтобы такое достопамятное мѣсто осталось въ забвеніи тогда, какъ Борисъ и Глѣбъ уже прославились своею святостью; и особенно, когда состоялся новый праздникъ — *перенесенія* мощей ихъ въ Вышгородѣ. Воротясь съ того празднества въ свой Переяславъ, князь Всеволодъ *Ярославичъ* и епископъ Петръ, конечно, учредили и у себя на Альтѣ праздникъ *втораго Мая*; и вѣроятно, не позже 1073 года возникла здѣсь часовня, упоминаемая въ лѣтописяхъ подъ именемъ *Летской* т. е. Альтской *божницы*. *

*.—Находя, по лѣтописямъ, и въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ, не мало Рускихъ божницъ, мы несомнѣнно принимаемъ *Летскую* божницу за православную Рускую часовню, которая существовала на мѣ-

Возлѣ этой божницы, вѣроятно, стояла и та *прекрасная* каменная церковь, которую во имя Бориса и Глѣба соорудилъ Владиміръ Мономахъ, 1117 года, и у которой онъ окончилъ свою доблестную жизнь, 1125 года. [b]

А что праздничный ходъ изъ Переяслава на Альту въ Борисовъ день былъ и въ древнее время, то видно изъ сказанья Лаврентьевской лѣтописи о Мономаховомъ

стѣ убіенія Борисова и въ 1154 году отдѣльно отъ Мономаховой церкви, поставленной черезъ два года послѣ втораго перенесенія мощей.

Такимъ образомъ я не признаю того мнѣнія, какое предложено Митрополитомъ Евгеніемъ, въ Описаніи Кіевософійскаго Собора, на стр. 62, — будто божница Летская была Польская католическая каплица. Названіе *Ляцкой*, поставленное въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи вм. *Летской*, означаетъ здѣсь не Ляцкую или Польскую; но (какъ принималъ и Карамзинъ) Альтскую, стоящую на рѣкѣ Льтѣ или Альтѣ. Точно такъ и Альтское поле называется въ лѣтописи *Летьскимъ* (а по Кенигсбергскому списку *Лътескимъ*).

Арцыбышевъ, въ Повѣствованіи о Россіи (Т. I. стр. 68, 152) принималъ Альтскую божницу заодно съ Мономаховою Борисоглѣбскою церковью на Альтѣ. Не невѣроятно, чтобы великолѣпная каменная церковь называлась божницею. При томъ же, въ Кіевской и многихъ другихъ Рускихъ лѣтописяхъ, Мономахова церковь и божница Летская различаются явственно.« Тогда же (1154) много зла створиша Половци около Переяславля, и пожгоша села вся, и Летьскую божницу, и святою мученику Бориса и Глѣба (т. е. церковь) зажгоша.« Монахъ Лаврентій, или одинъ изъ его предшественниковъ въ переписке лѣтописи, пропустивъ второй союзъ и, поставилъ такъ: »и Летьскую божницу святою мученику зажгоша.« Отсюда возникло мнѣніе Арцыбышева.

[b]—Въ похвалѣ Мономаху, продолжатель Несторовой лѣтописи говоритъ такъ: »велику же вѣру стяжа къ Богу, и сродникома своима къ святыма мученикома Борису и Глѣбу; тѣмъ же и церковь прекрасну созда на Лтѣ, во имя ею, идѣже святаго Бориса кровь прольяна бысть...... Преставися на Лтѣ у милое церкве, юже созда потщаніемъ многимъ; сынове же его и бояре несоша Кіеву; и положенъ бысть въ святѣй Софьи у отца своего.« (Лаврент. Лѣт.)

Вспомнимъ при этомъ Мономаховы слова, изъ его Поученія. »Идохъ на отця своего мѣсто Переяславлю; и выидохомъ на святаго Бориса день изъ Чернигова; и ѣхахомъ сквозѣ полки Половецкія, не въ 100 дружинѣ, и съ дѣтми и съ женами; и облизахуться на насъ акы волци, стояще и отъ перевоза и съ горъ; Богъ и святый Борисъ не да имъ мене въ користь; неврежени доидохомъ Переяславлю.«

сынѣ Юріѣ Долгорукомъ, который находился въ Переяславѣ 1151 года: приспѣвшу празднику святыхъ мучениковъ, ходилъ онъ на Альту; и оттуда сынъ его Андрей Боголюбскій отправился въ Суздаль.

Въ княженіе Глѣба Юрьевича, 1154 года, Половцы, опустошая окрестности Переяслава, сожгли Альтскую божницу и Борисоглѣбскую церковь.

Съ той поры, не находимъ уже никакого объ нихъ письменнаго извѣстія отъ прошедшихъ вѣковъ. Сквозь мглу минувшаго, только подъ конецъ 17-го вѣка, усматриваемъ небольшую деревянную Борисоглѣбскую церковь, — и уже не тамъ, гдѣ пролита была кровь св. Бориса; а въ Переяславскомъ Заальтицкомъ предмѣстьи, на правомъ берегу Альты, при ея впаденіи въ Трубежъ. Отъ этой церкви не осталось ничего, что было бы старѣе 1700-го года; и она, по преданію, была такъ мала, что въ ней продолжалось еще служеніе, когда надъ нею (въ 1784-мъ году) построена была уже нынѣшняя деревянная Борисоглѣбская церковь.

На мѣстѣ убіенія Борисова и теперь находится большой каменный крестъ, поставленный *2-го Мая 1661 года*. А надъ этимъ крестомъ болѣе полутораста лѣтъ стояла небольшая деревянная часовня, называвшаяся по-здѣшнему *капличкою*. Убогій памятникъ *заступнику Руской земли*.... Но онъ богатъ воспоминаніями и вѣрою народа, приходящаго съ древнихъ временъ молиться въ часовнѣ святому Борису, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ самъ молился въ шатрѣ своемъ, въ послѣдній часъ своей земной жизни.

Полуизглаженная надпись на крестѣ свидѣтельствуетъ, что его *водрузилъ* здѣсь Переяславскій протопопъ *Григорій Бутовичъ*, съ помощью Стрѣлецкаго головы *Селивана Кириловича Бѣлаго*. Надъ этою надписью нарѣзаны на крестѣ извѣстныя слова побѣды IС ХС NI КА, * которыя такъ часто

* — Въ Малороссіи ведется слѣдующее простонародное толкованіе этихъ словъ: «На крестѣ Искупленъ Кровію Адама.» Но эти слова значатъ: побѣждаетъ.

встрѣчаются въ Южной Руси на разныхъ древнихъ предметахъ, начиная съ гробницы Ярославовой. На другой сторонѣ креста нарѣзано гербовое начертаніе съ буквами Г Б П; а подъ нимъ надпись: »делалъ крестъ сей Харко Безпалчій мелникъ съ товаришемъ своимъ Мартиномъ«.

Снимая всю эту надпись съ креста, въ 1837-мъ году, незабвенный издатель *Очерковъ Россіи* [7] Вадимъ Пассекъ не могъ уже разобрать фамильнаго имени Григорія; и въ помянутыхъ трехъ буквахъ угадывалъ имена Глѣба и Бориса. Но эти буквы означаютъ имя *Григорія Бутовича Протопопа*, и принадлежатъ къ его гербу. Тотъ же гербъ, съ тѣми же буквами, написанный рукою самаго Григорія, встрѣтилъ я трижды, перелистывая старинный помянникъ Успенской Переяславской церкви, при которой Бутовичъ былъ протопопомъ съ 1651-го года. [8] Такъ какъ эта церковь (пер-

[7] — См. статью Пассека »Окрестности Переяславля« въ Очеркахъ Россіи, кн. 4. М. 1840.

Нельзя умолчать о другой ошибкѣ, повторенной два раза въ той же статьѣ: будто мощи Бориса и Глѣба открыты при Ярославѣ въ 1050 году и перенесены въ Печерскій монастырь.

Мощи были открыты въ митрополитство Іоанна перваго, который скончался 1035-го года. А что онѣ оставались въ Вышегородской церкви и послѣ втораго перенесенія въ 1115 году, то видно изъ Кіевской лѣтописи, гдѣ одинъ изъ писавшихъ ее, говоритъ какъ современникъ: »гдѣ нынѣ лежита.« При томъ же и монастыря Печерскаго не было еще въ 1050-мъ году.

[8] — Вотъ краткая повѣсть о Григоріѣ, собранная мною изъ разныхъ памятниковъ старины. — Родомъ онъ былъ изъ Бѣлой-Церкви, сынъ тамошняго священника Филона Тарасьевича Бутовича. Съ 1651-го года онъ сталъ протопопомъ Успенской соборной церкви въ Переяславѣ. Здѣсь онъ священнодѣйствовалъ и въ тотъ достопамятный день, когда Богданъ Хмельницкій съ войсковою старшиною присягалъ на вѣрность престолу Московскому. Когда передъ этимъ, 31-го Декабря 1653 года, Московскіе полномочные послы въѣзжали въ Переяславъ, то Григорій, встрѣтивъ ихъ у городскихъ воротъ и окропивъ святою водою, привѣтствовалъ ихъ рѣчью; и оттуда всѣ шли въ Соборъ; а 8-го Января 1654-го года, когда гетманъ съ бояриномъ Бутурлинымъ пришли уже въ Успенскому Собору для присяги, Григорій, съ прочими священниками и діаконами Переяславскими, встрѣтилъ ихъ на паперти, съ пре-

воначально основанная еще Владиміромъ Мономахомъ 1098 года) въ 17-мъ столѣтіи была соборною, то можно полагать навѣрное, что крестный ходъ на Альту производился тогда изъ нея.

Что касается до Альтской божницы, то изъ нѣсколькихъ ея возобновленій одно принадлежало Θеодосію игумену Межигорскому, въ 70-хъ годахъ 17-го вѣка; а въ послѣдній разъ она возобновлена была 1832 года.

Капличка.

Народъ и теперь еще не отвыкъ называть именемъ *Каплички* праздникъ 2-го Мая на Альтѣ; но теперь на ея мѣстѣ находится уже каменная церковь во имя св. Бориса.

Еще въ 1660-мъ году дана была Межигорцамъ грамота царя Алексѣя Михайловича «на строеніе *монастыря на крови святаго Страстотерпца Бориса*, и на мѣстечко

ставши и паданачр, и пробѣлы »буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка!« — Въ 1660-мъ году Григорій Филоновичъ получилъ царскую грамоту на село Ерковцы для Успенской церкви. Въ исходѣ 1663-го года онъ былъ въ Москвѣ, въ свитѣ гетмана Брюховецкаго, и тамъ подписалъ его договорныя статьи. Но когда, послѣ возвращенія его изъ Москвы, начались мятежи Переяславскіе; тогда Григорій переселился въ городъ Гадячъ, гдѣ и скончался.

Бобровицу къ тому монастырю въ подданство.»[9] Но неизвѣстно, почему не состоялось тогда построеніе монастыря, и почему вмѣсто него, черезъ четыре года, поставленъ былъ только каменный крестъ съ часовнею. Послѣ того не ранѣе, какъ въ 1826 году, было предпринято построеніе каменной Борисовской церкви, при бывшемъ тогда Переяславскомъ епископѣ Георгіѣ. Но исполнить сіе достойное дѣло суждено было Переяславскому архіепископу Гедеону. На зовъ пастыря, съ усердіемъ отвѣтствовала паства; и въ 1839-мъ году возникла новая церковь, надъ старипнымъ крестомъ, оставшимся въ ней съ лѣвой стороны. Она заложена преосвященнымъ Гедеономъ *2-го Мая* 1839 года; освящена въ слѣдующемъ году *21-го Іюля*, какъ въ храмовой день ея; а въ 1841-мъ году устроенъ въ ней на правой сторонѣ и освященъ придѣлъ во имя св. Глѣба, котораго память издревле празднуется еще особо, *5-го Сентября*. Такимъ образомъ въ Борисовской Альтской церкви соединились всѣ три праздника святымъ князьямъ-страстотерпцамъ.

Участокъ Альтскаго берега, на которомъ поставлена Борисовская церковь и совершается вышеописанное празднество, принадлежалъ съ 1660 года Межигорской обители. Благочестивая старина обвела его со всѣхъ четырехъ сторонъ валомъ, донынѣ уцѣлѣвшимъ на половину. Межигорцы, имѣвшіе свое подворье въ близъ-лежащемъ селѣ Демянцахъ[10] на Альтѣ, служили молебны и панихиды у

9.—Грамота дана 12-го Апрѣля 1660-года. О томъ же и въ томъ же году Межигорцы получили и универсалы—отъ гетмана Юрія Хмельницкаго, и отъ Переяславскаго полковника Тимоѳея Цецуры.

10.—Водвореніе Межигорцевъ въ селѣ Демяничачахъ (по-древнему Деменескъ, а по-нынѣшнему Демянцы) началось въ 1642 году, когда панъ Кирило Огризко подарилъ имъ свой хуторъ въ Демяничачахъ надъ Ильтицею (т. е. Альтою); что и утверждено было въ 1643-мъ г. Конецпольскимъ, а въ 1645-мъ г. королемъ Владиславомъ.

креста, для приходящихъ сюда на праздникъ Бориса; а въ день праздника, послѣ водосвятія, они угощали Переяславцевъ и весь народъ обѣдомъ. Но когда уничтожился ихъ монастырь подъ Кіевомъ (1787 г.), тогда они передали Альтскую капличку и Борисовскую площадь священнику Воздвиженской Деманецкой церкви, къ приходу которой принадлежитъ издавна эта полоса Альтскаго берега.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи владѣльцемъ Борисовской площади явился Иванъ Васильевичъ Кондратьевъ, помѣщикъ смежной деревушки Кондондовки или Борисовки. Но утратѣ своего единственнаго сына, онъ въ 1837 году отдалъ подъ церковь и погостъ безъ малаго десятину этой достопамятной земли. Церковное вѣдомство уже обводитъ каменною оградою эту часть, и строитъ на ней деревянную богадѣльню на 15 человѣкъ.

Жаль однако, что Борисовская площадь не вся еще возвращена церкви, и что она теперь не въ прежнемъ ограниченіи. Нѣкоторая часть ея по берегу Альты принята подъ садъ владѣльца; а со стороны Альтскаго поля ее заслонили собою, съ недавняго времени, нѣсколько хатъ съ клунею. Нѣкоторыя изъ нихъ переступили черезъ старинный граничный валъ, которымъ издавна обведена Борисовская площадь. Отъ этого она, и безъ того не очень

Въ 1690-мъ году Межигорцы получили царскую грамоту и гетманскій универсалъ на села Деманичи и Харьковцы, въ *Переяславскомъ ключу*.

Въ 1696-мъ году Мазепа подтвердилъ Переяславскому полковнику, чтобы въ Деманичахъ и Харьковцахъ аренда была Межигорскому монастырю.

Послѣ того уже въ 1702-мъ году Межигорцы купили хуторъ и островъ въ Деманичахъ, у Анны Татариновой, которая владѣла имп по завѣщанію своего крестнаго отца полковника Войцы. Да у Деманскаго священника Θеодора Григорьевича пріобрѣли Межигорцы пахатнаго нивья за 12 талярей; а 1719 г. у него же купили грунтъ и дворъ въ селѣ Деманцахъ. Въ 1712 г. Спаскій священникъ Павелъ Доброницкій завѣщалъ имъ около Деманичъ пахатнаго поля въ 3-хъ рукахъ.

обширная, крѣпко стѣснилась, и входъ въ нее сталъ неудобенъ и неблаговиденъ.

—

Октября 5-го въ 1846 году, по пути въ Кіевъ, я вновь посѣтилъ достопамятный берегъ Альты, гдѣ въ Борисовъ день она обращается въ купель, подобную Силоамской, но уготованную не для одного, а для тысячи недужныхъ. Теперь я не нашелъ здѣсь ни души здѣшней. Только бородатый каменьщикъ съ своимъ товарищемъ постукивалъ кирпичами, работая церковную ограду. Онъ напомнилъ мнѣ собою о дальнемъ сѣверѣ, и объ перехожемъ слѣпцѣ *Иванѣ*, который только сажень земли могъ считать собственностью на этомъ *вольномъ свѣту*; [11] но отъ котораго не одно поколѣніе слушало народную пѣснь о Борисѣ и Глѣбѣ. Вотъ отрывокъ изъ этой пѣсни.

»Какъ старѣйшій братъ ненавистной злой
Бориса взялъ—копьемъ вдружилъ,
А Глѣба—ножемъ зарѣзалъ.
Онъ думалъ злодѣй, рай растворился;
Анъ самъ сквозь сырой земли провалился.
А тѣ тѣла Борисово,
Борисово и Глѣбово,
Лежали ровно тридсять лѣтъ; [12]
Ни звѣрь ихъ, ни птица не тронули,
Ни мрачное помраченіе,
Ни солнечное попеченіе.

11.—Выраженіе *вольный свѣтъ* очень часто встрѣчается въ народныхъ Великорусскихъ пѣснопѣніяхъ духовныхъ; а тотъ свѣтъ уже неволенъ.

12.—Число 30 здѣсь принадлежитъ не исторіи, а народной поэзіи Великорусской, которая любитъ это число.

Какъ тридсять лѣтъ миновалюся,
Явилюся явленіе:
Явился столпъ огненный
Отъ земли и до неба.
Къ тому столпу огненному
Сходилися, съѣзжалися
Цари, власти и патріархи,
И вся православные христіане;
Служили молебны благочестны,
Двумъ братамъ, Борису и Глѣбу;
Святыя тѣла обрѣтоша намъ
Двухъ братьевъ, Бориса и Глѣба.
Отъ святыхъ мощей было прощеніе.
Погребали ихъ свѣтовъ со славою.
А мы поемъ славу Борисову,
Борисову и Глѣбову,
Во вѣки вѣковъ, аминь!«

М. МАКСИМОВИЧЪ.

1846 г.
М. Г.

(Продолженіе впредь.)

О КАРПАТСКОЙ РУСИ.[1]

Отъ границы Молдавско-Трансильванской, населенной Волохами, тянутся по Карпатскимъ горамъ и ихъ долинамъ, черезъ 7 *столицъ* (комитатовъ) королевства Венгерскаго, населенія народа Рускаго. Откуда и когда здѣсь взялся этотъ народъ? вопросъ объ этомъ еще не рѣшенъ. По увѣренію Угровъ, здѣшняя Русь пришла вмѣстѣ съ ними въ Паннонію, и съ ними заодно отвоевала ее у Словаковъ. Но мы Русины думаемъ, что наши праотцы были вызваны въ 13-мъ вѣкѣ Венгерскимъ королемъ изъ *Подоліи*, вмѣстѣ съ ихъ княземъ Каріатовичемъ, дабы заселить горы и долины Карпатскія, опустошенныя *песьеголовцами* Татарами.

У насъ ведется преданіе, что Каріатовичь съ своимъ народомъ, занявши въ Карпатахъ сперва берега Унга и Латорицы, а потомъ берега Тисы, разъ въ ночи видѣлъ ангела, ходящаго по водамъ Латорицы, и указывающаго на гору Черницкую. На этой горѣ князь построилъ монастырь Мункачевскій; а на другомъ берегу, на отдѣльной, высокой и круглой горѣ, красивый Мункачевскій замокъ, называемый при королевскомъ дворѣ *золотымъ яблокомъ*. Этотъ замокъ и былъ средоточіемъ Карпатской Руси. Его великолѣпныя залы не разъ принимали въ себя царей и

1. — Статья эта написана для Кіевлянина въ исходѣ 1840 года, въ Кіевѣ, *Андреемъ Николаевичемъ Дешкомъ*, природнымъ Карпаторуссомъ, переселившимся въ Россію лѣтъ за шесть передъ симъ. М. М.

славныхъ подвижниковъ: Ракоція, Текеллія и другихъ. На его башняхъ пала въ отчаянной борьбѣ славная Угорская героиня Елена Зрини.

Жилища Русиновъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки Тисы, заняли почти всю столицу *Мараморошскую*, *Берегскую*, *Угочскую* и *Ужгорскую*, большую часть столицъ *Земплинской*, *Сукмарской* и *Саболчской*, и нѣкоторую часть *Шарошской*.

На Угорскую землю указываютъ, какъ на одну изъ прекраснѣйшихъ странъ въ Европѣ; но возьмите отъ нея Карпаты, и вы взяли всю ея красоту. На вершинахъ этихъ горъ, называемыхъ *бѣлыми полонинами*, вы видите неподвижныя голубо-бѣлыя облака: то никогда не тающіе снѣга Карпатскіе.[а] Подъ этими полонинами всегда стоятъ черно-зеленыя тучи: то обширные дремучіе лѣса высокой *смерéки*,[б] надъ которыми летаютъ только орлы, и въ которыхъ гуляютъ одни лѣнивые медвѣди и роются дикіе кабаны. Подъ густою сѣнью этихъ лѣсовъ, непроницаемою для солнца и прохладительнаго вѣтра, усталый охотникъ не найдетъ себѣ травнаго ковра; ему природа постлала здѣсь только колючіе, сухіе листья, на которыхъ онъ можетъ спать спокойно, нетронутый ни медвѣдемъ, ни вепремъ; ибо они не нападаютъ на спящаго человѣка.

Ниже этихъ угрюмыхъ и безмолвныхъ боровъ, спускаются по горамъ обширные лѣса, въ которыхъ огромные буки и дубы перемѣшаны съ каштанами, дикими яблонями и грушами. Здѣсь природа живѣе и разнообразнѣе; земля покрыта уже зеленью и цвѣтами; воздухъ колышется вѣтерками, и оглашается то пѣніемъ различныхъ птицъ, то непрерывнымъ звономъ колоколовъ, которыми

[а] — Наибольшія бѣлыя полонины находятся въ Мараморошѣ. Горы менѣе высокія, на которыхъ скоро таетъ снѣгъ и на его мѣстѣ зеленѣетъ трава, называются *полонинами зелеными*. А. Д.

[б] — *Смерека* по Карпаторуски, *смрека* по-Хорутански, значитъ сосна. М. М.

всегда увѣшаны здѣсь пасущіяся стада; то жалобными звуками пастушьихъ роговъ, на которыхъ съ отличнымъ искуствомъ играютъ здѣшніе овчари, обыкновенно въ ночную пору. Здѣсь и тамъ весело шумятъ рѣки, выходя изъ нагорныхъ ключей и снѣговъ полонинскихъ; быстро падаютъ онѣ съ вышины; и ужé на долинахъ сливаются въ большія рѣки, каковы: Иза, Унгъ, Берéжава, Лáторица; и всѣ онѣ впадаютъ въ широкую Тису, черезъ которую Русскіе Карпаты передаютъ свои воды великому Дунаю. Въ этихъ нагорныхъ широколиственныхъ лѣсахъ, по обширнымъ *чистинáмъ* (или порубамъ), начинаются уже села, большею частью, многолюдныя; и при каждомъ селѣ поля́, раздѣленныя на двѣ половины. Одна изъ нихъ, на которой сѣется хлѣбъ и снимается сѣно, называется *цáриною*; другая, назначенная въ тотъ же годъ для пастьбища, называется *толóкою*.

Между этими высокими горами простираются уже обширныя долины, пересѣкаемыя рѣками и уставленныя возвышенностями меньшей величины. Но здѣсь и села обширнѣе, и люди рослѣе, и разводимый ими скотъ крупнѣе, чѣмъ на горахъ. Подкарпатскимъ долинамъ принадлежитъ все наше городовое поселеніе. На лѣсныхъ горахъ почти нѣтъ городовъ; между тѣмъ, какъ на возвышенностяхъ, разсѣянныхъ по долинамъ, почти на каждой есть развалины крѣпостей, о которыхъ ведутся въ народѣ разныя сказки, но почти не осталось историческихъ извѣстій. На этихъ же возвышенностяхъ воздѣлываются *виницы*, то есть виноградники, изъ которыхъ вина весьма уважаются; ибо *Середнянское* вино изъ столицы Унгварской, и вино *Ложóвское* изъ столицы Беречской, считаются первыми послѣ *Токайскаго*.

Нельзя не вспомнить здѣсь о славныхъ Мараморошскихъ кóпяхъ, доставляющихъ неистощимое количество соли. Ея разработка и вывозъ по Тисѣ до самого города

Солнока, производится почти исключительно народомъ Карпаторускимъ.

Примѣчанія достойно еще богатство здѣшней земли минеральными ключами. Особенно уважаются, по цѣлебной силѣ своей, воды: *Собранская* въ Унгварской столицѣ, *Сольвская* и *Синякъ* въ Беречской столицѣ. Марамарошъ славится своею кипучею, холодною, кислою водою, называемою *Шум-гум*.

Но не вдаваясь въ подробное описаніе произведеній здѣшней природы, я поспѣшу разсказать вамъ про житье-бытье здѣшняго народа. Большую часть его составляетъ *кметство* или *кмети*, то есть поселяне. Они живутъ на владѣльческихъ земляхъ и обработываютъ оныя на извѣстныхъ условіяхъ, опредѣленныхъ Венгерскимъ королевскимъ Собраніемъ.

Другой классъ народа составляютъ *мѣщане*. Изъ нихъ образуется сословіе *почетныхъ людей*, свободное отъ поголовной подати и общественныхъ работъ. Сюда причисляются всѣ ремесленники, купцы, и тѣ изъ кметей, которые кончили гимназическій курсъ наукъ.

Третій классъ народа *дворяне*. Званіе дворянское пріобрѣтаемо было военными заслугами, потому особенно важными для Венгріи, что Русины, живучи на границѣ Молдавско-Трансильванской, всегда первые принимали на себя и отражали напоръ Турецкой силы. Русинъ въ дворянствѣ пользуется тѣми же правами, какъ и Венгерецъ; хотя по состоянію, дворянство Руское вообще бѣднѣе Венгерскаго. Это конечно зависѣло много отъ раздробленія между дѣтьми благопріобрѣтаемыхъ, неслишкомъ большихъ имѣній.

Духовенство Карпаторуское составляется частію изъ изъ дворянства, но еще болѣе изъ кметства, получившаго образованіе. Кметь, пріобрѣвъ духовное званіе, съ тѣмъ вмѣстѣ получаетъ уже и права дворянства, какъ относительно владѣнія землею, такъ и относительно участія въ

дворянскихъ Собраніяхъ. Дѣти священниковъ считаются наравнѣ съ дворянскими.

Всѣ эти сословія Рускаго народа въ Карпатахъ принадлежатъ къ Церкви Греческой, нынѣ уніатскаго, а въ прежнее время православнаго исповѣданія.

Духовная власть сосредоточивается въ особѣ епископовъ, которые избираются королемъ Венгріи изъ достойнѣйшихъ и неженатыхъ священниковъ, притомъ изъ бѣльцовъ, а не монаховъ. По утвержденіи папскою буллою, они посвящаются или въ Карпатскихъ епархіяхъ, или въ Галиціи. Епархій Карпаторускихъ двѣ: одна *Мункачевская*, [a] другая *Пряшевская*. Къ послѣдней принадлежатъ не одни Руские, но и Словаки Греческой вѣры. Епископы наши пользуются одинакими правами съ католическими; они засѣдаютъ и подаютъ голосъ при высшемъ столѣ Магнатовъ, чего не имѣютъ епископы православные, наприм. Расціанскіе. До нашего времени Карпаторускіе епископы, еще по древнему православному обычаю, носили бороду и длинные волоса на головѣ; но Мункачевскій епископъ Василій Поповичъ первый явился на посвященіе во Львовъ, 1838 года, [b] безъ бороды и обстриженный, къ немалому удивленію народа.

Что касается до священниковъ, то изъ нихъ лишь немногіе старики украшаютъ себя бородами. Большая часть священниковъ женится до посвященія; впрочемъ женитьба не поставляется имъ въ необходимое условіе. Для достиженія священства должно кончить шестиклассный курсъ гимназическихъ наукъ, учиться еще два года философіи, и потомъ четыре года богословію. Гимназія находятся въ

[a] — Каѳедра Мункачевскаго епископа перенесена изъ Мункачева въ Унгваръ. М. М.

[b] — На посвященіе его изданы во Львовѣ 1838 г. двѣ стихотворныя брошюры: Іосифа Левицкаго — *Стихъ въ честь Его Преосвященству Киръ Василію Поповичу*, и Могильницкаго — *Пѣснь радостна*. Объ нихъ см. въ Кіевлянинѣ, кн. II. 1841. М. М.

Рускихъ городахъ Сиготѣ и Унгварѣ; философія преподается только въ городахъ Венгерскихъ, а богословіе въ Унгварѣ. Сюда стекаются для обученія не только Рускіе, но и Волохи; потому число образующихся здѣсь клириковъ и стороннихъ слушателей бываетъ весьма значительно.

Кромѣ сказанныхъ школъ, есть еще особыя монастырскія двѣ школы, въ которыхъ только монахамъ преподается философія и богословіе, на Карпаторускомъ языкѣ. Онѣ находятся въ двухъ значительныхъ монастыряхъ, Мункачевскомъ и Повчанскомъ.

Рускій городокъ *Повча* стоитъ далеко отъ Карпатовъ, въ столицѣ Саболчской, какъ островъ, окруженный Венгерскими кальвинами. Монастырь его славится въ народѣ своимъ чудотворнымъ образомъ Пресвятой Дѣвы Маріи. Ко дню Успенія, когда Великая Русь стекается отовсюду въ Кіевъ, на поклоненіе чудотворному образу Печерскому, Карпатская Русь идетъ молиться Богоматери Повчанской. Къ ней сходится на молитву и народъ католическій; и такимъ образомъ въ здѣшнемъ храмѣ можно слышать служеніе на языкахъ Славянскомъ, Латинскомъ и Румынскомъ или Волошскомъ; въ одно и то же время, вокругъ храма, тысячамъ толпящагося народа, возглашается проповѣдь на языкахъ Рускомъ, Волошскомъ, Венгерскомъ и Нѣмецкомъ.

Монахи Карпаторускіе всѣ одного чина, Базиліане. Одѣваются они въ черныя рясы и ходятъ съ бородами, но не въ клобукахъ, а въ шляпахъ. Монастырей женскихъ совсѣмъ нѣтъ здѣсь, также какъ нѣтъ здѣсь никакихъ особыхъ заведеній для образованія женскаго пола. Дѣвушки учатся Славянской грамотѣ и катихизису, вмѣстѣ съ мальчиками, въ сельскихъ школахъ.

Въ большихъ селахъ для школъ назначаются особые домы и особые учители; но въ селахъ меньшихъ учатъ *дьяки*, нерѣдко въ своихъ собственныхъ домахъ. Ученіе бываетъ большею частью только въ зимнее время, ибо въ

лѣтнюю пору дѣти занимаются пастушествомъ. За обученіе полагается обыкновенно отъ 10 до 30 грошей съ ученика ежегодно. Въ дополненіе къ тому, дается учителю квартира и участокъ земли. Ученіе, какъ сказано выше, весьма ограниченно: состоитъ въ чтеніи Венгерской и Руской азбуки, и въ обученіи Рускому краткому катихизису, по книжкамъ, издаваемымъ въ Будинѣ. Учить дѣтей поставляется въ обязанность всѣмъ родителямъ; такимъ образомъ грамотность, хотя и весьма скудная, принадлежитъ всему Карпаторускому народу. Для ея разширенія надобы учить не только чтенію, но и письму Рускому; къ сожалѣнію, однако въ сельскихъ школахъ учатъ немного писать только по-Венгерски; да и въ самыхъ семинаріяхъ Рускому письму учатъ только нѣсколько дней, при изложеніи науки *пасторальной*. При такомъ бѣдномъ состояніи Рускаго письма въ Карпатахъ случается нерѣдко, что священники, хотя слагаютъ проповѣди по-Славаноруски, но пишутъ ихъ буквами Латинскими. Катихизисъ, давно сочиненный Рускимъ канoccникомъ *Куткою*, есть почти единственная у насъ общеизвѣстная Руская книга. *Церковныя бесѣды* на языкѣ Славянорускомъ, изданныя въ Будинѣ 1831 года, *Михаиломъ Лучкаемъ*, * парохомъ и намѣстникомъ Унгварскимъ, и его же *Славяно-Руская Грамматика* на Латинскомъ языкѣ, суть необыкновенное у насъ явленіе.

Не могу не упомянуть еще объ умершемъ недавно старикѣ священникѣ *Лешковичѣ*: его изъ презрѣнія называли *идіотомъ*; но онъ умѣлъ сочинять Рускія пѣснопѣнія и распространять ихъ въ народѣ. Другіе Русины, становясь выше этой первоначальной образованности, являлись на высокой ея степени. Въ доказательство тому довольно бу-

* — Недавно скончавшійся Унгварскій священникъ *Михаилъ Лучкай*, былъ нѣкоторое время аббатомъ въ Лукнѣ, когда князь Лукианскій, желая показать Грекамъ свое вниманіе къ ихъ исповѣданію, содержалъ при дворѣ своемъ аббата съ двумя священниками в причетомъ Русинъ, изъ Карпатовъ. Но это продолжалось не долго. А. Д.

деть назвать *Михаила Вѣсника*, главнаго Вѣнскаго доктора, *Петра Типулы*, профессора политической экономіи въ университетѣ Пештянскомъ; канониковъ *Ивана Чурговича*, *Ивана Ляховича*, и священника *Василія Довговича*, членовъ академіи наукъ Пештянской. Называть ли здѣсь почтенныя имена *Орлая*, *Балугьянскаго* и другихъ Карпатскихъ уроженцевъ, которые прославили себя и родину свою служеніемъ въ имперіи Руской? Говорять и *Венелинъ*, столько уважаемый Болгарами, былъ нашъ землякъ; но въ Карпатахъ этого не знають.[7] Можно надѣяться, что въ Карпатахъ скоро разцвѣтеть письменное Руское слово, для просвѣщенія своего народа. При нынѣшнемъ епископѣ Василіѣ Поповичѣ, въ Унгварѣ заведена уже типографія, бывшая прежде въ Кошіцахъ. Пожелаемъ отъ души, чтобы въ ней краснорѣчивый священникъ *Гаджега*, *Иванъ Раковскій*, *Іеронимъ Гайду*, *Антоній Чопей*, и другіе даровитые Карпаторуссы, издали побольше своихъ произведеній, для пользы и славы своей отчизны. Но отъ этихъ сладкихъ надеждъ на будущее просвѣщеніе Карпатской Руси, возвратимся къ насущной долѣ ея поселянъ, изъ которыхъ и возникаеть лучшій цвѣть ея народа.

Языкъ Карпаторускаго народа ясно показываеть, что онъ есть вѣтвь народа Южнорускаго. Впрочемъ въ нарѣчіи его есть нѣкоторыя особенности отъ нарѣчій Малороссійскаго и Галицкаго. Таково наприм. весьма твердое ы, которое у *Горянъ* не смягчается и послѣ гортанныхъ звуковъ (*г*, *х*, *к*). По давнему общенію съ Венгерцами, въ нарѣчіе Закарпатской Руси принялось много Венгерскихъ отдѣльныхъ словъ и даже звуковъ, чѣмъ особенно отличается выговоръ *Долинянъ*, которые, и по виду и по одеждѣ, гораздо больше *объугрились*. У нихъ слышится часто,

[7]—Причиною этого незнанія могло быть то, что *Венелинъ* принялъ эту фамилію уже въ послѣдствіи, желая избѣжать предстоявшаго ему духовнаго званія. Подлинная и природная фамилія Венелина *Гуца*. Его родиною было село Великая Тибава, въ столицѣ Береченой. М. М.

наприм. Венгерскій звукъ *ü* (Французское *u*). Между тѣмъ у *Горянъ* господствуетъ тотъ звукъ *i* вмѣсто *o*, какимъ отличается выговоръ Украинцевъ и Галичанъ. Сами между собою *Горяне* прозываются *Лишаками*, а Долиняне *Лемаками*, по приговоркѣ *лишь* и *лемъ*, употребляемой ими въ рѣчи.

Есть и въ лицѣ Горянъ большое сходство съ Малороссіянами. Одежда женская также напоминаетъ убранство Украинокъ: та же сорочка, вышитая красною ниткою, и запáска съ плáхтою, подвязанныя краснымъ поясомъ. Голову здѣшнія женщины повязываютъ платкомъ, подбирая подъ него всѣ волоса; между тѣмъ какъ у дѣвушекъ волосы заплетаются въ длинную косу. Но головнымъ убо-ромъ отъ всѣхъ отличаются женщины Марамороскія, превосходящія всѣхъ въ Венгріи своею красотою. Тамошнія дѣвицы, заплетая волосы свои въ двѣ косы, надѣваютъ на голову красивую *пáрту*, сплетаемую въ видѣ толстаго и широкаго вѣнка изъ искуственныхъ цвѣтовъ и разноцвѣтныхъ гранатъ; а на лѣвой сторонѣ прикрѣпляютъ еще къ ней высокій пучекъ изъ цвѣтовъ натуральныхъ. Шею украшаютъ женщины Горянскія множествомъ *монистъ*, особенно красныхъ. На ногахъ, какъ женщины, такъ и мущины Горскіе, носятъ кожаные *постолы́*, завязываемые черными либо красными шерстяными *волóками*. Что касается до убранства мущинъ, то у Горянъ рубахи очень похожи на Великорускія, по боковой *распóркѣ*, и потому, что надѣваютъ ихъ поверхъ узкихъ *гáтей*. Волоса носятъ длинные, подстригаемые только на лбу; на голову лѣтомъ надѣваютъ *клебáны* съ круглою тульею и широкими брижами. Но у мущинъ Марамороскихъ широкія *гáти*; рубахи короткія, съ весьма широкими рукавами; всего же примѣчательнѣе въ ихъ нарядѣ чрезвычайно широкіе кожаные поясá, называемые *чéресами*, и верхнее длинно-шерстное одѣяніе, называемое *гýнею*, въ родѣ бурки съ рукавами. Женскія гуни нѣсколько короче. *Чéресъ* переходитъ изъ рода въ родъ, по завѣщанію отцовскому.

Домъ или *хйжа* у Горанъ строится изъ сосноваго дерева, покрывается осокою, и раздѣляется на жилую избу, сѣни и комору. Какъ внутри, такъ и снаружи хижи вымазаны и выбѣлены; но крыша отъ копоти скоро чернѣетъ; ибо домовыхъ трубъ, на домахъ нагорныхъ, обыкновенно не дѣлаютъ.

Всегдашнія строенія при домѣ суть: *хлѣвъ* для рогатаго скота и лошадей, *купи́цъ* для свиней. Въ особой отгородкѣ или *стожаръ*, при домахъ стоятъ высокіе *оборі́ги* сѣна, сложеннаго между четырехъ столбовъ, прикрытыхъ сверху *шапкою*. Передъ *вы́лорами*, т. е. окнами дома, стоятъ подвижные *кóши*, сплетенные изъ прутьевъ, для сохраненія пшеницы, либо кукурузы, которая здѣсь называется *тенгерíцею* и *мелíемъ*, и составляетъ самое употребительное хлѣбное растеніе, какъ въ горахъ, такъ и въ долинахъ. Изъ нея приготовляются не только разныя кушанья, но и пекутся хлѣбы. Потому и на поляхъ иногда встрѣчаете ее одну.

Середину села всегда занимаетъ церковь, по большой части, каменная. Близь церкви домъ священника, домъ дьячка и сельская школа. Иногда возлѣ церкви ставится *куні* или колода; но обыкновенное мѣсто этого станка для наказанія виновныхъ, возлѣ того дома, гдѣ живетъ *бирóвъ*, главный начальникъ села. Бировъ избирается изъ знатнѣйшихъ кметей, ежегодно, сельскою *громадою*. Ему въ помощники, которые называются *бoжéниками*, и въ другія общественныя должности, избираются кмети, также громадою, но по указанію бирова, по назначенію котораго собирается и *громада* на совѣтъ или *рáду* о дѣлахъ общественныхъ.

Кмети, какъ уже сказано выше, живутъ на земляхъ владѣльческихъ, церковныхъ и коронныхъ; но принявъ ее на извѣстныхъ условіяхъ, они владѣютъ ею уже потомственно, только безъ раздробленія между дѣтьми, а съ передачею меньшему сыну. Обработывая принятую землю, кметь за

цѣлый ея участокъ называемый по-Венгерски *телекомъ*, обязанъ работать на владѣльца въ годъ 52 дня пѣшихъ, или 25 тяглыхъ; давать *дъжму*, т. е. *десятину* съ полеваго сбору хлѣбнаго. Прежде была и *подымная* дань; но за нѣсколько лѣтъ передъ симъ она уничтожена.

Соразмѣрно уменьшенію принимаемой земли, противъ цѣлаго участка, и сказанная повинность кметя уменьшается. Священнику кметь обязанъ работать два дни въ годъ, и съ цѣлаго участка земли давать двѣ *ельки* (мѣрки) лучшаго хлѣба съ своего поля.

Въ казну вноситъ кметь поголовную *порцію* (т. е. подать), и отбываетъ повинность рекрутскую. Количество ежегодной подати опредѣляется на королевскомъ Собраніи, бывающемъ черезъ три года, и собирается бировомъ. Отъ головы человѣка и домашняго скота платится около ½ копѣйки серебромъ; впрочемъ, вмѣсто денежнаго взноса, подать принимается и воробьиными головками, и головами волчьими; волчья голова принимается въ три рубля серебромъ.

Что касается до рекрутства, то въ недавное время оно производилось такимъ порядкомъ, или лучше сказать, безпорядкомъ: на тайное повелѣніе *альишпана* (начальника столицы) поставить извѣстное число солдатъ или *катунъ* (съ Венгерскаго *катона*), бировъ съ своими помощниками и съ сельскою командою, въ зимнія ночи нападали на домы кметей и брали изъ нихъ силою, кого имъ было угодно. Это чрезвычайно не нравилось народу, и потому всячески избѣгали рекрутства; молодые парни, заслышавъ шумъ набора, поспѣшно уходили въ лѣса, гдѣ нерѣдко и пропадали; другіе изувѣчивали себя различно, чтобъ не быть годными въ службу, или же безденежно и на неопредѣленное время отдавались въ службу къ дворянамъ и священникамъ, которыхъ служители свободны отъ рекрутства. Родители укрывали своихъ сыновей, и иногда отчаянно защищали вой-

маиныхъ. Но теперь, къ великой радости всѣхъ, наборъ войска производится уже не силою, и не на неопредѣленное время, а по жеребью, на 8 лѣтъ; молодые парни, за исключенiемъ наслѣдниковъ земли, идутъ добровольно изъ селъ своихъ въ столичный домъ, и на кого падетъ жеребiй, тотъ охотно становится въ ряды солдатъ.

Въ сельскомъ быту рабочiй день начинается звономъ колокола на молитву Пресвятой Дѣвѣ; послѣ чего выходятъ на работы. Часу въ 8-мъ садятся за *обѣдъ*, т. е. завтракъ, состоящiй обыкновенно изъ кукурузнаго хлѣба и *дзямы*—говяжьяго отвара, подбитаго кукурузною мукою; послѣ того продолжается работа, пока на колокольнѣ второй звонъ не воззоветъ къ молитвѣ полуденной; тогда народъ садится *полуденковать* т. е. обѣдать. Обыкновенный обѣдъ состоитъ также изъ дзямы, либо изъ *киселицы*; [*] потомъ изъ бобовъ, или картофеля. Отдохнувъ часъ, снова работаютъ до солнечнаго захода. Тогда, при звукѣ колокола на вечернюю молитву, возвращаются домой, и тамъ уже садятся за *вечерю*, на которую подается или свиное вареное мясо, или *лемышка*, которая здѣсь дѣлается тоже изъ муки кукурузной, и притомъ двоякая: или густая, называемая *токáномъ*, или норѣже, и называется *чúромъ*; первую ѣдятъ съ овечьимъ сыромъ, или свинымъ саломъ, а вторую всегда съ молокомъ. Для питья въ Карпатахъ употребляютъ воду; Великорускаго квасу и Малороссiйскаго сыровцу здѣсь не пьютъ. Изъ напитковъ здѣсь употребительны пиво и виноградное вино; но важнѣе ихъ обоихъ считается горѣлка, которую здѣсь называютъ *палéнкою*.

[*]—*Киселица* замѣняетъ собою великорускiя щи и малороссiйскiй борщъ; она варится изъ квасу, приготовленнаго изъ отрубей, особенно пшеничныхъ, но безъ зелени. Есть пословица: »сёрбай Грицю киселицю, не вилуйся на дурницю.« А. Д.

Всякому Рускому кметю въ Карпатахъ вольно выкуривать водки сколько угодно, для собственнаго употребленія; что и дѣлаютъ многіе въ небольшихъ *паленчáрняхъ.* Варятъ ее всего болѣе изъ сливъ. Однако большая часть народа предпочитаетъ ту *пáленку*, которою въ каждомъ селѣ торгуетъ *панъ арендарь.* Это званіе и здѣсь принадлежитъ всегда *жидамъ*; надо однакоже отдать справедливость, что у нихъ и дворы и корчмы несравненно опрятнѣе, нежели у жидовъ Польскихъ. Корчма въ Карпатахъ посѣщается одними мужчинами. Корчемныя гулянья сопровождаются музыкою и пляской. Ремесло музыканта принадлежитъ всегда сельскому кузнецу-*цыгану* и его семейству. Играютъ они на *гусляхъ* т. е. скрипкахъ и на *цымбалахъ*; но сами Русины играютъ болѣе на *дудахъ* т. е. волынкахъ.

Что касается до пляски, то кромѣ обыкновенныхъ Венгерокъ и національнаго Карпаторускаго танца, сопровождаемаго пѣніемъ, особенное вниманіе привлекаетъ на себя пляска горныхъ свинарей; ставши въ рядъ, они выдѣлываютъ очень трудныя фигуры ногами, и въ то же время надъ головами своими повертываютъ искусно и отважно широкими, блестящими, наточенными *бáлтами* т. е. топорами, съ которыми они неразлучны, какъ Черкесъ съ своимъ кинжаломъ. Пляски женскія можно видѣть только на семейныхъ праздникахъ; онѣ вообще скорыя и пылкія, но не имѣютъ въ себѣ ничего мимическаго.

Что касается до пѣнія, то народъ Рускій и въ Карпатахъ весьма пѣвучь. Мужчины поютъ больше въ корчмахъ; но пѣніемъ женскимъ сопровождаются всегда работы сельскія. Напѣвъ здѣсь всегда почти протяжный и грустный. Нѣкоторыя пѣсни здѣсь тѣже самыя, какъ и на Украинѣ; на примѣръ: »Не ходи Грицю на вечерницю.«

А. ДЕВИКО.

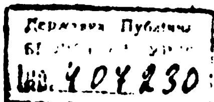
ЗАПИСЬ АННЫ ГОЙСКОЙ

НА МОНАСТЫРЬ ПОЧАЕВСКІЙ,

1597 года.

Выпись зъ книгъ земскихъ Кременецкихъ, лѣта Божого нарожения тысяча патьсотъ девятьдесять семого, мѣсяца Ноября четырнадцатаго дня.—На рокахъ судовыхъ земскихъ Кременецкихъ, въ шесть недѣль по святомъ Михайлѣ Римскомъ святѣ, въ року вышъ написанномъ припалыхъ и судовне отправоватьса зачатыхъ, передъ нами Янушомъ Жабокрицкимъ судьею, а Михайломъ Краевскимъ подсудкомъ, урядниками земскими Кременецкими, обличне постановившися ее милость Пани Ярофеевая Гойская судина земская Луцкая Ганна Тыхоновна Козинского, ку записованю до книгъ ведлугъ листу запису доброволього фундушу наданя шести человѣковъ подданыхъ своихъ зо всими землями и повинностями ихъ у селѣ Почаеве, такъ тежъ десять волокъ земли оремое и сеножатей, лѣса подле монастыра Почаевского лежачого, на монастырь Почаевскій церковь каменную заложена Успенія Святое Пречистое сознала, яко ширей на томъ листе фундушу есть описано и доложоно, который листъ подъ печатью и съ подписомъ руки своее, такъ же подъ печатьми и съ подписами рукъ людей добрыхъ, передъ нами у суду положивши, просила, абы при томъ устномъ сознаню ее милости до книгъ земскихъ Кременецкихъ былъ уписанъ, которого мы до вѣдомости своее урядовое и для вписаня до книгъ приймуючи, передъ собою читати казали, и тые суть его слова:

Во имя Бога Отца Вседержителя, сотворшаго небо и землю, Сына Его единороднаго, Бога нашего Откупителя нашего Ісуса Христа, и Духа Святаго, станься ку тсти и хвали Его святой во вѣки вѣчные, ничимъ ни отъ кого николи непорушно, аминь. Я Ганна Тыхоновна Козинского Ярофеевая Гойская судиная земская Луцкая чиню явно и ознаймую симъ моимъ листомъ кождому, кому того потреба вѣдати, альбо чтучи слышати, нынешнимъ и напотомъ будучимъ: ижъ маючи я уставичне передъ очима повинность свою христіанскую, памятуючи на приказане Божое, ведле котораго естли каждый человѣкъ съ повинности своей отдавати есть повиненъ тое, што надлежить ближнему своему, кольми наче больше того есть повиненъ отдавати водле найбольшого преможеня своего то, что есть повиненъ Богу Сотворителеви своему, ку чти и размноженю хвалы Его святое; про то и я зъ добрымъ а статечнымъ розмисломъ моимъ, не будучи до того ни чимъ ни отъ кого намовлена, а ни примушона, але зъ доброе воли моее, а то найбольше для размноженя хвалы Божое чинечи, съ тое маетности, которою мене Панъ Богъ обдарить рачилъ, маючи вольность ведлугъ права посполитого, тымъ яко власностію своею шафовати, маючи отъ давнихъ часовъ въ мастности моей при селе Почаеве церковь каменную заложеня Успенія Святое Пречистое Богоматере, при которой церкви ижъ бы уставичная хвала Божая была, умыслила есми монастырь збудовати и его фундувати такимъ обычаемъ, абы у томъ монастыри чернецовъ людей добрихъ, побожного живота, ни якого иншого закону только Греческого Восточной церкви послушенства, личбою осимъ, и дяковъ два, и для выживеня ихъ въ томъ монастыри будучихъ, на тую церковь Успенія Святое Пречистое и на монастырь при ней будучій, надаю и надала есми вечными часы, николи одъ мене самое и потомковъ моихъ, по мнѣ тую мастность мою именье Почаевъ держачихъ, и ихъ потомство непорушно, то есть меновите



въ томъ имсню моемъ Почаеве, подданныхъ оселыхъ на горѣ противко двора моего Почаевскаго чоловѣковъ шесть, меновите: Калько, Антонъ Бирличь, Васько Бирличь, Игнать Дасчинъ, Луканъ, Грицсия Швецъ, зъ ихъ дворищами; и до того тежъ грунту поля оремого и неоремого зъ дубровою на тыхъ волокахъ будучою, всего волокъ десять на три руки, въ кождой руце по десяти резовъ; къ тому лесъ, который водле тосжъ церкви есть зъ полемъ и сеножатьми, по знакахъ певныхъ, то есть почавши отъ дороги Гостинца, которая идеть зъ Почаева мимо плесо мое дворное до Дунаева однимъ бокомъ отъ села Почаева длиною зъ знаками и концами, которыхъ концовъ усыпано есть длиною семъ, а отъ тыхъ концовъ просто дорогою, которая идеть черезъ лесъ, усыпано концовъ десять, а зъ лесу, выѣхавши полемъ до тосжъ дороги Гостинца, которая идеть зъ Почаева до Дунаева, и тосю дорогою Гостинцемъ ажъ до тое долины и тыхъ концовъ усыпано концовъ шестьнадцать, всихъ концовъ коло монастыря лесу поля сеножети концовъ тридцеть и два; кромъ тыхъ десяти волокъ поля и иншого грунту, а особливе на каждый рокъ зо всихъ добръ моихъ до орлсе належачихъ и на опатренье тое церкви, и монастыря и чернецовъ, на каждый рокъ давана быти масть сума пинензей по тридцети копъ грошей Литовскихъ; до того тожъ десятина зо всякого збожа дворного Почаевского на каждый рокъ тымъ чернецомъ до монастыря давана быти масть вечными часы; а тые шесть человѣка и волокъ десяти и леса зъ сеножатьми, якося выше номенило, отдала семи вечными часы на тую церковь меновапную и на монастырь зъ тыми повинностями роботами платы доходами, ничого на себе и потомки мои незоставуючи, и отъ того всего, якося вышей помениио, намней неуймуючи, неуменшиваючи, масть тая церковь и монастырь во имсню моемъ Почаеве, и тые вси пожитки менованные къ нему вечне наданные вечными часы и на веки ни одъ кого непорушно, въ томъ тако-

вомъ порядкѣ отъ мене зъ печатью и съ подписомъ власное руки моее назначономъ описаномъ вечными часы трвать, и ничимъ ся ни презъ кого неотменити; а тые пріятеле мое, которые бы тую маетность мою по мне держали и ихъ потомство, такъ же и иншіе подданные мое, такъ близкіе, яко и далекіе, и нихто тое церкви при ней монастыря пустошити и вшелякого порядку и наданя отъ мене постановленого казити, розривати, а особливе старшому и дозорци игуменови того монастыря, и всимъ тымъ черницомъ въ монастыри мешкаючимъ, ничого ку кривди и ку обтяжливости вечными часы чинити; и того всего, якося выше помемило, а ни тежъ части якое отъ церкви и монастыря одоймовати въ нимъ подданныхъ, а ни въ пожитки будь великіе яко въ малые вступовати, до работъ своихъ подводъ доплатовъ и пожитковъ примушати судити радити, винъ а ни пересудовъ брати, и подданныхъ тыхъ монастырскихъ до именей своихъ пріймовати, вечными часы николы не маютъ и не будутъ мочи; а тая церковь и монастырь и тые вси подданные и грунтъ и вшелякіе пожитки маютъ быти въ заведоване и держане даваны и злецоны завжды человѣкови игуменови вѣры христіанской послушенства Восточной церкви и святого росказованя закону нашого Греческого, въ побожномъ животе и во вся-кихъ справахъ уцтивыхъ досвичоному, тихому скромному уклонному трезвому, маетности збытное надъ выживенье и одежу не потребуючому, въ лѣтехъ статечныхъ дошлому; а упатруючи и видячи то съ причинъ певныхъ на передъ абы о подаваню тое церкви и монастыря и тыхъто подданныхъ къ грунту до тое церкви належачихъ, для якое кольвекъ незгоды припалое затруднене не уросло и (стрежъ Боже) абы ку розерваню и знисченю того дому убогого церкви и всее побожное и такъ святобливое справы не пришло, такъ то по моему животе мети хочу, зоставую и злецаю пріятелеви моему, который тую маетность по мне держати будетъ и потомкомъ его вечными часы, абы онъ

будучи однакое владзство изъ черицами оного монастыря сполечне ся згодивши, тую церковь и монастырь съ тыми всими пожитками и подданными человикови таковому и нежакому послушенства Восточной церкви закону Греческого игуменови черцови, якося выше помянило, завжды вечными часы подавалъ, и вшелякого порядку побожного христіанского доглядалъ, и отъ кривдъ утисковъ игумена и всихъ черцовъ мешкаючихъ въ томъ монастыру, такъ тыжъ подданыхъ грунту боронилъ; а если бы межи игуменомъ и черицами якая незгода въ ихъ справахъ черенцкихъ была, тоды приятель тотъ мой, который тую маетность мою держати будетъ, маеть имъ на разсудокъ до владыки, который бы не иншого закону только Греческого Восточной церкви былъ, одослати. А братя сестри близкіе кревные подданные мое и ихъ потомки и врядники вечными часы въ тотъ монастырь, во вси пожитки къ нему поданные въ суме на тыхъ всихъ особъ монастыру належачихъ и выше писаныхъ, ни чимъ вступовати, подданныхъ и пожитковъ одыймовати подъ справу разсудокъ подъ жадную владзу собе привласчати, а ни въ тое подаванє жадными причинами правными и неправными яко кольвекъ вынайденными, а ни якихъ кривдъ а ни шкодъ чинити не маютъ и мочи николи надъ волю мою не будутъ; гдыжъ мы то все водле права Божого и вшелякого христіанского свецкого учинили, а власностью куплею набытъемъ моимъ поцтивымъ шафовати есть вольно, але тотъ игуменъ, которому то они посподу зъ черицами того монастыря влецять и подадуть, и тые вси черицы, до того монастыря належачіе, зъ тыми всими подданными и пожитки не маютъ быти подъ властю и послушенствомъ того державци добръ Почаева; а будучи тотъ то игуменъ кому то повѣрено будетъ во всемъ цнотливе, вѣрне, побожне, а порядне заховати, и тотъ монастырь и церковь и черцовъ опатровати и приодѣвати маеть, гдѣбыся тежъ и отъ подданыхъ пріятель моихъ и ихъ потомства зодъ когожъ коль-

всѣхъ иного вступованю въ тотъ монастырь въ тые подданые въ грунтъ и въ пожитки на монастырь вѣчне одъ мене наданые особы до монастыря належачіе, або о подованю того монастыря и въ якихъ же кольвекъ речахъ кривды и шкоды дѣлали, надъ сее добровольное надане и постановленье мое, подданые пріятели мои и ихъ потомство и кождыхъ таковыхъ, хтобы штожъ кольвекъ ку кривди учинилъ, тогды умоцняючи тымъ певній и грунтовней волю и сее постановленье мое, которое абы ся ничимъ намней николи вечными часы ни одкого неотменило, приятеле повинные мое и ихъ потомство, альбо тые кому того монастыра поданье зесцила и хтожъ кольвекъ надъ волю и постановленье мое ку кривди того монастыря учинилъ, и сей добровольный листъ мой, и тотъ таковый христіанскій побожный порядокъ въ чомъ же кольвекъ намней нарушилъ, тогды позываю кождого таковаго на страшный справедливый и нелицемирный судъ, предъ маестатъ Божій, ку декретови Его святому, и тамъ ся ото кождый таковый зо мною разсудити мастъ, и будетъ повиненъ; на таковаго кождого, хтобы кольвекъ тую волю мою ку кривди того монастыря въ чомъ кольвекъ нарушилъ, нехай зоставаетъ анаоема и всякое неблагословенство зъ проклятствомъ. И на то дала есми сей мой листъ добровольный фундушъ зъ моею печатью и съ подписомъ власной руки моее; при томъ были и того добре сведоми и за устною а очевистою прозьбою моею печати своее приложити и руки свое власные подписати рачили, ихъ милость панове, а приятели мои: его милость панъ Макаръ Ледоховскій писаръ земскій Кременецкій, панъ Василей Малинскій, панъ Кондратъ Хорошко, а панъ Григорій Баковецкій. Писанъ въ Почаеве року по нароженю Сына Божого тысяча патьсотъ девятьдесятъ семого, мѣсяца Ноября четвертогонадцать дня.

У того листу печатей пять, а подпису рукъ въ тые слова: Ганна Козинского рука власная, Макаръ Ледохов-

скій писаръ земскій Кременецкій власною рукою, Василей Еловичь Малинскій власная рука, Кондратъ Хорошко власною рукою, Григорій Моисеевичь Баковецкій рукою вл.

Который же то листъ на монастырь Почаевскій належачій, устнымъ очевистымъ сознаньемъ ее милости Панее Ярофеевое Гойское во всемъ стверженый, до книгъ земскихъ Кременецкихъ записати казали, съ которыхъ и сей выписъ подъ печатьми нашими, то есть мене Яна Горанна судьи, а Михаила зъ Козельска Пузыны подсудка, и съ подписомъ руки мене Яна Болъбаса Ростоцкаго писаря, урядниковъ судовыхъ земскихъ Кременецкихъ, въ року теперешнемъ тысяча шестьсотъ чотырдесятъ первомъ, подъ часъ сужена роковъ въ шесть недѣль по святомъ Михайли, естъ выданъ, писанъ въ Кременцу. Корриговалъ Романкевичъ.

(Эта запись, относящаяся къ первоначальной исторіи монастыря Почаевскаго, напечатана здѣсь съ формальной выписи, данной изъ Кременецкаго Гродскаго суда, 1662 года Февраля 1-го дня, Почаевскимъ законникамъ (т. е. монахамъ), по опредѣленію тогдашнихъ урядниковъ судовыхъ: подстаросты Александра Хриницкаго, судьи Александра Фрикаса и писаря Андрея Поморскаго, за подписомъ регента земскаго повѣта Кременецкаго Свѣтоленскаго).

О КРЕМЕНЕЦКОМЪ ЗАМКѢ.

Кременецъ есть одинъ изъ древнихъ городовъ бывшаго Владимірскаго или Волынскаго княжества. Имя свое получилъ онъ, конечно, отъ свойства земли, его окружающей, поверхность которой, особливо съ сѣверной стороны, усѣяна кремнями. Ни основатель его, ни время основанія неизвѣстны. Извѣстно только, что въ 1240-мъ году, когда Батый разрушительною грозою прошелъ отъ восточныхъ до западныхъ предѣловъ Руси, Кременецъ противосталъ ему: Татары, разорившіе Кіевъ, Каменецъ, Галичъ, Владиміръ и другіе города, отступили съ неудачею отъ Кременца.[1]

Черезъ пятнадцать лѣтъ Куремша, Татарскій стражъ береговъ Днѣпровскихъ, не былъ счастливѣе Батыя при вторичномъ приступѣ къ городу Кременцу. Но вскорѣ послѣ того, именно въ 1261 году, Бурондай, преемникъ Куремши, принудилъ князя Василька разметать стѣны Кременца и Луцка.

Возобновителемъ Кременца былъ, можетъ статься, Іоаннъ-Владиміръ Васильковичъ, племянникъ Даніиловъ, или наслѣдникъ его Мстиславъ Даніиловичъ, при которыхъ, въ концѣ 13-го столѣтія, Галичъ и Волынь успѣли отдохнуть отъ истомы, славя мудрость своихъ князей.

[1] — Въ Кіевской лѣтописи сказано: »видѣвъ же Кременецъ, градъ Даниловъ, яко не возможно пріяти ему, и отъиде отъ нихъ.« Тамъ же находится первое упоминаніе о Кременцѣ подъ 1226 годомъ: »приде (король) ко Кремянцу, и бися подъ Кремянцемъ, и много Угоръ избиша и раниша.« М. М.

Въ 14-мъ вѣкѣ, именно около 1340 года, Казиміръ III, король Польскій, сынъ Владислава Локетка, воспользовавшись скоропостижною смертью княжившаго тогда въ Галичѣ Болеслава, сына Тройденова, завладѣлъ его областью; и города Червенскіе, а съ ними и Кременецъ, должны были присягнуть ему на подданство. Довольный своимъ успѣхомъ и сокровищами прежнихъ князей Рускихъ, перевезенными изъ Львова въ Краковъ, Казиміръ заключилъ мирный договоръ съ князьями Литовскими, уступивъ Кейстуту Брестъ, а Любарту Холмъ, Луцкъ и Владиміръ; Кременецъ же остался тогда въ залогѣ у племянника ихъ Юрія Наримонтовича. Недолго однакожъ тотъ договоръ оставался ненарушеннымъ: послѣ новыхъ междоусобій Литовскихъ князей и войны съ Казиміромъ, Кременецъ перешелъ во власть Любарта, который въ 1366-мъ году уступилъ его Казиміру по договору.

Съ того времени Кременецъ съ другими Волынскими замками находился подъ Польской короною, имѣя своихъ чиновниковъ и гарнизонъ; но въ 1382-мъ году, по смерти Людовика, короля Венгерскаго и Польскаго, городовые старосты, большею частью, Венгры, назначенные Людовикомъ, видя, что имъ трудно будетъ удержаться въ чужой собственности, вступили въ переговоры съ Любартомъ, и отдали ему всѣ замки, взявъ съ него условленную сумму. По этому поводу, при Ягеллонахъ, возникъ за Волынь долговременный споръ между Польшею и Литвою: первая считала Волынь завоеваніемъ Казиміра, и слѣдственно своею собственностью; а вторая, утвердившись въ дѣйствительномъ обладаніи Волынью, нехотѣла уступить своихъ правъ корыстолюбивой сосѣдкѣ. Даже и соединяясь по временамъ подъ одну и ту же верховную власть, Польша и Литва не прекращали своего спора: одна заклинала короля возвратить ей утраченную землю; другая возлагала на него же обязанность не только не уменьшать, но еще распространять предѣлы своего княжества. Споръ этотъ

продолжался до окончательнаго соединенія Польши съ Литвою, при Жигимонтѣ-Августѣ.

Между тѣмъ Кременецъ иногда служилъ темницею Литовскимъ государственнымъ преступникамъ. Самъ братъ короля, князь Свидригайло, пораженный воеводою королевскимъ Петромъ Шафранцемъ, былъ содержимъ въ Кременецкомъ замкѣ, пока, преклонивъ на свою сторону стражу и умертвивъ Кременецкаго старосту Конрада-Поляка, убѣжалъ въ Молдавію въ 1418 году.

Частыя и почти непрерывныя вторженія Крымскихъ Татаръ въ предѣлы Волыни и Подолья, особливо же во второй половинѣ 15-го вѣка при королѣ Казимірѣ IV-мъ, заставили тогдашнее правительство привесть въ лучшее оборонительное состояніе замки, въ томъ числѣ и Кременецкій. Это послѣдовало въ 16-мъ вѣкѣ при королѣ Жигимонтѣ I-мъ и при королевѣ Бонѣ, именемъ которой называется у простаго народа и самый замокъ, хотя королева Бона никогда не живала въ Кременцѣ. Тогдашнее устройство замка было слѣдующее. Два деревянныхъ моста, дѣлившіеся на городни или звенья, составляли единственный проѣздъ въ замокъ и оканчивались предъвъѣздною башнею, въ которой помѣщалась стража. Самый въѣздъ состоялъ изъ подъемнаго моста и воротъ, проходившихъ подъ другою великою башнею, внизу которой находились погреба, а сверху покои со сводами, сдѣланными наподобіе колпака. Третья башня, называемая *черленною*, стояла съ лѣвой стороны этого новаго въѣзда; и показывала слѣды прежняго, въ то время уже уничтоженнаго. Внутри обводной стѣны, довольно толстой и сложенной изъ камня, но покрытой деревяннымъ навѣсомъ, стояли два дома, построенные изъ крѣпкаго дерева. Одинъ изъ нихъ, назначенный для жилья, посредствомъ сходовъ имѣлъ сообщеніе съ большою подъѣздною башнею; а въ другомъ, отдѣльномъ, помѣщались, въ трехъ каменныхъ погребахъ, селитра и по-

рохъ. Вверху надъ погребами были жилые покои; а на самомъ верху бойница, съ которой можно было защищать на три стороны и замокъ и городъ. Далѣе находились девять кладовыхъ для съѣстныхъ припасовъ, съ девятью отдѣльными кровлями. Водотоки этихъ кровель собирали дождевую воду и посредствомъ трубъ передавали въ нарочно для того устроенный водоемъ, котораго каменныя стѣны были обложены деревомъ и обиты смолою. Такая мѣра была необходима въ замкѣ совершенно безводномъ; ибо всѣ покушенія устроить колодецъ остались безуспѣшны, по причинѣ необыкновенной твердости горной скалы. Позади кладовыхъ находилась кухня; а на самой срединѣ горы и обводной стѣны была устроена пороховая толчея съ шестью пестами *по Нѣмецкому способу*, такъ что одинъ человѣкъ могъ легко приводить ее въ движеніе, и посредствомъ колеса производить успѣшно работу. На всѣхъ постройкахъ и на обводной стѣнѣ замка, были разставлены пушки, числомъ двадцать девять, а именно: четыре *сокола*, двѣ *мортиры*, двадцать два *фальконета*, и одинъ *пищикъ*. Сверхъ того, въ замкѣ было и ручное оружіе: десять *гаковницъ* и тридцать три *ручницы* съ надлежащимъ приборомъ. Запасъ пороху, пуль, свинцу, сѣры и уголья, былъ такъ великъ, что въ этомъ отношеніи не только замки Луцкій и Владимирскій, но и десять другихъ не могли бы равняться съ Кременецкимъ. Такъ описанъ Кременецкій замокъ, свидѣтельствовавшимъ его дьякомъ (секретаремъ) короля Жигимонта I-го, Львомъ Патковичемъ-Тышковичемъ, въ 1542-мъ году.

Достойно примѣчанія, что въ замкѣ находилась въ то время Православная церковь во имя св. Николая, съ напрестольнымъ образомъ св. Преображенія Господня, основанная какимъ-то Гавриломъ Денисковичемъ. Виленскій бискупъ князь Янушъ, родственникъ Жигимонта, стараясь о прочности и неприступности замка, приказалъ было внутри подъ стѣнами копать ровъ, съ намѣреніемъ подперетъ

стѣны крѣпкими контръ-эскарпами, а во рву построить зданія, въ которыхъ во время осады могли бы укрываться люди и съѣстные припасы. Работа была начата и земля высыпаема была за обводную стѣну со стороны горы Черичей, откуда былъ самый выгодный для осаждающихъ и самый опасный для осаждаемыхъ приступъ. Но это предпріятіе осталось неконченнымъ; выкопанный ровъ засыпался такъ, что и слѣдовъ его теперь почти невидно, а земля улеглась, покрылась травою, и представляла какъ бы самородный бокъ замковой горы. Но 1785 годъ былъ необыкновенно дождливъ; все размокло въ Кременцѣ, и 20-го Августа глухой, но сильный шумъ, сопряженный какъ бы съ землетрясеніемъ, поразилъ ужасомъ жителей города; смотрять—сѣверный бокъ горы сдвинулся съ мѣста, и составилъ внизу холмъ, доселѣ видный. Никто не зналъ тогда, что это осунулась земля, слишкомъ за 250 лѣтъ передъ тѣмъ насыпанная.

Въ 17-мъ столѣтіи состояніе укрѣпленій Кременецкаго замка уже не было таково, какъ его описалъ Паткевичъ. Обязанность починки и поддержки замка лежала на земскихъ владѣльцахъ повѣта, которые подъ разными предлогами старались уклоняться отъ такой повинности и допускали неисправность, порчу и разрушеніе; содержаніе же гарнизона зависѣло отъ старость, которые вмѣсто его довольствовались двумя сторожами для возки на гору воды. Потому не удивительно, что въ 1648-мъ году, послѣ побѣды Корсунской, козаки, подъ начальствомъ полковника Максима Кривоноса и сотниковъ Васильева и Костенка, такъ легко овладѣли Кременцемъ.

Съ той поры стѣны замка, не имѣя другихъ непріятелей, кромѣ вѣтровъ, дождей и громовъ, уже два столѣтія платятъ постоянную дань разрушенію.

Что касается до нынѣшняго города Кременца, то онъ лежитъ у подошвы горы, на которой еще видны слѣды города древняго. Со всѣхъ сторонъ окружаютъ его горы, въ видѣ амфитеатра, изъ которыхъ однѣ покрыты лѣсомъ и кустарниками; а другія изъ подъ пріятной зелени обнажаютъ свои каменные утесы. Покатость и промежутки этихъ горъ, отросли Карпатовъ, образуютъ неправильную долину, на которой разстилается нынѣшній Кременецъ. Разбросанные по косогорью домики почти всѣ окружены садами. Въ серединѣ города возвышается зданіе, воздвигнутое въ 1746-мъ году князьями Вишневецкими для Езуитовъ. Кажется, сама природа предназначила этому мѣсту быть укромнымъ пріютомъ для наукъ. Въ этомъ зданіи помѣщался въ послѣдствіи знаменитый Волынскій лицей; [a] а въ настоящую пору находится въ немъ Волынская духовная семинарія.

Населенность Кременца, состоящая преимущественно изъ жидовъ, невелика; торговые обороты его, не смотря на сосѣдство съ Галиціею, незначительны. Но красивое мѣстоположеніе города, живописныя развалины его древняго замка и близость знаменитой Почаевской Лавры, привлекаютъ къ нему любопытныхъ путешественниковъ.

В. Домбровскій.

1845 г.

a—Волынскій лицей былъ основанъ въ Кременцѣ, по настоянію Чацкаго, вмѣсто высшаго училища, предположеннаго въ Кіевѣ; однако въ 1833 году онъ послужилъ матеріаломъ для учрежденія въ Кіевѣ университета св. Владиміра. Въ Исторіи Кременца, относительно просвѣщенія, можно замѣтить еще то, что здѣсь въ 1638 году производилось книгопечатаніе Славянское, какъ свидѣтельствуютъ три изданія Кременецкія 1638 года: *Грамматика или письменница языка Словенскаго; Синодъ (соборъ) въ року 1638 въ церкви Каѳедральной Луцкой отправованый; О мистиріяхъ или тайнахъ епосполитости* (сочиненіе Сильвестра Коссова, предложенное на Могилевскомъ Соборѣ 1637 года). М. М.

О ГОРОДѢ СТЕПАНѢ.

„А се городы Волынскіе: *Степань на Горыни.*“ Такъ сказано въ извѣстномъ Спискѣ Рускихъ городовъ, составленномъ въ началѣ 15-го вѣка. А изъ Волынской лѣтописи извѣстно, что Степань въ 13-мъ вѣкѣ былъ удѣльнымъ городомъ Рускихъ князей. Вотъ что говоритъ она, подъ 1292 годомъ: „тоеже зимы преставися *Степаньскій* князь Иванъ, сынъ Глѣбовъ; плакахуся по немъ вси людье, отъ мала и до велика; и нача княжити въ него мѣсто сынъ его Володимеръ.“ Древнѣе этого года не поминается Степань въ лѣтописаньи Рускомъ; безъ сомнѣнія, онъ значился прежде подъ общимъ именемъ городовъ Погорынскихъ.

Въ 16-мъ вѣкѣ Степань принадлежалъ къ обширнымъ владѣніямъ князя Константина Константиновича Острожскаго, воеводы Кіевскаго. Въ то время онъ красовался огромнымъ каменнымъ зàмкомъ, стоявшимъ на возвышенности, которая восточною стороною своею прилегла къ рѣкѣ Горынѣ, а съ другихъ сторонъ была обведена высокимъ валомъ. Въ этомъ зàмкѣ проживаетъ бывало нѣсколько дней Стефанъ Баторій, когда проѣзжаетъ черезъ Волынь. Тамъ пробылъ два дни и Петръ Великій, въ мартѣ мѣсяцѣ 1711-го года, и отпраздновавъ св. Благовѣщенье, отправился оттуда въ Луцкъ на свиданье съ королемъ Августомъ.

По раздѣлу Острожскаго Княжества между сыновьями князя Константина Константиновича, Степань, вмѣстѣ съ Острогомъ, достался на долю князя Януша, кастеляна Краковскаго. Послѣ него онъ переходилъ во владѣніе князей Любомирскихъ, Сангушковъ, и наконецъ достался графу

Ворцели. Во второй половинѣ 17-го вѣка, Степань считался уже мѣстечкомъ, какъ и теперь онъ считается въ уѣздѣ Ровенскомъ. [1] Отъ замка Степаньскаго остались только развалины.

Но есть тамъ еще одинъ предметъ достойный исторической поминки: пустынное урочище, на лѣсистой возвышенности, надъ Горынью, въ трехъ верстахъ отъ Степаня, называемое *Монастырищиною*. Это названье, вмѣстѣ съ каменными остатками бывшаго тамъ жилья, свидѣтельствуетъ, что тутъ нѣкогда былъ монастырь. Но когда и какой былъ это монастырь, и чѣмъ замѣчателенъ онъ былъ въ свое время, объ этомъ ничего еще не сказала намъ исторія. И много есть, особливо на правой сторонѣ Днѣпра, такихъ запустѣлыхъ урочищъ, съ названьемъ *Монастырька* или *Монастырища*; и нерѣдко только этимъ названьемъ ограничивается вся память, вся исторія бывшихъ тамъ обителей.

Монастырь *Степаньскій* потому уже замѣчателенъ, что онъ принадлежалъ первѣйшему тогда поборнику православія и просвѣщенія Рускаго, *князю Острожскому*. Честь открытія этого монастыря для исторіи принадлежитъ любознательному протоіерею Аѳанасію Лотоцкому. Лѣтъ за десять, онъ нашелъ »Инвентарь Степаньскаго монастыря,« писанный на Польскомъ языкѣ 1627 года 11-го марта, Адамомъ Злотолинскимъ, управителемъ Степаньскимъ. Въ началѣ этого инвентаря означены всѣ *листы* (то есть письма) двухъ князей Острожскихъ, относящіяся къ Степаньскому монастырю; именно: семнадцать писемъ князя *Константина* (съ 1572 по 1607) и семь писемъ князя *Януша*-

[1] Къ Ровенскому уѣзду принадлежатъ и *Пересопница* и *Дубровица*, бывшія нѣкогда также удѣльными княжескими городами. Объ нихъ статьи помѣщены въ 1 кн. Кіевлянина. Тамъ, говоря о *Пересопницкомъ монастырѣ*, я сказалъ, что основателемъ его »можетъ быть былъ князь Ѳ. М. Черторыйскій.« Но изъ нѣмовой записи Пересопницкаго игумена Иларіона 1490 года (напечатанной въ *Памятникахъ* Кіевской коммиссіи Т. I. 1844 г.) видно, что этотъ монастырь существовалъ еще въ 15 вѣкѣ.

ша (съ 1609 по 1620). Потомъ, исчислены подробно всѣ зданія и всѣ вещи, духовныя и мірскія, и все хозяйство обители. На концѣ инвентаря читаемъ собственноручную подпись: »*Исакій, милостію Божею, Епископъ Луцкій и Острожскій, Строитель монастира Степанского, рукою власною.*«

Такимъ образомъ бытіе Степаньской обители становится виднымъ въ продолженіе пятидесяти пяти лѣтъ. Она была основана во имя св. Архистратига Михаила. Церковь Михайловская, съ придѣломъ св. Георгія, не отличалась богатствомъ, но имѣла все необходимое. Въ монастырскихъ домахъ и во всемъ хозяйствѣ, также было простое довольство безъ роскоши. Изъ писемъ князя Константина видно, что монастырю постоянно назначалась *десятина* всякаго хлѣба, со всѣхъ полей Степаньскаго замка; двенадцать ведеръ меду изъ *подклътей* замковыхъ; да еще хлѣбъ съ мельницъ. По временамъ монастырю назначались въ услуженіе мѣщане Степаньскіе; а съ 1559 года дано было село *Мидско* (въ 10 верстахъ отъ города), съ озеромъ, мельницею и съ медовою данью. Въ 1601 году монастырь получилъ отъ князя позволеніе завести возлѣ Степаня, на урочищѣ Липникахъ, сельцо *Монастырскую Вольку*, »для новопришлыхъ людей.«[*]. Въ 1603 году придана была монастырю еще земля, называемая *Лобникомъ*.

Когда именно начался монастырь Степаньскій, это неизвѣстно. Но въ 1572 году, съ котораго становится

[*]—Сельцо *Волька* существуетъ донынѣ. Первоначальнымъ поселенцамъ въ 1601 году дано было воли на восемь лѣтъ; а потомъ еще на два года. Въ 1627 году считалось тамъ монастырскихъ подданныхъ 12, обязанныхъ работать монастырю »паншины« по 2 дня въ недѣлю, платить »чиншу« по 42 литовскихъ гроша съ двора, и давать по барану въ годъ, да по курицѣ къ празднику Рождества Христова. Почти каждый изъ этихъ подданныхъ имѣлъ отъ монастыря »подволоки« земли, то есть 7 десатинъ. Кромѣ *Вольки*, въ 1621 году Степаньскому монастырю принадлежала еще деревушка *Белые Берега*, съ 6 подданными,

виднымъ его бытіе, настоятелемъ его былъ игуменъ *Сильвестръ*; а въ 1596 году архимандритъ *Исакій*, какъ видно изъ такъ-называемой «Густинской Лѣтописи», въ которой между православными архимандритами, бывшими на Брестскомъ Соборѣ, помянутъ *Исакій Степаньскій*. [8]

Съ 1599-го года въ Степаньской обители являются православные митрополиты и епископы. Въ этомъ году князь Константинъ Константиновичъ водворилъ въ своемъ монастырѣ митрополита *Луку*, который и находился здѣсь около трехъ лѣтъ. Конечно, это былъ тотъ *Бѣлградскій* митрополитъ Лука, который вмѣстѣ съ княземъ защищалъ православіе на Брестскомъ Соборѣ. На мѣсто Луки, въ 1603 году, поступилъ въ Степаньскій монастырь *Іеремія*, митрополитъ *Пелагонскій*. Въ 1606 году настоятельствовалъ здѣсь епископъ, не названный по имени, можетъ быть, тотъ самый владыка *Мокачевскій*, который находился въ Степаньскомъ монастырѣ 1610 года. Не одно-ли это лицо съ епископомъ *Амфилохіемъ?* Или же то былъ другой владыка изъ Руси Закарпатской?

Какъ бы ни было, но для исторіи важно и ново здѣсь то, что въ Степаньскомъ монастырѣ имѣли свое пребываніе Задунайскіе митрополиты и Закарпатскіе епископы въ ту именно пору, когда православная митрополія Кіевская была безъ своего митрополита; а за смертью *Гедеона Балабана* Львовскаго (въ 1607 году) и *Михаила Копыстенскаго* Перемышльскаго (въ 1612 году), оставалась уже и безъ епископовъ. Такимъ образомъ, въ ту печальную годину православная паства Южной Руси не совсѣмъ еще была безъ пастырей, благодаря попечительности *святопамятнаго* князя Острожскаго: его Степаньская обитель была надежнымъ мѣстомъ, откуда Южнорускія православныя церкви могли получать своихъ служителей.

[8] — См. *Полн. Собр. Рус. Лѣт.* т. II, СПБ. 1843 с. 372.

При возстановленіи Православной Кіевской митрополіи, въ 1620 году, на епископство Луцкое и Острожское посвященъ былъ *Исакій Борисковичь*, игуменъ Черчицкаго монастыря,[4] одинъ изъ первыхъ основателей и ревнителей Луцкаго Крестовоздвиженскаго Братства.[5] Въ санѣ епископа онъ сталъ и строителемъ монастыря Степанскаго (также какъ епископъ Паисій Ипполитовичь былъ тогда »строителемъ монастыря Мълецкаго«; а архіепископъ Исаія Копинскій считался »архимандритомъ монастырей Заднѣпрскихъ)[6]. Строительство Исакія, какъ видно, кончилось въ 1627 году, и вѣроятно, было уже послѣднимъ для монастыря Степаньскаго. Еще князь *Янушъ* Острожскій, поддерживая все, что было установлено отцемъ его для Степаньскаго монастыря, не разъ писалъ къ разнымъ лицамъ о защитѣ его отъ нападеній Чапанца, жившаго въ Космачевѣ (въ 20 верстахъ отъ Степаня).

Что касается до церквей въ самомъ Степанѣ, то онѣ оставались непреклонными къ Уніи до исхода 17-го вѣка. Тогда было ихъ четыре: Троицкая, Успенская, Никольская и Преображенская. При Троицкой церкви, бывшей съ давняго времени соборною, содержалась школа и богадѣльня; граматою епископа Аѳанасія Шумлянскаго (отъ

[4]— *Черчицкій* или *Черчицкій* монастырь, прежде мужескій, а съ 1632 года женскій, находился возлѣ Луцка, надъ рѣкою Стыромъ, на островку окруженномъ глухимъ болотомъ. На его мѣстѣ есть деревянная Спасская церковь.

[5]—См. въ *Кіевлянинѣ* кн. II, 1841 с. 319 и 322.

[6]—См. въ книгѣ *Аполлеія Апологіи*, К. 1628, на оборотѣ 8 листа. Тамъ, между подписями Исаіи и Паисія, находится подпись: „Исакій Борисовичъ, Епископъ Луцкій и Острозскій.“ Если бы онъ тогда былъ *Строителемъ* Степаньскаго монастыря, то конечно бы включилъ это въ свой титулъ, по примѣру двухъ другихъ владыкъ. Притомъ же, Исакій съ 1628 года постоянно виденъ въ Кіевѣ, и кажется, только съ титуломъ Епископа Луцкаго и Острожскаго, безъ дѣйствительнаго управленія своею епархіею,—какъ это было и съ 1623 года, по причинѣ гоненій на него со стороны неправославной.

8 сентября 1688 года) была подтвержена при ней протопопія и весь прежній порядокъ.

По стародавнему обычаю Южнорускаго края, и теперь еще, при оставшихся трехъ Степаньскихъ церквахъ, существуютъ братства, пекущіяся о благосостояніи своихъ храмовъ. Между прочимъ, они заботятся съ особеннымъ усердіемъ объ ихъ освѣщеніи: передъ мѣстными образами всегда находятся по четыре огромныя, трехпудовыя свѣчи, возобновляемыя въ Страстную седмицу.

Кромѣ этихъ трехъ церквей, изъ которыхъ одна только каменная, въ Степани есть еще католическій костелъ, существующій съ 17-го вѣка, и жидовская каменная синагога, вѣроятно, въ томъ же вѣкѣ построенная. При этой послѣдней находится Еврейскій *магодъ* или *магидъ*, то есть рабинъ-рабиновъ [11].

М. МАКСИМОВИЧЪ.

1848 г. К.

11.— Объ этомъ см. подробнѣе въ *Wspomnienia Wołynia, Polesia, Litwy*, przez *S. Kraszewskiego*, t. I. Wilno, 1840.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ОЛЬГА.

Первое упоминовеніе о св. Ольгѣ встрѣчаемъ въ начальномъ лѣтописцѣ Кіевскомъ подъ 903 годомъ: »Игорь выросъ, говоритъ лѣтописецъ, ходилъ по Олегѣ, слушался его, и привели ему жену изъ Пскова, именемъ Ольгу.« [1] Странно, что лѣтописецъ, монахъ, для котораго Ольга, *денница спасенія*, была уже такимъ священнымъ лицемъ, не умѣлъ или не хотѣлъ сказать объ ней ничего подробнѣе—знакъ, что въ его время уже не существовало болѣе объ этомъ предметѣ никакихъ преданій, и что подробности о происхожденіи Ольги, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ памятникахъ, суть позднѣйшія сочиненія. Если бы впрочемъ мы захотѣли приписать важность этимъ позднѣйшимъ извѣстіямъ, то не могли бы вывести изъ нихъ ничего опредѣленнаго, потому что одни приписываютъ ей Варяжское, а другіе Славянское происхожденіе. [2] Каково

1.—Пол. собр. Рус. лѣт. I, стр. 12.

2.—Источники Степенной книги, Миней, говорятъ о Варяжскомъ происхожденіи; источники Ядра Россійской Исторіи и такъ-называемой Іоакимовой лѣтописи, которые могли быть также древни, какъ и первые, говорятъ, что Ольга была родственница Гостомысла, слѣд. Славянка.

Лѣтописи молчатъ вообще о происхожденіи; самое Псковская лѣтопись ничего объ немъ не знаетъ. Мнѣніе о Варяжскомъ происхожденіи Ольги можетъ единственно основываться на ея имени, но имя это можетъ быть позднѣйшее прозваніе.

бы ни было происхожденіе Ольги, для насъ важно то, подтверждаемое всѣми источниками, обстоятельство, что она приведена была въ Кіевъ съ сѣвера; ибо это указываетъ на тѣсную связь, которая существовала въ то время между сѣверными и южными Рускими владѣніями.

Но если мы не находимъ у лѣтописца подробностей о происхожденіи Ольги, за то онъ сохранилъ намъ драгоцѣнныя народныя преданія о главныхъ чертахъ ея дѣятельности; онъ записалъ преданіе о страшной мести, которою Ольга покарала Древлянъ, убившихъ ея мужа. Это преданіе отражаетъ въ себѣ господствующія понятія времени, поставлявшія месть за убійство близкого человѣка непремѣнною обязанностію; видно, что и во времена составленія лѣтописи эти понятія не потеряли своей силы. При господствѣ родоваго быта месть за родича была подвигомъ по-преимуществу: вотъ почему разсказъ о такомъ подвигѣ возбуждалъ всеобщее, живое вниманіе, и потому такъ свѣжо и укрѣпленно сохранился въ памяти народной. Общество всегда, на какой бы ступени развитія оно ни стояло, питаетъ глубокое уваженіе къ обычаямъ, его охраняющимъ, и прославляетъ, какъ героевъ, тѣхъ людей, которые даютъ силу этимъ охранительнымъ обычаямъ. Въ нашемъ древнемъ обществѣ, въ описываемую эпоху его развитія, обычай мести былъ именно этимъ охранительнымъ обычаемъ, замѣнявшимъ правосудіе; и тотъ, кто свято исполнялъ обязанность мести, являлся необходимо героемъ правды, и чѣмъ жесточе была месть, тѣмъ больше удовлетворенія находило себѣ тогдашнее общество, тѣмъ больше прославляло мстителя, какъ достойнаго родича; а быть достойнымъ родичемъ значило тогда, въ переводѣ на наши понятія, быть образцовымъ гражданиномъ. Вотъ почему въ преданіи показывается, что месть Ольги была достойною местію. Ольга, мудрѣйшая изъ людей, прославляется именно за то, что умѣла изобрѣсти достойную месть: она, говоритъ преданіе, подошла къ ямѣ, гдѣ лежали Древлян-

скіе послы, и спросила ихъ: »Нравится ли вамъ честь?« Тѣ отвѣчали: »Охъ! пуще намъ Игоревы смерти!« Преданіе, согласно съпонятіями времени, заставляетъ Древлянъ оцѣнивать поступокъ Ольги: »Ты хорошо умѣешь мстить: наша смерть лютѣе Игоревой смерти.« Напрасно Эверсъ [3] думаетъ, что если мститъ женщина, то мститъ обыкновенно хитростію, въ слѣдствіе недостатка физической силы; что всѣ знаменитыя женщины древности Семирамида, Дидона, Танаквиль отличались мудростію и хитростію. Древняя исторія представляетъ намъ много мужчинъ мудрыхъ, которые именно отличались хитростями; мудрость въ древнія времена была синонимомъ хитрости; вспомнимъ, что древность оставила намъ двѣ великія поэмы: одна прославляетъ подвиги силы, другая подвиги мудрости или хитрости, и герой послѣдней многоопытный мужъ Одиссей; у насъ если Ольга хитростію взяла Коростень, то Олегъ хитростію убилъ Аскольда и Дира. Потомъ должно замѣтить, что Ольга мстила хитростію вовсе не какъ женщина, по недостатку силы: это не была частная месть, месть частнаго лица за частное лице, это была месть князя народу; самъ Эверсъ говоритъ, что Ольга имѣла двойную обязанность мстить, какъ жена Игоря и какъ опекунша Святослава; мѣсть надъ послами первыми и вторыми не была вовсе хитростію: малочисленные послы не могли защищаться въ Кіевѣ, окруженные враждебнымъ племенемъ; Ольга могла умертвить ихъ всячески. Способъ умерщвленія показываетъ не хитрость, но обдуманную месть, которая бы заставила Древлянъ признаться, что ихъ смерть лютѣе Игоревой смерти; Древляне напали на Игоря внезапно, когда тотъ не ждалъ опасности: послы Древлянскіе погибаютъ въ то время, когда готовились принимать почести; убійство надъ могилою имѣетъ тоже значеніе. Потомъ Святославъ въ челѣ дружины вступаетъ въ откры-

[3].—Das ält. Recht der Russ. S. 37.

тую битву съ Древлянами, побѣждаетъ ихъ; побѣжденные запираются въ городѣ; хитрость, употребленная Ольгою для взятія города, есть хитрость воинская, слѣд. хитрость мужеская. Самъ Эверсъ указываетъ на подобныя хитрости, употребленныя мужчинами. — Насъ въ поступкахъ Ольги останавливаетъ не хитрость женская, но мстительность женская: Ольга не первая женщина, которое въ средневѣковыхъ преданіяхъ прославляется своею неумолимою мстительностію; это явленіе объясняется изъ характера женщины, равно какъ изъ значенія мести въ тогдашнемъ обществѣ: женщина постоянно отличается благочестіемъ въ религіозномъ и семейномъ смыслѣ; обязанность мести за родного человѣка была тогда, какъ уже выше сказано, обязанностію религіозною, обязанностію благочестія; Ольга, страшно мстящая за смерть мужа, имѣетъ въ нашемъ преданіи тоже самое значеніе, какое имѣетъ въ Греческомъ преданіи Антигона, покрывающая землею трупъ брата, подъ страхомъ неизбѣжной смерти: и здѣсь и тамъ дѣйствуетъ одно и тоже семейно-религіозное благочестіе, столь сильное всегда въ женщинѣ.....

Вообще характеръ Ольги, какъ онъ представляется въ нашихъ древнихъ преданіяхъ, чрезвычайно важенъ, именно относительно понятій того времени. Правленіе Ольги въ малолѣтство сына ея случилось очень кстати въ ту пору, когда оружіемъ первыхъ князей нѣсколько племенъ, разсѣянныхъ на огромномъ пространствѣ, приведено было въ соприкосновеніе, но связь между ними была еще очень слаба; нужно было укрѣпить ее какими нибудь правительственными распоряженіями, къ которымъ первые князья, по своему характеру, не были способны; для этого нужно было правленіе женщины, которая, опять по самому характеру своему, должна была преимущественно заняться хозяйственными распоряженіями; такого рода дѣятельность, повторяю, была очень кстати въ это время, когда нужно было разобраться, такъ сказать, въ волостяхъ, пріобрѣтен-

ныхъ предшествовавшими князьями, и установить сколько-нибудь правильныя отношенія ихъ къ главному сосредоточивающему пункту. Такъ въ лѣтописи сохранилось преданіе о путешествіяхъ Ольги по волостямъ съ цѣлію хозяйственныхъ распоряженій. Эта хозяйственная распорядительность Ольги не могла не поразить новорожденное общество, и потому Ольга перешла въ потомство какъ мудрѣйшая изъ людей; разумѣется, что народная фантазія овладѣла этимъ преданіемъ о мудрости Ольги: въ какихъ же чертахъ должна была, по тогдашнимъ понятіямъ, выразится мудрость знаменитой княгини? въ хитрости, ловкости, находчивости, именно въ той дѣтской мудрости, какою отличался многоопытный Одиссей; такъ явилось преданіе о зажженіи города птицами и о томъ, какъ Ольга въ Константинополѣ перехитрила императора.

Оставя преданіе о хитростяхъ, мы должны преимущественно заняться преданіями о хозяйственныхъ распоряженіяхъ Ольги, имѣвшихъ важное значеніе для новорожденнаго общества. Здѣсь прежде всего останавливаютъ наше вниманіе распоряженія относительно побѣжденныхъ Древлянъ; лѣтописецъ говоритъ, что немедленно послѣ мести надъ Древлянами, Ольга съ сыномъ и дружиною пошла по ихъ землѣ, установляя *уставы* и *уроки*; на *становища* ея и *ловища*, т. е. на мѣста, гдѣ она останавливалась и охотилась, указывали еще во времена лѣтописца. Старшинъ, владыкъ, родоначальниковъ побѣжденнаго народа, она схватила, взяла въ плѣнъ (изъима), остальныхъ или перебила, или отдала въ рабство дружинникамъ своимъ, или оставила на прежнихъ жилищахъ платить дань. Здѣсь, слѣдовательно, находимъ первое извѣстіе о происхожденіи рабовъ: рабству были преданы Древляне не столько потому, что были покорены, сколько въ наказаніе за преступленіе, за убійство Игоря. Если сказано, что Ольга «старѣйшины града изъима, а другія работѣ предасть мужемъ своимъ,» то легко догадаться, что старѣйшинъ предала она работѣ себѣ, сдѣ-

дала своими рабами. Оставшіеся на своихъ мѣстахъ Древляне должны были платить тяжкую дань: двѣ трети ея шли въ Кіевъ, а третья въ Вышгородъ къ Ольгѣ, потому что Вышгородъ былъ городъ Ольгинъ. Здѣсь въ первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе объ обычаѣ давать княгинямъ въ посмертное владѣніе города, обычай употребительный послѣ. Какъ видно, былъ обычай также, что дань (или нѣкоторая часть ея) съ покореннаго племени шла тому князю или тому мужу княжескому, который наложилъ ее: такъ извѣстно, что Угличи платили дань въ пользу Свенѣльда, ихъ примучившаго. Ольга, принимавшая такое сильное участіе въ окончательномъ покореніи Древлянъ, имѣла полное право и на дань Древлянскую; а если удовольствовалась третьею частію, такъ потому, что распоряжалась именемъ своего малолѣтнаго сына. Далѣе насъ останавливаютъ выраженія: *Кіеву*, *Вышегороду*, почему не: *князю Святославу*, *княгинѣ Ольгѣ?* для чего, вмѣсто лицъ, мѣста? Естественно употребить имя стольнаго города, вмѣсто имени князя, ибо князья мѣняются, столицы же остаются, слѣдовательно именами ихъ гораздо удобнѣе выражать извѣстную, постоянную подчиненность, извѣстныя, постоянныя отношенія; такъ послѣ наприм. сказано, что всѣ посадники Новгородскіе платили ежегодно извѣстную сумму денегъ въ Кіевъ, т. е. великимъ князьямъ, князьямъ Кіевскимъ. Но въ разбираемомъ мѣстѣ показывается отношеніе не постоянное, а временное, условленное личностію Ольги, и не смотря на то, дань шла въ Вышгородъ, хотя извѣстно, что Ольга жила въ Кіевѣ: такъ послѣ, во время нашествія Печенѣговъ, мы видимъ ее въ этомъ городѣ съ внучатами; слѣдовательно должно предположить, что казна Ольги хранилась въ Вышгородѣ. Какъ послѣ видимъ, что князья имѣютъ свои дворы въ разныхъ мѣстахъ, куда собираютъ много всякаго добра; такъ, вѣроятно, и въ Вышгородѣ у Ольги былъ подобный дворъ, куда собирались запасы изъ мѣстъ, ей принадлежавшихъ; тамъ же должна была складываться и Древлянская

дань; а въ чемъ состояла эта дань, намъ извѣстно: въ мѣхахъ и медѣ.

Послѣ завоеванія Ольга пошла съ сыномъ и дружиною по Древлянской землѣ, установляя уставы и уроки. Олегъ по извѣстіямъ лѣтописи, установилъ дани; Ольга установляетъ *уставы* и *уроки*. Подъ именемъ *устава* * должно разумѣть всякое опредѣленіе, какъ что нибудь дѣлать. Эверсъ думаетъ, что подъ именемъ уставовъ разумѣются здѣсь вообще всѣ учрежденія, предпринятыя Ольгою въ землѣ Древлянской, гдѣ, по отведеніи старшинъ въ плѣнъ, по уничтоженіи слѣдовательно всѣхъ прежнихъ отношеній, нужно было установить совершенно новый порядокъ вещей, дать новый уставъ, какъ жить, какъ дѣлать. Но здѣсь должно замѣтить, что мщеніе Ольги постигло собственно одинъ Искоростень, только въ одномъ Искоростени старшины и остальная часть народонаселенія были взяты въ рабство, тогда какъ у Древлянъ были другіе города, предавшіеся добровольно, и нетронутые Ольгою: «Посла ко граду (Ольга) глаголющи: что хочете досѣдѣти? а всѣ гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и земли своя.» И такъ слова Эверса могутъ относиться только къ Искоростеню, но вовсе не къ цѣлой Древлянской землѣ. *Уставъ* можетъ относиться ко всякому учрежденію, ко всякому опредѣленію, слѣдовательно и къ опредѣленію дани.

Теперь слѣдуетъ вопросъ, что такое *уроки*? Черезъ строку выше говорилось о дани, слѣд. урокъ не дань. Можно было давать дань *урокомъ*; такъ послѣ читаемъ: «Ярославу же сущю Новгородѣ и *урокомъ* дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года.» Принявъ въ соображеніе настоящее значеніе слова *урокъ*, должно положить, что урокъ есть всякая обязанность, которую должно выполнять къ извѣстному сроку, будетъ ли то уплата извѣстной суммы денегъ, извѣстнаго количества какихъ нибудь вещей, или какая нибудь работа. Такъ Новгородскіе посадники должны

*.—R. der R. S. 59.

были платить извѣстную сумму *урокомъ*, т. е. къ опредѣленному сроку, отъ года до года. Что же касается до слова *оброки*, которое встрѣчается послѣ тутъ же и которое, по Архангельскому списку, встрѣчается въ распоряженіяхъ Олега, то думаемъ, что надобно согласиться съ Эверсомъ, и признавать подъ ними *кормленія*, обязанность содержать, кормить дружину;[5] прибавимъ только, что подъ именемъ оброковъ не разумѣлась ли обязанность племенъ, о которой говоритъ Константинъ Багрянородный: »князья съ Ноября мѣсяца отправлялись съ дружинами своими къ разнымъ Славянскимъ племенамъ, и кормились у нихъ зиму.«

Гораздо затруднительнѣе для объясненія мѣсто, гдѣ говорится о распоряженіяхъ Ольги на сѣверѣ: »Иде Вольга Новгороду и устави по Мстѣ повосты (погосты) и дани, и по Лузѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей земли, знаманья и мѣста и повосты, и сани ее стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселѣ.« Слово *повосты* читается только въ Лаврентьевскомъ, въ остальныхъ лучшихъ спискахъ *погосты*. Есть еще другой варіантъ: въ Архангельскомъ спискѣ вмѣсто *по мстѣ* читается: *помостии* и *погостии*. Эверсъ даетъ предпочтеніе послѣднему чтенію:[6] »въ высочайшей степени невѣроятно, говоритъ онъ, чтобъ Великая княгиня предприняла означенныя учрежденія по Лузѣ, такъ далеко на сѣверѣ,« и потому принимаетъ *по Лузѣ* за позднѣйшее прибавленіе. Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ Луги, Эверсъ обращается ко Мстѣ и спрашиваетъ: почему именно берега этой рѣки долженствовали быть одни предметомъ законодательныхъ забóтъ Ольги; почему той же чести не удостоились берега другихъ рѣкъ, наприм. Ловати и Великой? — Но, во первыхъ, нельзя выбрасывать такъ легко цѣлыя

5 — R. der R. 36, 37, 38.

6 — Ibid. 62.

извѣстія изъ лѣтописи, какъ выбросилъ Эверсъ извѣстіе о *Лугѣ*, потому только, что оно его затрудняло; лучшіе списки имѣютъ: *по Мсти* и *Лугѣ*, и нельзя найти причины, почему бъ это извѣстіе могло быть вставлено позже; слѣдов. историку остается только объяснить, почему распоряженія Ольги коснулось береговъ этихъ двухъ рѣкъ? Взглянувши на карту, мы видимъ, что Луга съ своими берегами составляетъ крайнее владѣніе Новгородской области на сѣверозападѣ, а Мста въ противоположную сторону на востокѣ; вспомнимъ, что верховье Мсты и слѣдующій за нимъ волокъ, отдѣлявшій озерную область отъ области верхней Волги, былъ по этому самому границею Новгородской и Ростовской областей, предѣломъ Новгородскихъ владѣній; вспомнимъ, что дѣятельность первыхъ князей до Ольги касалась преимущественно великаго восточнаго пути изъ Варягъ въ Греки; до странъ, лежащихъ далѣе къ западу и востоку, она мало касалась. Олегъ установилъ дани на сѣверѣ у Славянъ, Кривичей и Мери; но вѣроятно эти дани удобно сбирались только съ народонаселенія, живущаго по великому пути, которое, такъ сказать, находилось подъ руками у Руси; народонаселеніе же дальнѣйшихъ странъ къ востоку и западу могло пользоваться большею независимостію и отбывать отъ дани, и здѣсь слѣд. нужно было сдѣлать для все точнѣйшія опредѣленія, распорядиться правильнымъ ея сборомъ. Первые князья Олегъ и Игорь, занятые дѣлами на югѣ, отдаленными походами въ страны болѣе привлекательныя, не имѣли ни досуга, ни желанія заниматься распорядкомъ на отдаленномъ сѣверѣ; Ольга же, какъ женщина, будучи способна заниматься хозяйственными распоряженіями а не войною, имѣла досугъ посѣтить и урядить страны, оставленныя безъ вниманія ея предшественниками; притомъ, она болѣе, чѣмъ послѣдніе, имѣла побужденій путешествовать и распоряжаться на сѣверѣ, ибо тамъ было ея отечество, мѣста знакомыя; наконецъ можетъ быть и то, что эти мѣста, при нижнихъ частахъ Луги на дале-

комъ сѣверозападѣ, и при верхнихъ частяхъ Мсты на востокѣ, были недавно заняты Рускими изъ Новгорода, и потому требовали уряженія.[1] Обратимся же къ этому уряженію.

Здѣсь прежде всего останавливаетъ насъ варіантъ: *погосты* и *повосты*; варіантъ, очень легко могшій произойти: полустертая буква *в* образуетъ легко *г*; нѣсколько замаранное *г* легко можетъ показаться за *в*. Монахъ Лаврентій самъ признается, что ему трудно было разбирать рукопись, съ которой онъ списывалъ, потому что *книги были вετшаны*; непонятное окончаніе *повосты* прямо указываетъ на то, что это слово испорчено изъ *погосты*; другое дѣло, еслибъ было *повозы*: повозомъ называлась обязанность подчиненныхъ племенъ доставлять дань или оброкъ въ назначенное отъ князя мѣсто; такъ читаемъ у лѣтописца о Радимичахъ: »И платятъ дань Руси, *повозъ* везутъ и до сего дне.« Но это слово, очень легко объясняясь въ первой половинѣ извѣстія: *устави по Мстѣ повозы* и *дани*, остается безъ смысла во второй половинѣ: »ловища ся суть по всей земли, знаманья и мѣста и *повозы*.« И такъ остается принять *погосты*. Что же такое *погосты?* Мы знаемъ изъ свидѣтельства Багрянороднаго, что Рускіе князья въ Ноябрѣ отправлялись съ дружиною къ подчиненнымъ племенамъ на *полюдье* или *гиры*, и проводили у нихъ зиму; обычай *полюдья* сохранился и послѣ: при младенческомъ состояніи тогдашняго общества, это былъ для князя единственный способъ исполнять свои обязанности относительно народонаселенія, именно судъ и расправу; разумѣется, что для этого суда и расправы князь не могъ останавливаться при каждомъ жильѣ; онъ останавливался въ какомъ нибудь удобномъ для себя мѣстѣ, куда окружное народонаселеніе и позывалось къ нему для своихъ надобностей. Естественно, что для большаго удобства эти мѣста княжеской стоянки,

[1] — У Татищева читаемъ: »по Мстѣ и по Полѣ погосты устрои.«

гощенія, эти *погосты* могли быть опредѣлены навсегда, могли быть построены небольшіе дворы, гдѣ могли быть оставлены княжіе тіуны, и такимъ образомъ эти погосты могли легко получить значеніе небольшихъ правительственныхъ центровъ и передать свое имя округамъ; въ послѣдствіи здѣсь могли быть построены церкви, около церквей собирались торги и т. д. Хотя лѣтописецъ упоминаетъ о распоряженіяхъ Ольги только въ землѣ Древлянской и въ отдаленныхъ предѣлахъ Новгородской области; однако, какъ видно, путешествіе ея съ хозяйственною, распорядительною цѣлію, обнимало всѣ тогдашнія владѣнія Рускія, по всей земли оставила она слѣды свои, повсюду виднѣлись учрежденные ею погосты: «Ловища ея суть по всей землѣ, знаменья и мѣста и *погосты*.

Мы сказали, что правленіе Ольги случилось очень кстати, потому что она, какъ женщина, хозяйственною дѣятельностію могла укрѣпить связь племенъ съ центромъ Рускихъ владѣній. Правленіе Ольги, какъ женщины, имѣетъ важное значеніе въ другомъ еще отношеніи. Какъ женщина, она была способнѣе по своему характеру къ принятію первая христіанства, къ чему князья воители также были мало способны. Не смотря на то, что Святославъ воспротивился увѣщанію матери, поступокъ Ольги имѣлъ важныя слѣдствія: во первыхъ, христіане уже числили между своими члена княжеской семьи; во вторыхъ, Ольга была не простая княгиня: это была мудрѣйшая изъ людей, которая долгое время имѣла самое сильное вліяніе на судьбу новорожденнаго общества, пріобрѣла такую знаменитость, слѣд. принятіе ею христіанства должно было произвести необыкновенно сильное впечатлѣніе на умы; это впечатлѣніе отозвалось при Владимірѣ: »Если бы дурень былъ законъ Греческій, говорили бояре этому князю, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, которая была мудрѣе всѣхъ людей.« Какимъ же образомъ Ольга приняла христіанство? Лѣтописецъ говоритъ объ этомъ событіи, также основыва-

ясь на преданіи, которое остается до конца вѣрнымъ характеру Ольги: и въ Константинополѣ, во дворцѣ императорскомъ, какъ подъ стѣнами Коростена, Ольга отличается ловкостію, находчивостію, хитростію, перехитряетъ императора, какъ прежде перехитрила Древлянъ. О побужденіяхъ, которыя заставили Ольгу принять христіанство и принять его именно въ Константинополѣ, мы не находимъ ничего въ лучшихъ извѣстныхъ спискахъ лѣтописи; очень легко могло быть, что великая княгиня отправилась въ Царьгородъ вполнѣ язычницею, безъ твердаго намѣренія принять новую вѣру, была поражена въ Константинополѣ величіемъ Греческой религіи, и возвратилась домой христіанкою. Мы видимъ, что вездѣ въ Европѣ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, варвары, не смотря на то, что опустошали области Имперіи и брали дань съ повелителей обоихъ Римовъ, питали вездѣ благоговѣйное уваженіе къ Имперіи, къ блестящимъ формамъ ея жизни, которыя такъ поражали ихъ воображеніе; таковы бываютъ всегда отношенія народовъ необразованныхъ къ образованнымъ. Это уваженіе варваровъ къ Имперіи способствовало также распространенію между ними христіанства. Не одна надежда корысти могла привлекать нашихъ варваровъ въ Константинополь, но также и любопытство посмотрѣть чудеса образованнаго міра; сколько дивныхъ разсказовъ приносили къ своимъ очагамъ бывальцы въ Византіи, въ этомъ мірѣ чудесъ, до которыхъ не могло возвыситься самое пламенное воображеніе дѣтей бѣднаго сѣвера! Какъ, въ слѣдствіе этого, возвышался тотъ, кто бывалъ въ Византіи, и какъ у другихъ разгаралось желаніе побывать тамъ! Послѣ этого странно было бы, чтобъ Ольга, которую природа и судьба выдвинули впередъ, чтобъ Ольга, мудрѣйшая изъ людей, не захотѣла побывать въ Византіи. Она отправляется туда. Что же прежде всего должно было обратить ея вниманіе? Разумѣется то, что всего рѣзче отличало Грековъ отъ Руси—религія; извѣстно, что Греки обыкновенно сами

обращали вниманіе варварскихъ князей и пословъ на свою религію, показывали храмы, ихъ священныя сокровища; разумѣется, при этомъ и основные догматы вѣры были объясняемы искусными толковниками. Если многіе изъ мужчинъ, воиновъ Рускихъ, принимали христіанство въ Греціи, то нѣтъ ничего удивительнаго, что обратилась къ нему Ольга, во первыхъ какъ женщина, въ характерѣ которой не было препятствія къ принятію заповѣдей любви и смиренія; во вторыхъ, какъ женщина умная, которая ясно могла понять все превосходство православной вѣры Греческой предъ Рускимъ язычествомъ. Но кромѣ этого объясненія, несомнѣнно, что Ольга была уже въ Кіевѣ предубѣждена въ пользу христіанства: такую умную женщину, какова была Ольга, и женщину правительницу, не могло не поразить различіе между нравами, образомъ жизни христіанъ и язычниковъ; какъ правительница, Ольга скорѣе другихъ могла оцѣнить это различіе относительно общественнаго наряда, и убѣдиться въ превосходствѣ православной вѣры предъ Рускимъ язычествомъ; это предубѣжденіе въ пользу христіанства могло сильно содѣйствовать къ принятію его въ Царѣградѣ; но отъ предубѣжденія въ пользу до рѣшительнаго шага еще далеко. Въ одномъ спискѣ лѣтописи, бывшемъ въ рукахъ у Татищева, [8] говорится, что Ольга еще въ Кіевѣ была расположена въ пользу христіанства, видя добродѣтельную жизнь исповѣдниковъ этой религіи; даже вошла съ ними въ тѣсную связь и хотѣла креститься въ Кіевѣ, но не исполнила своего намѣренія, боясь язычниковъ. Принимая первую половину извѣстія, мы не можемъ допустить второй: опасность отъ язычниковъ не уменьшалась для Ольги и въ томъ случаѣ, когда она принимала крещеніе въ Константинополѣ; утаить обращеніе, по пріѣздѣ въ Кіевъ, было очень трудно, и при томъ Ольга, какъ видно, вовсе не

[8] — II, стр. 41, примѣч. 130.

хотѣла таиться: это было несовмѣстно ни съ ревностію новообращенной, ни съ характеромъ Ольги; не хотѣла она таиться и равнодушно смотрѣть, какъ сынъ ея и вся семья и весь народъ остаются въ язычествѣ, слѣд. лишаются вѣчнаго спасенія. Мы видимъ, что она тотчасъ же приступаетъ къ обращенію сына, но въ характерѣ послѣдняго встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія; она знала, что будутъ препятствія, будутъ опасности, и потому говорила патріарху: »Людье мои погани и сынъ мой, дабы мя Богъ съблюлъ отъ всякаго зла.«

Мы видѣли, что преданіе провожаетъ Ольгу въ Константинополь и заставляетъ мудрѣйшую изъ всѣхъ людей Рускихъ перехитрить Грека, а Греки слыли тогда лукавѣйшимъ народомъ: это считалось самымъ лучшимъ доказательствомъ Ольгиной мудрости. Преданіе провожаетъ мудрую княгиню и домой, въ Кіевъ, заставляетъ ее и здѣсь постыдить Греческаго императора, охотника до даровъ и вспомогательнаго войска, и отомстить ему за то униженіе, которому подвергались Руссы въ Константинопольской гавани, и которое, какъ видно, лежало у нихъ на душѣ. Мы знаемъ изъ Игорева договора, что Греки, опасаясь убійства Рускихъ и воинскихъ хитростей съ ихъ стороны, выговорили себѣ право не впускать ихъ въ городъ до тѣхъ поръ, пока въ точности не узнаютъ характера новоприбывшихъ, имена которыхъ должны были находиться на княжескомъ листѣ; эти мѣры предосторожности, какъ видно, очень раздражали Рускихъ, и вотъ въ преданіи Ольга мститъ за нихъ императору. Когда Ольга, говоритъ лѣтопись, возвратилась въ Кіевъ, то царь Греческій прислалъ сказать ей: »я тебя много дарилъ, потому что ты говорила мнѣ: возвращусь на Русь, пришлю тебѣ богатые дары, челядь, воски, мѣха, пришлю и войска на помощь.« Ольга велѣла отвѣчать ему: »когда ты столько же постоишь у меня въ Почайнѣ, сколько я стояла у тебя въ гавани Константинопольской, тогда дамъ тебѣ обѣщанное.«

Ольга кормила т. е. воспитывала сына своего до возраста и мужества его, говорить лѣтописецъ; она, какъ видно, оставалась полною хозяйкою на Руси и послѣ того, какъ Святославъ возмужалъ, потому что онъ думалъ только о походахъ, и забывалъ родную землю и семью свою для чужой земли; онъ едва рѣшился отложить отъѣздъ свой въ Болгарію, видя мать при послѣднемъ издыханіи. Ольга скончалась, по лѣтописи, въ 969 году, запретивъ творить надъ собою языческую тризну, и была похоронена христіанскимъ священникомъ, бывшимъ при ней.

С. СОЛОВЬЕВЪ.

О ПОСТРОЕНІИ И ОСВЯЩЕНІИ

КІЕВСКОЙ ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ.

Великій князь Ярославъ, соорудивъ Софійскую церковь и Золотыя ворота съ церковью Благовѣщенскою, »по семъ (заложи) святаго Георгія монастырь и святыя Ирины.« Такъ написано въ Лѣтописи Несторовой подъ 1037 годомъ. Въ »Обозрѣніи Стараго Кіева« напечатанномъ въ 1 книгѣ *Кіевлянина*, сказано почти все, что извѣстно было въ 1840 году о вышепомянутыхъ церквахъ, между прочимъ и то, что по стариннымъ Кіевскимъ Мѣсяцословамъ освященіе Георгіевской церкви полагается въ 1045 году. Но въ древнихъ *Прологахъ* находится объ этомъ важное извѣстіе, которымъ еще не воспользовались описатели Кіева. Вотъ оно, по драгоцѣнному списку Пролога, находящемуся въ *Древлехранилищѣ* Михаила Петровича Погодина, писанному вѣроятно въ 14 вѣкѣ, на пергаменѣ самаго большаго формата, крупнымъ уставомъ, украшенному въ началѣ каждаго мѣсяца разноцвѣтными изображеніями святыхъ.

— Въ тоть же день священие церкви святаго Георгия въ Киевѣ предъ враты святыя Софии.

Блаженный и приснопамятны всея Рускыя земля князь Ярославъ, нареченый в святѣмь крещеньи Георьгий, сынь Владимѣрь крестившаго землю Рускую, брать же святою мученику Бориса и Глѣба: се всхотѣ создати церковь в свое имя святого Георгия, да еже всхотѣ и створи; и яко начаша здати ю, и не бѣ многа дѣлатель у нея; и се видѣвъ князь призва тиоуна: почто не много оу церкве стражющихъ. Тиоунъ же рече: понеже дѣло властелское, боятся

людье трудъ подъимше наима лишени будуть. И рече князь: да аще тако есть, то азъ сице створю. И повелѣ куны возити на телѣгахъ в комары Златыхъ вратъ, и возвѣстиша на торгу людемъ да возмуть кождо по ногатѣ на день. И бысть множьство дѣлающихъ. И тако вскорѣ конча церковь, и святи ю Ларiономъ митрополитомъ, мѣсяца Ноября въ 26 день, и створи въ ней настолованіе новоставимымъ епископомъ, и заповѣда по всей Руси творити праздникъ святаго Георгия мѣсяца Ноября 26 день. —

Изъ этого сказанія открывается, что освященіе церкви совершено митрополитомъ Рускимъ *Иларіономъ*; слѣдственно *не въ 1015 году*; но позднѣе, по крайней мѣрѣ, *шестью* годами; ибо достопамятный Иларіонъ поставленъ въ митрополиты 1051 года, какъ извѣстно изъ Лѣтописи Несторовой. А выраженіе Пролога «предъ враты Святыя Софіи» можетъ служить подтвержденіемъ, что древняя церковь св. Георгія стояла тамъ или почти тамъ, гдѣ поставлена Елисаветою нынѣшняя; ибо Софійскія ворота въ древности, конечно, стояли къ Золотымъ воротамъ, противъ западныхъ дверей церкви. Что же касается до перваго возобновленія Георгіевской церкви въ 1674 году, то объ немъ подробно мы узнали только изъ *Отписки* Кіевскаго воеводы князя Трубецкаго къ царю Алексѣю Михайловичу, помѣщенной въ *Синбирскомъ Сборникѣ*, 1845 года.

М. МАКСИМОВИЧЪ.

О РУСКОЙ ТОРГОВЛѢ

ВЪ УДѢЛЬНОМЪ ПЕРІОДѢ.

(1054—1240.)

Руская торговля впродолженіи Норманского періода, т. е. въ 9-мъ, 10 и началѣ 11-го столѣтія, была очень обширна, производясь между странами отдаленными — Самаркандомъ, Бухарою, Бактрой, Каспійскимъ моремъ, Волгою, Уральскими горами, Скандинавіей, Германіей и Греціей. Русскіе торговали съ Арабами, Козарами, Болгарами, Весью, Югрою, Норманнами, Нѣмцами, Греками.

Во второй половинѣ 11-го столѣтія, въ 12-мъ и въ началѣ 13-го, то есть впродолженіи періода удѣльнаго, до нашествія Татаръ, торговля Руская стѣснилась нѣсколько въ своихъ предѣлахъ, потому что Арабы перестали къ намъ ѣздить, вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ переворотовъ на ихъ востокѣ. Козары въ устьяхъ Волги были совершенно поражены, Болгаре ослабли; но она была еще очень значительна, увеличась внутри, а также и на Сѣверѣ со вновь образовавшеюся Ганзою. Живое торговое движеніе ясно примѣчается въ лѣтописяхъ, какъ ни разбросаны мѣлкія извѣстія. Кіевскіе купцы ѣздили въ Грецію и Константинополь, къ Половцамъ и въ страну Залѣсскую или Суздальскую. Новогородскіе плавали по Балтійскому морю, торговали въ Даніи и Готландѣ, ходили за Уралъ и разсыпались по всей Руской землѣ, въ Кіевѣ и Смоленскѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ и Володимирѣ. Смольняне, Полочане, Видбляне, торговали съ Ригою и Нѣмцами. Латины приходили въ Кіевъ, Володимиръ, въ землю Болгарскую. Жиды принимали дѣятельное участіе въ этой торговлѣ, живя въ Кіевѣ и вѣроятно въ другихъ городахъ. Нѣмцы пріѣзжали изъ внутренней Германіи, Галичане съ солью

отъ Карпатскихъ горъ, Дунайскіе Болгаре сообщались между собою и Русью, Норманы не забывали еще своего Austurvigi, Константинополя, и древней Біарміи, которую ограбили особенно въ 1222 году.

Средоточіемъ Греческой торговли былъ Кіевъ. Средоточіемъ Ганзейской торговли былъ Новгородъ.

—

О торговлѣ *Кіевской* впродолженіи Норманскаго періода свидѣтельствуютъ писатели—Греческіе (Константинъ Багрянородный, около 950), Сѣверные (Адамъ Бременскій, до 1076, Саксонъ Грамматикъ, + 1204), Нѣмецкіе (Дитмаръ, около 1020),[1] и Арабскіе (Ибнъ-Фоцланъ, 922, и Ибнъ-Гаукалъ, послѣ 969).[2]

Кіевская торговля съ Греціей впродолженіи удѣльнаго періода, до Татаръ, была такъ велика, и предметъ ея былъ такъ важенъ для князей, что они иногда принуждены были брать на себя сами, сообща, обязанность провожать купцевъ, торговавшихъ съ Греціей, охраняя обозы (чтобъ не сказать: транспорты), отъ нападенія хищныхъ племенъ, кочевавшихъ по ихъ пути.

Купцы, торговавшіе съ Греціей, назывались Гречниками. Гречники — это, безъ всякаго сомнѣнія, Сѣверные Griskir, Grickir, какъ назывались Норманны, ѣздившіе въ Грецію. Названіе ихъ перешло послѣ и къ нашимъ Кіевскимъ купцамъ, торговавшимъ съ Греціей.[3]

1—Лербергъ, с. 218. Мои Изслѣдованія, т. III, с. 246 и проч.

2—Френъ, с. 147 и 158.

3—Griskir и Grickir у Сѣверныхъ писателей, надо прибавить здѣсь, смѣшиваются, говоритъ Сабининъ, съ Gerzkir, Girzkir, Русскіе, и ставятся часто одни вмѣсто другихъ. Вообще Руссы, принявъ Греческую вѣру и Греческіе обычаи, и находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ Греками, въ среднія вѣка у многихъ писателей, а въ особенности у *Саксона Грамматика* и *Адама Бременскаго* смѣшивались съ ними. Это примѣтно у нихъ особенно тамъ, гдѣ они слѣдовали древнесѣвернымъ Сагамъ и Пѣснямъ. Причиною такою смѣшенія отчасти были и Сѣверные писатели, по недостатку правильныхъ понятій о дѣйствительномъ различіи между Греціею и Россіею.

Первое извѣстіе о Греческихъ купцахъ встрѣчается подъ 1084 годомъ: Давидъ Игоревичъ, младшій внукъ Ярославовъ, одинъ изъ князей, наиболѣе буйствовавшихъ въ это время, захватилъ въ Олешьѣ Гречниковъ, т. е. купцевъ торговавшихъ съ Греціей, и отнялъ у нихъ много товару.[4]

Подъ 1167 г. встрѣчается извѣстіе еще любопытнѣе: Кіевская лѣтопись говоритъ, что Половцы, услышавъ о несогласіяхъ князей Русскихъ между собою, начали »пакостити« Гречникамъ. Значитъ, что князья, въ мирное время, не допускали Половцевъ причинять вреда купцамъ. И въ этомъ году, впрочемъ, великій князь Кіевскій Ростиславъ, внукъ Мономаховъ, послалъ вои для возведенія Гречниковъ, т. е. для препровожденія ихъ вверхъ по Днѣпру.[5]

Но самое важное мѣсто о Греческихъ купцахъ находится подъ 1168 годомъ: тогда Ростиславъ снарядилъ цѣлую многочисленную экспедицію, для охраненія Греческихъ купцевъ, почти со всей Южной Руси, изъ Володимира, Луцка, Бужска, Дорогобужа, Овруча, Городна, Галича и проч.[6]

Одиннадцать князей, со всей Руси, даже отдаленная Галицкая помощь, оказались нужною для охраненія купцевъ изъ Греціи. Большихъ ополченій не бывало и для наступательной войны съ Половцами. Не ясно ли изъ этого слѣдуетъ, что обозы были огромные, и что польза отъ торговли простиралась на всю Русь, которая принимала въ ней дѣятельное участіе, такъ что князья, изъ самыхъ отдален-

[4]—Давыдъ зая Грьки (въ Ип. спискѣ правильнѣе *Гречники*, въ Радз. и Троицк. 2 *Гречникы*) въ Олешьи, и зая у нихъ имѣнье. Олешье — нынѣ Алешки, (какъ долго сохранилось имя!) уѣздный городъ противъ Херсона на лѣвомъ берегу Днѣпра.

[5]—1167. Увѣдавше Половци, оже Князи не въ любви живуть, шедше въ пороги, начаша пакостити *Гречникомъ*; и посла Ростиславъ Володислава Ляха съ вои, и възведоша *Гречникы*.

[6]—1168. Посла Ростиславъ, Великій Князь Кіевскій, къ братьи своей и къ сыномъ своимъ.... и приде Мьстиславъ изъ Володимира, Ярославъ братъ его изъ Лучьска, Ярополкъ изъ Бужьска, Володимиръ Андреевичь, Володимиръ Мьстиславичь, Глѣбъ Гюргевичь, Рюрикъ, Давыдъ, Мьстиславъ, Глѣбъ Городеньскій, Иванъ Юрьевичь сынъ, и Галичьская помочь, и стояша у Канева долго время, доидеже взиде *Гречникъ* и *Залозникъ*.

ныхъ странъ, считали своей обязанностію, для собственныхъ своихъ выгодъ, ей покровительствовать. Замѣтимъ еще выраженіе, въ пользу нашего заключенія о многочисленности купцевъ и товаровъ: князья стояли *долгое время*, пока не вышли Гречникъ и Залозникъ; [7] слѣдовательно долгое время восходили купцы; слѣдовательно ихъ было очень много. [8] Далѣе: не можетъ быть, чтобъ это случилось только въ одномъ году; вѣрно торговое сообщеніе было обыкновенное, какъ оно было »обыкновенно« въ Норманскомъ періодѣ, [9] и только въ лѣтопись оно попалось подъ этимъ годомъ, по особенному случаю, равно какъ и слѣдующее подъ 1170 г., когда великій князь Мстиславъ Изяславичь созвалъ также князей почти со всей Южной Руси и возбудилъ ихъ противъ Половцевъ именно потому, что послѣдніе »изотымали« у Руси пути *Греческій* (т. е. Днѣпръ), *Соляный* (т. е. тотъ, по которому Рускіе промышленники ѣздили за солью въ Крымъ, по свидѣтельству Рубруквиса) и *Залозный*. (?) [10] Походъ былъ.

[7]—*Залозникъ* — слово, до сихъ поръ необъясненное: Арцыбашевъ выводилъ его изъ Олешья — залешникъ. II, пр. 1146. Едвали!

[8]—Предположить, что они собрались слишкомъ рано, и потому стояли долго, гораздо труднѣе. Не понимаю я только, за чѣмъ Князья дожидались у Канева, послѣ котораго купцамъ, до Кіева, не предстояло, кажется, никакой опасности. Если стоять, то, кажется, нужнѣе было бы снизу, предъ порогами, а за Каневымъ кто могъ безпокоить купцевъ? Можетъ быть они стояли тамъ, пока получили извѣстіе о приближеніи Гречниковъ, и тогда отправились ниже. Или полагать, что Половцы не кочевали близь нижняго Днѣпра? О кочевьяхъ Половцевъ особое изслѣдованіе мое помѣстится въ Трудахъ Одесскаго Общества.

[9]—См. о военнокупеческихъ караванахъ Норманскихъ, въ III т. моихъ Изслѣдованій. Это совершенно тѣ же.

[10]—1170. Река (Мстиславъ Изяславичь) тако: »братье! пожальтеся о Руской земли и о своей отцинѣ и дѣдинѣ, оже несуть хрестьяны на всяко лѣто у вѣжѣ своѣ, а съ нами роту взимаюче, всегда переступаюче; а уже у насъ и *Гречьскій путь изотимають*, и *Соляный*, и *Залозный*, а лѣпо ны было, братье, възряче на божію помочь.... поискати отець своихъ и дѣдъ своихъ *пути* и своей чести.« И угодна бысть рѣчь его преже Богу, и всеѣ братьѣ, и мужемъ ихъ. И рекоша ему братья вся: »Богъ ти, брате, помози въ томъ,« и пр.... И потомъ посла Мьстиславъ по братью свою, и съвкупишася вся братья у него Кіевѣ: Ярославъ изъ Лучьска, Володимиръ Андреевичь изъ Дорогобужа, Рюрикъ изъ Вручего,

очень успѣшенъ, и князья воротились съ добычею и славою. Но въ слѣдствіе этого похода они почли за необходимое принять новыя сильныя мѣры для охраненія Гречниковъ въ слѣдующемъ году. Опять собрались они изъ Кіева, Вышегорода, Луцка, Дорогобужа, Овруча, Турова, и пошли въ Каневъ. Вотъ и второе ополченіе, столь же многочисленное, какъ и Ростиславово, и, замѣтьте, черезъ годъ, черезъ два, послѣ онаго.

—

Кіевляне торговали также съ *Половцами*.

Подъ 1184 г. находимъ мы извѣстіе въ Кіевской лѣтописи, что Русскіе князья въ походѣ своемъ противъ Половцевъ встрѣтили гостей или купцевъ, шедшихъ изъ земли Половецкой; которые доставили имъ свѣдѣнія о мѣстахъ, гдѣ тогда кочевали Половцы, а именно по рѣкѣ Хоролу. [11]

Изъ нашихъ городовъ видимъ мы Кіевскихъ купцовъ только въ *Володимирѣ Залѣскомъ*, какъ свидѣтельствуетъ Суздальская лѣтопись подъ г. 1075, и то совершенно случайно. См. ниже.

Какъ Кіевскіе купцы ходили по другимъ городамъ, такъ *Новогородскіе* и прочіе пріѣзжали въ Кіевъ. См. ниже. [12]

Наконецъ, кромѣ Рускихъ купцевъ, жили въ Кіевѣ и *иноземные* Латинскіе или Нѣмецкіе купцы, что всего яснѣе видно изъ слѣдующаго мѣста въ лѣтописи:

Давыдъ изъ Вышегорода, а Гюргевичь Иванъ изъ Турова. И нача молвити Мстиславъ братьи своей: »се, братье, Половцемъ есмо много зла створили, вѣжѣ ихъ поимали есмы, дѣти ихъ поимали есмы, и стада и скотъ, а тѣмъ всяко пакостити *Гречнику нашему* и *Залознику*; а бы въшли противу *Гречнику*.« И люба бысть рѣчь всеѣ братьѣ, и рекоша ему братья: »тако буди, то есть намъ на честь и всеѣ Рускѣй земли«— и шедше сташа у Канева.

11.—Русскій Истор. Сборникъ, т. IV, с. 113. Также Труды Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ отрывкѣ изъ Шлецеровой Сѣверной Исторіи, IV, с. 268. Замѣчательно, что зоркій Шлецеръ видѣлъ уже различіе между Gerzky, Русскій, изъ Gardski, и Griski, Грекъ.

12.—1184. Ѣдущимъ (Княземъ Русскимъ противъ Половцевъ), усрѣтоша гостѣ идущѣ противу себе изъ *Половецъ*, и повѣдаша (гости) имъ, яко Половци стоятъ на Хоролѣ.

1174 г. Ярославъ Луцкій, подозрѣвая Кіянъ въ измѣнѣ, будто они навели на него Святослава Всеволодовича Черниговскаго, обложилъ контрибуціею весь Кіевъ, игуменовъ и поповъ, черицевъ и черницъ, *Латину* и *гостей* и *затворы*, и всѣхъ Кіянъ. [13] Подъ *затворами* нельзя разумѣть ничего, кромѣ магазиновъ, амбаровъ. Затворами назывались иногда монастыри, но здѣсь мѣстомъ, которое занимаетъ это слово — между Латинами, гостями и Кіянами, послѣ уже духовенства, исключается послѣднее значеніе.

Еще лучшее свидѣтельство о пребываніи иностранныхъ купцовъ въ Кіевѣ сохранилось въ Новогородской лѣтописи; что весьма замѣчательно, указывая именно на торговое сообщеніе, (извѣстіе принесено было, вѣроятно, въ Новгородъ изъ Кіева Новогородскими купцами), а именно подъ 1203 г.: Половцы, взявши Кіевъ на щитъ, дали жизнь иноземцамъ *всякаго языка*, затворившимся въ церквахъ, раздѣливъ товары съ ними пополамъ. [14]

А какіе это иноземные гости, мы узнаемъ отчасти изъ разысканій Даниловича. Вотъ что говоритъ онъ, въ своемъ изслѣдованіи о Польскихъ городахъ: «Регенсбургъ въ 12-мъ вѣкѣ держалъ въ Кіевѣ свои торговые домы.» [15] Чрезъ Енсъ [16] и Вѣну [17] отправлялись Регенсбургскіе торговцы въ Кіевъ

13.—Попрода весь Кіевъ, игумены и попы, и черньцѣ, и черницѣ, *Латину* и и гостѣ, *затвори*, и всѣ Кыяне.

14.—1203 Января 1 дня (т. е. 1204 г.) Рюрикъ съ Ольговици и съ погаными Половци.... взяша градъ Кыевъ на щитъ.... а что гости иноземьця *всякою языка*, затворишася въ церквахъ, и въдаша имъ животъ, а товаръ съ ними раздѣлиша наполы.

15.—Gartvici cuiusdam traditio sec. XII. in cod. trad. S. Emmeran, cap. 188 ap. Per. Thesaurus aneg. T. I. P. III, p. 173. Quidam huius ecclesiae familiaris, Hartvic nomine, habitans in regione Ruscie in civitate *Chiebe*.

16.—Грам. Отахера Князя Стир. 1100 г. въ Scheid. Orig. Guelf t. III, p. 30, plaustra *de Rusia vel in Rusiam tendentia*.

17.—Грам. Леопольда Кн. Австрійскаго 1190, данная жителямъ Регенсбурга, тамъ же ст. 31. *Rusarii* (отправляющіеся въ Русь) quocunque tempore vadant (in Russiam), duo talenta solvant, et in reditu ex Rusia, dimidium talentum.

за покупкою мѣховыхъ товаровъ [18], коихъ тогда сей городъ считался складочнымъ мѣстомъ [19].»

»Въ 1027 году Поляки съ Рускими заглядывали до Сициліи [20].«

Въ началѣ 10-го столѣтія Руские купцы приходили съ своими телѣгами чрезъ Богемію на берега Дуная, продавать Баварцамъ лошадей и невольниковъ [21].

Свидѣтельства нашего Нестора подтверждаются словами современника его, Польскаго лѣтописателя Мартина Галла, который такъ выражается (въ предисловіи) о своемъ отечествѣ: Sed quia regio Polonorum ab itineribus peregrinorum est remota, et nisi transeuntibus in *Russiam* pro mercimonio paucis nota: Польша дѣлалась извѣстною преимущественно только потому, что чрезъ нее проѣзжали иностранные купцы въ Русь. [22]

»Не пустиша купцевъ ко Кіеву отъ *Галича* и *Перемышля*, и не бысть соли во всей Россійской земли« (при Святополкѣ Михаилѣ). [23]

Жиды имѣли особую улицу въ Кіевѣ, и отличались, видно, богатствомъ: потому что при смерти Святополка 1113 г. Кіяне бросились грабить Жидовъ.

1124 г. »Погорѣ Гора.... и Жидове.«

Жидовские ворота упоминаются подъ 1151 годомъ. Переходимъ къ Новугороду.

---

[18]—Vita Mariani Scoti (въ концѣ в. XII) in actis ss. XI Febr. Venet. p. 369.

[19]—Contareni, apud Bergeron, p. 9.

[20]—Caracciolo Antiqui Chronologi quatuor, Neapoli, 1626. p. 101.

[21]—Гизебрехтъ с. 22. Гизебрехтъ доказываетъ, что мѣсто Нѣмецкихъ лѣтописей (Monumenta Boica XXVIII, с. 203) относится именно къ Руси, а не къ Рюгенцамъ, какъ того хотѣли нѣкоторые изслѣдователи.

[22]—Galli Chron. Varsoviae, 1824, с. 14. Всѣ сіи цитаты (13—22) принадлежатъ Даниловичу въ РИС. IV, 163. и проч.

[23]—См. въ житіи препод. Прохора, въ Патерикѣ Печерскомъ.

Новгородъ былъ главнымъ почти городомъ Ганзеiскаго союза, по документамъ.[204] А самъ Новгородъ и его область, сырая, болотистая, безплодная, не изобиловали никакими естественными произведеніями, напротивъ они чувствовали недостатокъ въ главнѣйшихъ потребностяхъ. Ясно, что Новогородцы были посредниками всей Руской торговли съ Сѣверомъ и Германіей. Мы ограничимся здѣсь свидѣтельствами только нашихъ лѣтописей, изъ коихъ можно заключить объ ея обширности.

Новогородскіе купцы ѣздили сами за море, и въ 1134 году посадили ихъ подъ стражу въ Даніи.[205]

Въ 1142 году, Шведскій король, въ 60 шнекахъ, напалъ на Новогородцевъ, возвращавшихся въ трехъ ладьяхъ изъ-за моря, но не успѣлъ ничего, потерявъ даже полтораста человѣкъ въ сраженіи и три шнеки.[206] (Ладьи Новогородскія, видно, были очень велики, если они могли бороться съ 60 шнеками, и, избивши 150 человѣкъ, отойдти безопасно).

Въ 1188 году у Новогородцевъ была важная ссора съ Варягами, т. е. съ Скандинавами, которые заточили ихъ купцовъ на островѣ Готландѣ. Новогородцы, par le droit de represailles, поступили, кажется, также съ ихъ купцами у себя, и въ Торжкѣ, и хотя отпустили ихъ на другой годъ, но не позволили своимъ купцамъ ѣхать за море, ни отправили пословъ.[207]

[204] — Карамзинъ III, с. 207.

[205] — 1134. Рубиша Новгородць за моремъ въ Донѣ.

[206] — 1142. Прииходи Свѣйскыи князь съ Епископомъ въ 60 шнекъ на гость, иже идь заморья шли въ 3 лодьяхъ, и бишася, не успѣша ничтоже, и отлучиша въ 3 лодьѣ, избиша ихъ полутораста.'

[207] — 1188. »Рубоша Новгородьцѣ Варязи на Гътѣхъ, Нѣмьцѣ въ Хоружьку и въ Новотържьцѣ; а на весну не пустиша изъ Новагорода своихъ ни одиного мужь за море, ни съла вьдаша Варегомъ, нъ пустиша я безъ мира.« Это мѣсто темно; Арц. II, с. 246, пр. 1530, переводитъ, кажется, вѣрно, хотя и не говоритъ, что надо предположить именительный Новогородцы предъ винительнымъ Нѣмцѣ. Карамзинъ, приводя это мѣсто, говоритъ III, пр. 84: это неясно: кто и кого рубоша? Новогородцы ли Варяговъ или Варяги Новогородцевъ? Отвѣчаемъ: первая часть предложенія ясна, т. е. Варязи (им. пад.) рубоша Новгородьцѣ (винит. пад.), но недостаетъ другаго именительнаго и глагола къ винительному Нѣмьцѣ.

Иностранные купцы пріѣзжали въ Новгородъ, жили тамъ постоянно, имѣли свой дворъ и церковь. Въ Ярославовомъ уставѣ о мостовыхъ упоминается о цѣломъ участкѣ, заселенномъ Нѣмцами.

1128 г. матери отдавали имъ дѣтей во время голода. [80]

1152 г. сгорѣла Варяжская церковь.

1156 г. «Поставиша заморьстіи (купцы) церковь святыя Пятницѣ на търговищи.»

1201 г. «Варягы пустиша безъ мира за море.... на осень придоша *Варязи* горою (вотъ, слѣдовательно, и сухопутное *сообщеніе*) на миръ, и даша имъ миръ, на всей воли своей.»

1207 г. «Съвършиша цьрковь Святыя Пятница заморьскіи (купцы).»

1217 г. «Въ Варязьской божници изгорѣ товаръ высь Варязьскый безъ числа.»

1230 г. «Купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ и по болшю, а ржи 4 часть кади.... по гривнѣ серебра, и даяху отци и матери дѣти свое одьрень, изъ хлѣба, *гостемъ*.»

1231 г. «Прибѣгоша Нѣмьци изъ заморія съ житомъ и съ мукою.»

Наши свидѣтельства о торговлѣ Новогородской съ Сѣверомъ подтверждаются вполнѣ иностранными. Мы напомнимъ здѣсь только по Лербергу, с. 218: Адамъ Бременскій свидѣтельствуетъ, что Датчане въ его время пріѣзжали въ Новгородъ въ 4 недѣли, а отъ устья Одера совершали туда путь обыкновенно въ 43 дня. Въ 1157 г. Свендъ, король Датскій, при осадѣ Шлезвига, захватилъ Рускіе купеческіе корабли, и товары, на оныхъ взятые, раздалъ своимъ ратникамъ вмѣсто жалованья. Въ 1158 г. Бременцы чрезъ устье Двины проложили себѣ путь во Псковъ, а потомъ въ Новгородъ. Въ 1187 г. Императоръ Фридрихъ пригласилъ Рускихъ съ другими жителями Балтійскаго поморья въ Любекъ, освободя ихъ отъ пошлинъ и проч.

[80] — 1128. Лютѣ баше : осминка ржи по гривнѣ баше.... отець и мати чадо свое вдаяхуть въ лодью даромъ гостьмъ.

Наконецъ обратимъ здѣсь вниманіе на древнюю, такъ называемую Новгородо-Готландскую грамоту, около 1200 года, объясненную *Лербергомъ* (с. 195), и Карамзинымъ (III, пр. 211), гдѣ опредѣляются ясно многообразныя отношенія Новогородскихъ и Нѣмецкихъ купцевъ между собою.

—

Переходимъ къ *внутренней* торговлѣ Новагорода.

Новогородскіе купцы ѣздили въ *Кіевское* княжество. Это мы видимъ изъ того, что въ 1161 году Великій князь Кіевскій Ростиславъ, разсердясь на Новогородцевъ, велѣлъ перехватить ихъ купцевъ, что были въ Кіевѣ, и посадить въ погребъ, гдѣ ихъ въ одну ночь умерло 14 человѣкъ, а остальные разосланы были послѣ по городамъ.[29]

Новогородцы торговали съ *Черниговымъ*, что видно изъ предложенія князя Михаила Черниговскаго принимать къ себѣ ихъ купцевъ.[30]

Въ *Суздальскомъ* княжествѣ бывало ихъ множество, и безпрестанно встрѣчаются въ лѣтописяхъ извѣстія, что князья, по неудовольствіямъ съ Новымгородомъ, захватываютъ ихъ купцевъ, и не пускаютъ къ нимъ хлѣба — самое дѣйствительное средство противъ Новагорода.[31]

29.—1161. Приде вѣсть къ Ростиславу въ Кіевъ, оже ему ять сынъ Новѣгородѣ, и повелѣ изоимати Новгородци и усажати ѣ у Пересѣченьскый погребъ, и въ одину ночь умре ихъ 14 мужи; и повѣдаша Ростиславу, оже издъхлися въ погребѣ, и печаленъ бысть изъ дѣла, и повелѣ выпустити я изъ погреба и развести я по городомъ.

30.—1225. Н. К. Михаилъ рече Новгородьчемъ: не хочу у васъ княжити, иду Цьрнигову, гости ко мнѣ пускайте, а како земля ваша, тако земля моя.

31.—1141. Л. Новгородци не стерпяче безъ князя сѣдити, и ни жито къ нимъ не идяше ни отколѣже. и сидяще истахуть и въ погребъ.

1143. Ходи Архіеп. Нифонтъ... и пріятъ и съ любовью Гюрги... и *Новоторжцы* вся выпроси и гость весь цѣлъ.

1177. Зая Всеволодъ гость Новгородьскыя.

1210. Поиде Мьстиславъ со всѣмъ плъкомъ на Всеволода... и присла къ нему Всеволодъ: ты ми еси сынъ, а азъ тобѣ отецъ, пусти Святослава (захваченнаго Мстиславомъ Всеволодова сына) и мужи его, а Всеволодъ пусти гость съ товары, хрестъ цѣловаста.

1225. Приде К. Михаилъ... иде къ Гюргю, поима съ собою мужи Новгородьскыя правитъ товаровъ, что поималъ на Тържку и по своей волости.

О количествѣ Новогородскихъ купцевъ всего лучше можемъ мы судить по извѣстію о томъ, сколько князь Ярославъ, (который послѣ былъ великимъ княземъ Володимирскимъ — первый, покорный Татарамъ), поссорясь съ ними, захватилъ въ Торжкѣ въ 1215 г. мужей Новогородскихъ и купцевъ *болѣе двухъ тысячь!* Каково количество, котораго большую часть составляли, безъ сомнѣнія, купцы! [32]

О пребываніи Новогородскихъ купцевъ въ *Переяславлѣ* (Залѣсскомъ) находимъ извѣстіе въ исторіи того же Ярослава; онъ перехватилъ тамъ купцевъ въ 1216 году. [33]

Кромѣ Новагорода производили торговлю *Псковичи*, *Новоторжцы*, *Ладожане*, *Рушане*, какъ видно изъ нѣкоторыхъ выше и ниже предложенныхъ мѣстъ, а именно: Ярославъ въ 1232 г. не пустилъ въ *Псковъ* купцевъ съ солью. Въ 1234 Литва нападала на *Русу*, въ коей отбивались купцы. [34]

Новогородскіе купцы принадлежали къ числу почетнѣйшихъ гражданъ, ходили послами и участвовали въ войнахъ, условіяхъ съ князьями. [35]

32 — 1215. Ярославъ.... гость Новъгородьскый весь пріа (въ Торжкѣ).... Посла князь Мьстиславъ.... (сказать ему): мужь мои и гость пусти.... Князь же Ярославъ того не улюбивъ.... а Новгородцѣ съзва на поле за Тържькъ,... вьси мужи и гостьбницы, измавъ я вся посла исковавъ по своимъ городомъ, а товары изъ раздая и конѣ; *а бяше всѣхъ Новгородьць боле 2000.*

33 — 1216. К. Ярославъ (разбитый Мстиславомъ) вбѣгъ въ Переяславль, повелѣ изъметати въ погребъ, что есть Новгородьць, а иныхъ въ гридницю, и ту ся издъхоша въ множьствѣ.... Мстиславъ поиде къ Переяславлю.... поя.... что живыхъ Новгородьць и что было съ Ярославомъ въ плѣну.

34 — 1232. Не пусти Князь (Ярославъ) гости въ нихъ (*Плесковичамъ*), и купляху соль по гривнѣ берковескъ.

1234. Нагонаша Литва Русу оли до търгу, и сташа Рушане и засада, огнищане и гридба, и кто *купьць и гости*, и выгнаша я изъ посада, опять бьющеся на поли.

35 — 1137. Имаша (на пріятеляхъ К. Всеволода Мстиславича изъ Бояръ) на нихъ съ полуторы тысяцѣ гривень, и даша купцемъ прутитися на войну.

1141. Гости были въ числѣ пословъ къ В. К. Всеволоду за его сыномъ.

1166. Приде Ростиславъ изъ Кыева и позва Новгородьцѣ на порядъ: огнищане, гридь, купьцѣ вячьшее.

1195. Идоша съ К. Ярославомъ огнищане, и гридьба, и купци на Черниговъ), по вызову Великаго Князя Суздальскаго Всеволода.

О торговлѣ *Смоленска*, *Полоцка* и *Витебска*, по счастливому случаю, сохранился драгоцѣнный документъ: договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ, 1228 года. Пропади этотъ документъ, что знали бы мы изъ нашихъ лѣтописей о торговлѣ Смоленска? Рѣшительно ничего, а между тѣмъ она была такъ обширна и велика, что для содержанія ея въ законныхъ предѣлахъ потребовалось опредѣлить множество частностей, доказывающихъ самое живое и частое сообщеніе. Мы узнаемъ теперь: что Смоленскихъ купцевъ бывало множество въ Нѣмецкой землѣ; что Нѣмецкихъ купцевъ бывало множество въ Смоленскѣ; что Нѣмецкіе купцы имѣли въ Смоленскѣ церковь и ѣздили изъ Смоленска и *въ другіе города*: что Полоцкъ и Витебскъ производили такую же торговлю съ Нѣмцами, какъ и Смоленскъ; и что Двина по всему своему теченію была свободна.

Изъ Рускихъ лѣтописей мы узнаемъ только, что *Смоленскіе* купцы бывали въ *Переяславлѣ*,—при извѣстіи, что Ярославъ Всеволодовичъ, послѣ пораженія подъ Липицами, велѣлъ ихъ перехватать, и посадить въ порубъ.[30]

—

Изъ городовъ Смоленскаго княжества извѣстенъ по торговлѣ еще *Торопецъ*, гдѣ еще подъ 1074 годомъ упоминается «богатый» купецъ Торопчанинъ, который роздалъ имѣніе свое нуждающимся, и постригся въ монастырѣ Θеодосіевомъ, нареченный Исаакіемъ.

=

Что во *Владимирѣ Суздальскій* приходили купцы *Греческіе*, *Нѣмецкіе*, *Кієвскіе* и *Восточные*, о томъ узнаемъ мы

[30] — 1216. Ярославъ избигъ изыма *Новгородци* и *Смоляны*, иже бяху зашли гостьбою въ землю его, повелѣ въ погребы исметати ихъ, что есть Новогородцевъ, а иныхъ въ гридницу, и ту ся издохоша, а иныхъ повелѣ затворити въ тѣснѣ избѣ, и издуши ихъ полтораста, а Смолнянъ 15 мужь затвориша кромѣ, тѣ же быша вси живи.

случайно изъ причитанья Кузмища Кіянина надъ трупомъ Андреевымъ.[37]

О купцахъ во Владимирѣ, какъ части заселенія городскаго, есть два мѣста, надъ годами 1177 и 1206.[38]

О Новогородскихъ и Смоленскихъ купцахъ въ *Переяславлѣ*, см. выше.

—

Иностранные купцы, торгуя съ Рускими, проѣзжали еще чрезъ Рускую землю въ сосѣднія страны съ тою же цѣлію, а именно:

Въ *Болгарію*, что узнаемъ мы въ извѣстіи объ умерщвленіи Болгарскомъ городѣ богатаго купца, который не хотѣлъ тамъ измѣнить христіанству и былъ замученъ;[39]

Нормановъ мы видимъ при взятіи *Константинополя* Латинами, которые ихъ выгнали.[40]

—

Такова была торговля Руси въ удѣльномъ періодѣ. Кіевъ, Новгородъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Витебскъ, Торопецъ, Псковъ,

[37] — Иногда бо аче и гость приходилъ изъ Царягорода, и отъ иныхъ странъ изъ *Руской земли*, и аче *Латининъ*, и до всего *хрестьяньства*, и до всѣхъ поганъ. . . (Андрей всѣмъ велѣлъ показывать богатства церковныя).

[38] — 1177. »Бысть мятежъ въ городѣ Володимирѣ, всташа Бояре и *купци*, рекуще: Княже (Всеволодъ), мы тобѣ добра хочемъ, и за тя головы своѣ складываемъ, — нынѣ вороги свои держишь просты, а се вороги твои и наши Суздальци и Ростовци, а казни ихъ.

1206. Проводиша (Константина) вся братья его.... и вся Бояре отца его и вси *купци* и вси послы братьевъ его.

[39] — 1229. Того же лѣта страсть новаго мученика Христова (Авраамія), его же убиша Болгаре въ великомъ градѣ ихъ: сь бысть иною языка *не Руского*, хрестьянъ же сы, имѣяше имѣнье много, *гостьбу* дѣя по градомъ.... (Болгаре) же нудиша и отрещися Христа.... онъ же не покорися.... усѣченъ бысть.... и створи Богъ милость вскорѣ.... погорѣ.. большая половина города великаго.... и *товара* погорѣ множество бечисленно.

[40] — 1204. И Грекы же и Варягы изгнали изъ града, иже бяхутся остали Л. В. Ц, с. 138.

Руса, Ладога, Торжокъ, Володимиръ, Переяславль, Черниговъ, — вотъ города, о коихъ положительныя извѣстія сохранились въ Лѣтописяхъ, какъ мы представили.

—

Произведенія этой торговли мы видимъ, въ оборотѣ, въ употребленіи, напр. въ 1148 году: »Изяславъ да дары Ростиславу что отъ *Рускыи земли* и отъ *всихъ царьскихъ земль*, (то есть Греческихъ), а Ростиславъ да дары Изяславу что отъ верьхнихъ земль и отъ Варягъ (то есть Сѣверныхъ, Нѣмецкихъ).

—

О внутренней торговлѣ мы знаемъ изъ одного мѣста въ лѣтописи, что она была обложена *пошлинами:* въ 1150 году, князь Борисъ Юрьевичь принужденъ былъ бѣжать отъ Владимирка Галицкаго, напавшаго внезапно на его Бѣлгородъ. Владимирко захватилъ бы его самого, говоритъ лѣтопись Кіевская, еслибъ »мытникъ« не успѣлъ разметать моста. [44] Если былъ мытникъ, то было и мыто, *пошлина.*

—

Въ городахъ вездѣ были *торговища*, т. е. торговыя площади, кои до сихъ поръ сохранились и во всѣхъ Славянскихъ городахъ на Западѣ. Въ *Новѣгородѣ*, искони, цѣлая сторона называлась *Торговою.*

Въ *Кіевѣ* 1067 г. »Людье Кыевстіи.... створиша вѣче на *торговищи.*« 1069 г. »Изяславъ възгна *торгъ* на Гору.«

Во *Вздвижени* 1096 г. »Бысть везому ему (ослѣпленному Васильку) сташа съ нимъ, перешедше мость Здвижесньскый *на торговищи.*«

Въ *Русѣ:* 1234 г. »Изгониша Литва Русу оли до търгу.«

м. погодинъ.

[44] — 1150. Даче бы не мытникъ устерeглъ и моста не переметалъ, то али былъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

МИХАИЛЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ.

Михаилъ Всеволодовичь по происхожденію своему принадлежалъ къ знаменитому гнѣзду Ольговичей, которые преимущественно предъ прочими Рускими князьями отличались удальствомъ и храбростію, и которыхъ пѣвецъ »Слова о полку Игоревѣ« прямо называетъ *Ольгово хороброе гнѣздо.* [1] Дѣдомъ Михаила былъ тотъ знаменитый Святославъ, о которомъ въ томъ же Словѣ сказано: »Святославъ грозный великый Кыевскій наступи на землю Половецкую, притопта хлъми и яругы, возмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота, а погаааго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихрь выторже.« [2] Не менѣе былъ знаменитъ и отецъ Михаила Всеволодъ Святославичь Чермный, который также былъ великимъ княземъ Кіевскимъ и господствовалъ надъ всѣмъ Приднѣпровьемъ; онъ замышлялъ даже изгнать оттуда всѣхъ князей не Ольгова племени. Лѣтопись записала его замѣчательную рѣчь къ Ростиславичамъ: »недостойни есте жити въ землѣ Руской: понеже ваше племя сотвори се, еже повѣсиша братію мою въ Галичу, и наведосте срамъ на весь родъ мой и на всю Рускую землю, сего ради не имате части въ ней.« [3]

Михаилу Всеволодовичу, достойному потомку доблестныхъ предковъ довелось жить и дѣйствовать именно въ то время, когда Ольговичи близки были къ тому, чтобы сдѣлаться го-

[1]—Руск. Дост. т. III. стр 54.
[2]—Тожьже. стр. 109—110.
[3]—Густин. лѣт. стр. 333.

сподствующимъ княжескимъ племенемъ въ Придн҄ѣпровской странѣ; но когда старѣйшіе представители этого племени не были способны къ таковому подвигу. Въ какомъ городѣ первоначально княжилъ Михаилъ, мы не знаемъ; но очевидно, не въ Черниговѣ; ибо лѣтописи прямо называютъ Черниговскимъ княземъ дядю Михаилова Мстислава Святославича Козельскаго. Въ дошедшихъ до насъ памятникахъ, Михаилъ въ первый разъ упоминается на совѣтѣ Рускихъ князей, бывшемъ въ Кіевѣ въ 1224 году, по случаю нашествія Татаръ. [4] Въ это время, вѣроятно, онъ былъ еще очень молодъ; ибо лѣтопись называетъ его молодшимъ княземъ вмѣстѣ съ Даніиломъ Романовичемъ и Всеволодомъ Мстиславичемъ; а извѣстно, что Даніилу тогда было только 18 лѣтъ. [5] На долю Михаила выпалъ жребій начать свою службу отечеству, записанную въ лѣтописяхъ, именно въ томъ самомъ дѣлѣ, въ которомъ онъ въ послѣдствіи доблестно сложилъ свою голову.

Но Михаилъ не участвовалъ въ страшномъ Калскомъ бою, [6] бывшемъ вслѣдъ за Кіевскимъ княжескимъ съѣз-

[4]—Троиц. лѣт. стр. 217.

[5]—Годъ рожденія Михаила намъ неизвѣстенъ. Татищевъ, кажется основываясь на неправильномъ толкованіи одного неяснаго мѣста Ипатіевской лѣтописи, говоритъ, что Михаилъ родился въ 1179 году; вотъ его слова: »преставися княгиня Марія Казимировна супруга Всеволода Святославича.... болѣзнь же ея приключися отъ тяжкаго рожденія сына Михаила, который по ней остался.« (Тат. III. стр. 234) но съ этимъ показаніемъ нельзя согласиться; ибо въ Ипатіевской лѣтописи подъ 1179 годомъ сказано только: »преставися княгини Всеволожая.« (Ипат. стр. 121) О рожденіи же Михаила нѣтъ и помину; а въ Густинской лѣтописи прямо говорится: »преставися княгиня Всеволодовая, мати Святославля, дщи Казимира Короля Полскаго мниха.« (Густин. стр. 317). Слѣдовательно умерла не мать, а прабабка Михаила. Татищева же ввело въ заблужденіе подъ тѣмъ же годомъ стоящее извѣстіе въ Ипатіевской лѣтописи: »Привело Святославъ за Всеволода, за середнего сына жену изъ Ляховъ Казимерну во Филиппово говенье.« Но эта Казимировна, какъ значится въ Густинской лѣтописи, была дочь Казимира справедливаго, у Маріи же матери Святослава, какъ мы уже видѣли, отецъ былъ Казимиръ мнихъ.

[6]—Татищевъ кажется принимаетъ противное, изъ его словъ видно что Михаилъ былъ на Калскомъ бою съ Монголами. Ибо онъ говоритъ: »Ми-

домъ — потому ли что не сочувствовалъ планамъ старшихъ князей Приднѣпровья, или просто по примѣру многихъ изъ своихъ предковъ, которые обыкновенно въ молодости искали себѣ славы и чести вдалекѣ на чужбинѣ; онъ въ годъ Кальской битвы удалился съ своею удалою дружиною въ дальнюю страну Суздальскую, къ зятю своему Юрью Всеволодовичу. Здѣсь счастье благопріятствовало Михаилу, какъ нельзя болѣе; Юрій въ это время собирался въ походъ на Новгородцевъ, куда звалъ его сынъ Всеволодъ, принужденный удалиться изъ Новгорода въ Торжокъ. Михаилъ съ своими удальцами прибылъ очень кстати; и Юрій тою же осенью взялъ его съ собою въ Новгородскую сторону. Полки Юріевы были многочисленны; они грозно вступили уже въ Торжокъ и готовились опустошить Новгородскія владѣнія; Юрій уже грозилъ народу напоить своихъ коней Волховомъ: но съ одной стороны нѣкоторая уступчивость, а

хаилъ Всеволодовичъ остался отъ него въ Черниговѣ по Мстиславѣ старѣйшимъ его братѣ, но боясь Татаръ, пришедшихъ за нимъ, уѣхалъ въ Новгородъ» (Тат. III. стр. 442 Но объ этомъ нѣтъ и помину ни въ одной древней лѣтописи, какія только дошли до насъ, даже нигдѣ не говорится, чтобы Монголы доходили въ это время до Чернигова; по свидѣтельству Ипатіевской и Троицкой лѣтописей, они воротились назадъ отъ Новгородка Святополча, который стоялъ на Днѣпрѣ далеко ниже даже Кіева не только Чернигова. По этому Михаилу не отъ чего было бѣжать изъ Чернигова, когда Монголы уже оборотились назадъ. Притомъ же если бы Михаилъ былъ въ Калскомъ бою, то онъ хорошо бы зналъ о смерти старѣйшаго Черниговскаго князя Мстислава Святославича, погибшаго въ битвѣ; а слѣдовательно уже по одному этому обстоятельству ни зачто не удалился бы изъ Чернигова, ибо по смерти Мстислава, ему принадлежало старѣйшинство въ Олеговомъ племени и вмѣстѣ съ тѣмъ владычество надъ Черниговомъ. Предполагать, что Михаилъ очень испугался Монголовъ и отчаялся въ возможности удержать свою отчину, рѣшительно невозможно; ибо въ то время Приднѣпровскіе князья вовсе еще не считали такъ страшными Монголовъ, они не отличали ихъ отъ обычныхъ своихъ враговъ Половцевъ; иное дѣло послѣ въ 1240 году, послѣ завоеванія Монголами Сѣверовосточной Руси, тогда мнѣніе о Монголахъ перемѣнилось, и Приднѣпровскіе Князья стали искать отъ нихъ спасенія на чужбинѣ. Ясно, что Татищева ввело въ заблужденіе какая либо позднѣйшая лѣтопись.

съ другой рѣшимость Новгородцовъ умереть за святую Софію, и сдѣланныя ими разныя укрѣпленія по дорогѣ, перемѣнили ходъ дѣла; Юрій, не желая испытывать счастія въ битвѣ, вступилъ въ переговоры съ Новгородцами, и предложилъ имъ въ князья Михаила. Предложеніе было принято, и Новгородцы отправили посольство звать Михаила въ Новгородъ. [7]

Вступивши въ управленіе дѣлами Новгорода, Михаилъ высказалъ всю высокость души и благородство характера: онъ какъ истый витязь принялъ за первую свою обязанность облегчить участь Новгородцевъ, стѣсненныхъ и собственными партіями и Суздальцами, управлявшими народомъ при Юріевомъ сынѣ Всеволодѣ. Правдивый лѣтописецъ прямо говоритъ: «приде князь Михаилъ въ Новгородъ и бысть льгько по волости Новугороду.» [8] Но не довольствуясь симъ важнымъ и благодѣтельнымъ для народа распоряженіемъ, надежно упрочивавшимъ искреннюю любовь и преданность Новгородцевъ, Михаилъ рѣшился продолжать свои благодѣянія народу. Какъ вѣрный своему долгу государь Новгорода, онъ вмѣстѣ съ мужами Новгородскими отправился во Владиміръ ходатайствовать у Юрія о возвращеніи Новгородскихъ товаровъ, во время войны захваченныхъ въ Торжкѣ и по Суздальскимъ областямъ. Это путешествіе имѣло полный успѣхъ: Юрій, уважая Михаилово ходатайство, исполнилъ требованія Новгородцевъ и возвратилъ ихъ товары. Съ радостію и любовію граждане Новагорода встрѣчали князя-благодѣтеля, везшаго несмѣтныя богатства возвращенныя народу не силою оружія и кровопролитіемъ, но мирнымъ ходатайствомъ и заступничествомъ; благородная душа Михаила высоко цѣнила любовь и радость народную, но уже не могла спокойно наслаждаться ими: обстоятельства, нетерпящія отсрочки, отзывали Михаила на югъ въ родной Черниговъ, на новые труды и безпокойства. [9]

7.—Новг. I. стр. 41.

8.—Тамъ же.

9.—Тамъ же. и Троиц. стр. 219.

Кажется, еще на пути изъ Владимира пришла къ Михаилу печальная вѣсть о пораженіи Придиѣпровскихъ князей на Калкѣ, и о кончинѣ дяди его Мстислава Святославича, павшаго въ страшномъ бою съ Татарами, и съ тѣмъ вмѣстѣ онъ получилъ непріятное извѣстіе о занятіи отчиннаго Чернигова Олегомъ Курскимъ, который какъ младшій не имѣлъ на это права. Чувствуя всю необходимость своего присутствія на родинѣ, Михаилъ прямо, по прибытіи въ Новгородъ, вышелъ на Ярославовъ дворъ и объявилъ народу: «теперь я не могу оставаться долѣе въ Новгородѣ, иду въ Черниговъ; отпущайте ко мнѣ вашихъ гостей, и я на вашу землю буду смотрѣть какъ на свою, а вы на мою землю смотрите какъ на свою.» [10] Жалко было Новгородцамъ разстаться съ такимъ добрымъ и радушнымъ княземъ, который напоминалъ имъ двухъ знаменитыхъ Мстиславовъ, любимцевъ и благодѣтелей народа; долго они упрашивали и умоляли Михаила не оставлять Новагорода; но настоятельная нужда ѣхать въ Черниговъ такъ была сильна, что Михаилъ не могъ согласиться на ихъ просьбы, и распрощавшись съ гражданами, отправился въ далекій путь, сопровождаемый любовію и благословеніями всего народа, — лучшею наградою душъ благородныхъ. Многіе изъ Новгородцевъ никакъ не хотѣли разстаться съ Михаиломъ и пошли за нимъ въ Черниговъ.

Пришедши въ Черниговскую сторону, Михаилъ Всеволодовичъ скоро увидѣлъ, что мирнымъ путемъ нельзя получить должнаго отъ Олега Игоревича, который завладѣвъ Черниговомъ, не думалъ уступать его Михаилу добровольно, потому только, что Михаилъ, какъ старшій въ родѣ, имѣлъ на это законное право. Средства же Михаила были слишкомъ слабы для того, чтобы силою принудить Олега къ повиновенію; а по сему онъ обратился съ просьбою къ зятю своему Юрію Всеволодовичу великому князю Владимирскому; и тотъ, желая помочь любимому шурину, немед-

10—Новг. I. стр. 41.

лепію съ своими племянниками и съ полками Суздальцевъ отправился къ Михаилу. Олегъ, кажется, хотѣлъ защищаться, и все предвѣщало сильное кровопролитіе; ибо и Юрій съ Михаиломъ не за тѣмъ пришли, чтобъ уступать; но вдругъ вовсе неожиданно въ станѣ Юрія и Михаила явился миротворецъ, всѣми уважаемый митрополитъ Кіевскій Кириллъ, присланный тамошнимъ княземъ Владиміромъ Рюриковичемъ. Онъ своими убѣжденіями такъ умѣлъ подѣйствовать, особенно на Юрія, что враждующіе вступили въ переговоры и заключили миръ, по которому Михаилъ получилъ Черниговъ, а Олегъ принялъ прежній удѣлъ своего отца Игоря. [11]

Помирившись съ Олегомъ, Михаилъ Всеволодовичъ около трехъ лѣтъ прожилъ въ Черниговскомъ краю, преимущественно заботясь объ устройствѣ своихъ владѣній, и для сего, кажется, самъ ѣздилъ изъ области въ область, лично наблюдая за порядкомъ и правдою, и короче знакомясь съ своими подданными. [12] Впрочемъ въ это время, исполненное смутъ и усобицъ, миръ продолжительный былъ невозможенъ ни для одного князя Приднѣпровской Руси; а посему и Михаилъ волей неволей долженъ былъ принять участіе въ сосѣднихъ междоусобіяхъ: его вызвалъ на это великій князь Кіевскій Владиміръ Рюриковичь, который, по просьбамъ Ростислава Пинскаго, готовился въ походъ на Даніила Романовича Галицкаго и всюду искалъ себѣ союзниковъ. Михаилъ, можетъ быть, желая удалить войну отъ предѣловъ своихъ владѣній, принялъ вызовъ и присоединилъ свою дружину и дружины другихъ князей Ольгова племени къ полкамъ Кіевскимъ; къ нимъ также пристали ханъ Котянъ съ толпами Половцевъ, и Ростиславъ Пинскій съ своею дру-

11.—Лавр. стр. 190. и Татищ. III. стр. 444—445.

12.—Я осмѣливаюсь такъ думать потому, что въ 1228 году Михаилъ съ своимъ сыномъ посѣщалъ Брынскую область; впрочемъ подробностей Михаилова пребыванія въ Черниговѣ мы не знаемъ, ибо у насъ нѣтъ ни Кіевскихъ ни Черниговскихъ лѣтописей этаго времени.

жиною. Вся эта многочисленная рать вступила въ предѣлы Даніиловыхъ владѣній и осадила Каменецъ; сюдаже спѣшилъ и королевичь Венгерскій, союзникъ Владиміровъ. Но умный Даніилъ нашелся какъ отклонить грозившую бѣду: онъ привлекши на свою сторону Котяна и пригласивши къ себѣ на помощь Поляковъ, не только принудилъ противниковъ безъ успѣха удалиться изъ его владѣній, но и самъ съ своимъ братомъ Василькомъ и полками Поляковъ устремился къ Кіеву, и такимъ образомъ заставилъ противниковъ просить мира, который и былъ заключенъ, но на какихъ условіяхъ, неизвѣстно. [18]

Между тѣмъ облагодѣтельствованные Михаиломъ Новгородцы, въ его отсутствіе, съ одной стороны раздираемые партіями, а съ другой тѣснимые Переяславскимъ княземъ Ярославомъ, были доведены до крайности; и въ концѣ 1228 года нашлись вынужденными отправить посольство въ Черниговъ съ просьбою, чтобы Михаилъ поспѣшилъ выручить несчастныхъ. Но послы Новгородскіе Хотъ Станимировичь и Гаврилю съ Лубяницы, по проискамъ Ярослава были остановлены Смоленскимъ княземъ, который даже велѣлъ занять всѣ пути, чтобы вѣсть о дѣлахъ Новгородскихъ не могла проникнуть до Чернигова. Но къ счастію, Михаилъ въ это время вмѣстѣ съ сыномъ своимъ осматривалъ Брынскую область, пограничную съ Смоленскими владѣніями; и по сему слухъ о задержаніи Новгородскихъ пословъ достигъ до него, не смотря ни на какія предосторожности. Узнавши о стѣсненномъ положеніи Новгородцевъ, Михаилъ пошелъ къ нимъ на выручку, и къ началу слѣдующаго года, именно около 1-го числа Апрѣля, явился съ Черниговскою дружиною въ Торжкѣ, а 21-го числа того же Апрѣля уже прибылъ въ Новгородъ. Прибытіе Михаила произвело въ Новгородцахъ всеобщую радость; лѣтописецъ говоритъ: «и ради быша Новгородцы своему хотѣнію.» Михаилъ принесъ съ собою миръ и тишину; партіи должны

18—Ипат. стр. 167

были смолкнуть и подчиниться силѣ закона и правды, о которыхъ всего болѣе заботился князь, любимецъ народа; еще при одной мысли о приглашеніи Михаила, Новгородцы цѣловали святую Богородицу, чтобы быть всѣмъ одинакимъ.[14]

Михаилъ, при самомъ вступленіи въ Новгородъ, далъ торжественно клятву не нарушать правъ народа, утвержденныхъ за нимъ древними грамотами Ярослава великаго; по выраженію лѣтописи: «и цѣлова крестъ на всей воли Новгородстѣй и на всѣхъ грамотахъ Ярославскихъ.«[15] Потомъ, какъ истый князь Новгородскій, блюститель правды на судѣ и оберегатель внутренняго мира и порядка, Михаилъ сдѣлалъ распоряженіе о прекращеніи всѣхъ ссоръ и тяжебъ по поземельнымъ владѣніямъ и по взысканію землевладѣльцами даней и оброковъ съ крестьянъ, переведенныхъ или перешедшихъ отъ одного владѣльца къ другому: по выраженію лѣтописи: «вда свободу смердамъ на 5 лѣтъ даніи не платити, кто сбѣжалъ на чюжу землю, а симъ повелѣ, кто здѣ живетъ, како уставили переднія Князи, тако платити дань.«[16] Это важное государственное дѣло, первое условіе внутренней тишины и спокойствія, передъ пріѣздомъ Михаиловымъ было въ самомъ запутанномъ положеніи; въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ, начиная съ 1223 года, Новгородцы, раздираемые партіями, смѣнявшими одна другую, до того перемѣшались въ своихъ частныхъ владѣніяхъ, что тяжбамъ и судбищамъ не было никакого исхода, и особенно въ отношеніи къ крестьянамъ, которыхъ, основываясь на правѣ перехода отъ однихъ владѣльцевъ съ другимъ, перезывали, а можетъ быть, и силою переводили богатые представители то той, то другой торжествующей партіи; а между тѣмъ прежніе землевладѣльцы, смотря по тому чья партія усиливалась, требовали съ нихъ даней или оброковъ по условіямъ и за тѣ годы, которые они жили уже у новыхъ господъ, и за которыя послѣднимъ заплатили условленныя дани

14.—Новг. I, стр. 44.
15.—Тамъ же.
16.—Тамъ же.

По законамъ древнихъ Новгородскихъ князей, взысканіе дальней землевладѣльцами, для прекращенія разорительныхъ тяжебъ, ограничивалось только наличными крестьянами или смердами, которые въ данное время жили на землѣ того или другаго владѣльца, и не простиралось на тѣхъ крестьянъ, которые уже жили на землѣ другаго хозяина. Но этотъ законъ миролюбія и порядка не имѣлъ силы во время раздоровъ; князья Суздальскіе, временно княжившіе въ Новгородѣ, также не заботились о возстановленіи сего закона, имѣя въ виду другія цѣли; имъ безпорядки Новгородскіе были благопріятны для ослабленія Новгорода. А посему Михаилъ Всеволодовичь, какъ водворитель мира, какъ судія праведный и безпристрастный, и по обстоятельствамъ долженствовавшій свои распоряженія и цѣли противопоставить распоряженіямъ и цѣлямъ Суздальскихъ князей, сосѣдей Новгорода, прежде всего заботился возвратить благодѣтельному закону, необходимому въ Новгородскомъ быту, надлежащую силу, и особенно примѣнилъ его къ послѣднимъ пяти годамъ, въ которые разорительныя тяжбы и судбища размножались до безконечности. —

Разрѣшивши такимъ образомъ на основаніи древнихъ Новгородскихъ правъ, важнѣйшій юридическій вопросъ тамошней общественной жизни о границахъ правъ на доходы съ поземельной собственности, Михаилъ немедленно приступилъ къ другому, не менѣе важному дѣлу по тогдашнимъ обстоятельствомъ Новгородскаго общества: къ расчету съ Ярославовою партіею, которая до сего времени смущала Новгородъ, и пользуясь покровительствомъ Суздальцевъ, причиняла большія притѣсненія народу, а теперь какъ пораженная должна была расплатиться за всѣ свои злоупотребленія властй и силы. Здѣсь Михаилу предстоялъ подвигъ едва ли не самый трудный для князя Новгородскаго, и онъ совершилъ этотъ подвигъ. По обычаю народному, обратившемуся у Новгородцевъ въ законъ, и даже въ нѣкоторой

степени допущенному Ярославовою Правдою, [17] Ярославовы сторонники, какъ пораженные, должны были подвергнуться неминуемому разграбленію, заточенію, и даже убійству; но Михаилъ, пользуясь тою любовію, которую питалъ къ нему народъ, успѣлъ отвратить этотъ обычный разгаръ злобы и буйства, и убѣдилъ гражданъ: не грабя домовъ и не нарушая мира и тишины, наказать противниковъ безшумнымъ взносомъ тяжкой пени. Эта пеня доставила Новгородской казнѣ большія богатства, которыя, по прежнему обычаю Новгородцевъ, въ подобныхъ случаяхъ, должны были поступить въ дѣлежъ между торжествующею партіею, по тамошнему выраженію: *по зубу или на концы*; [18] но Михаилъ умѣлъ отклонить и этотъ вредный обычай, располагавшій бѣдняковъ къ мятежамъ; онъ уговорилъ народъ употребить собранныя богатства на общественную пользу, именно на построеніе большаго моста черезъ Волховъ, ибо старый былъ разрушенъ въ прошедшую осень наводненіемъ Волхова. Новгородскій лѣтописецъ, пораженный такимъ неожиданнымъ исходомъ торжества надъ пораженными сторонниками Ярослава, съ удивленіемъ говоритъ; »А на Ярославлихъ любъвницѣхъ поимаша кунъ много и на Городищанѣхъ, а дворовъ ихъ неграбяче, и даша на великій мостъ; и въ то же лѣто заложиша великій мостъ выше стараго моста« [19] И точно было чему дивиться лѣтописцу современнику; такой мирный и тихій конецъ шумнаго дѣла народной вражды партій былъ не въ обычаѣ у Новгородцовъ, и представляетъ едвали не единственный примѣръ въ цѣлой исторіи Новгорода; тамъ обыкновенно торжествующая партія разсчитывалась съ пораженными противниками сожженіемъ и разрушеніемъ цѣлыхъ концовъ и улицъ, гдѣ жили побѣжденные, разграбленіемъ и опу-

17.—Руск. Прав. XIII стол. статья 2. у Еверса древнѣйшее Русское право стр. 372.

18.—Новгр. I. стр. 30.

19.—Новг. I. стр. 45.

стошеніемъ ихъ селъ и деревень; Волховъ въ таковыхъ случаяхъ, по большой части, становился кровавымъ и покрывался искаженными трупами несчастныхъ жертвъ народной мести. По всему вѣроятію, это буйство должно бы было повториться и въ настоящемъ случаѣ, и ежели не повторилось, то этому была единственною причиною твердая воля Михаила и его безпримѣрное, по тогдашнему времени, умѣнье дѣйствовать на буйный народъ.

Послѣ необычнаго разсчета съ Ярославовою партіею, народъ смѣнилъ посадника Иванка Дмитровича, едвали не сына Дмитра Мирошкинича изстариннаго сторонника Суздальскаго; въ этой, смѣнѣ, кажется также необошлось безъ вліянія Михаилова, ибо она была сдѣлана мирно и безъ шума, и даже смѣненному посаднику отдали Торжокъ, [80] что также было вовсе не въ обычаѣ Новгородцевъ, которые обыкновенно въ такихъ случаяхъ смѣненныхъ посадниковъ или топили въ Волховѣ, или изгоняли съ безчестіемъ. Разсчитавшись совершенно съ Ярославовою партіею, Михаилъ приступилъ къ одному изъ важнѣйшихъ дѣлъ внутренней жизни Новгорода — къ избранію архіепископа, ибо тогдашній архіепископъ Новгородскій, престарѣлый Антоній, былъ уже очень боленъ и лежалъ безъ языка. Михаилъ объявилъ народу: »се у васъ нѣту владыки, а нелѣпо быти граду сему безъ владыцѣ; оже Богъ казнь свою вложилъ на Онтонія, а вы сочтите таковаго мужа, въ попѣхъ ли, въ игуменѣхъ ли, въ черньцихъ ли.« [81] Народъ принялъ предложенія князя, и разныя партіи представили Михаилу трехъ кандидатовъ: Спиридона, Іоасафа, или Грека, котораго пришлетъ митрополитъ. Михаилъ, видя несогласія, и здѣсь прибѣгъ къ старинному обыкновенію Новгорода: избрать изъ троихъ представленныхъ по жребію; онъ сказалъ народу: »да положимъ три жеребья,

80.—Тамъ же.
81.—Тамъ же.

да который Богъ дастъ намъ» и такимъ образомъ поводъ къ несогласію былъ отклоненъ; написавши имена трехъ предложенныхъ лицъ, положили на святой трапезѣ въ Софійской соборной церкви, и по старому обычаю, изъ владычней гридницы послали малолѣтнаго княжича Ростислава вынуть одинъ изъ положенныхъ жеребьевъ; и вынулся жребій Спиридона, за которымъ тотчасъ послали въ монастырь, и приведши по обыкновенію посадили па дворѣ владычнемъ, до времени пока пойдетъ въ Кіевъ на поставленіе.

Всѣ сіи распоряженія, болѣе или менѣе согласныя съ древними уставами Новгорода, и въ особенности важныя и благотворительныя, потому что ими отклонялись поводы къ раздорамъ и упрочивался внутренній миръ и тишина, поставляли Михаила въ самое благопріятное положеніе къ Новгороду. Народъ конечно благословлялъ судьбу свою, пославшую ему такого добраго и мудраго князя. Но внѣшнія дѣла Новгородскія еще далеко не были приведены къ окончанію, сильный князь Переяславскій Ярославъ, человѣкъ вообще неподатливый на уступки, еще не заключалъ мира съ Новгородцами, владѣлъ Волокомъ, захваченнымъ въ недавнее время, и принималъ съ охотою бѣглецовъ тамошнихъ, недовольныхъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ. Для обезпеченія безопасности и правъ Новогорода Михаилу предлежала необходимость вступить въ сношенія съ Ярославомъ и порѣшить неконченныя дѣла или миромъ, или новою войною. Между тѣмъ междоусобія и ссоры волновали Приднѣпровье и вызывали Михаила въ Черниговъ для защиты интересовъ, для него болѣе близкихъ, нежели Новгородскія. А посему онъ въ отношеніи къ Ярославу ограничился посылкою двухъ довѣренныхъ лицъ Нездилы Прошкинича и Иванка Тудорковича, съ требованіемъ, чтобы Ярославъ отступился Волока, и всего отнятаго у Новгородцевъ силою, и цѣловалъ крестъ Новугороду (т. е. заключилъ съ Новгородцами миръ); самъ же немедленно от-

правился въ Черниговъ, оставя въ Новгородѣ малолѣтнаго сына своего Ростислава, и на прощанье сказалъ народу: »а мнѣ дай Богъ исправити правда Новгородьская, то же отъ васъ поати сына своего.« [20] Эта прощальная рѣчь ясно говоритъ, что Михаилъ не отказывался отъ Новгорода и оставлялъ его только на время, для приведенія въ порядокъ дѣлъ своей родины Чернигова, и что онъ, какъ князь Новгородскій, не покидалъ мысли отстаивать права народа противъ всѣхъ притязаній противниковъ.

Зачѣмъ именно ѣздилъ и что дѣлалъ Михаилъ въ Черниговѣ, мы не знаемъ; ибо пока у насъ не отыскано ни Кіевской, ни Черниговской лѣтописи, въ другихъ же лѣтописахъ о Кіевскихъ и Черниговскихъ дѣлахъ этого времени вовсе не упоминается. Между тѣмъ Ярославъ, продержавъ пословъ Михаиловыхъ цѣлое лѣто, отпустилъ ихъ съ гордымъ отвѣтомъ: »неуступаю ни Волока, ни другихъ волостей, и креста не цѣлую; вы себѣ, а я себѣ.« [21] Послѣ таковаго отвѣта, оставалось одно, война съ Ярославомъ, который кажется уже и готовилъ полки на Михаила; но Михаилу было не до войны на сѣверѣ: его, какъ великаго князя Черниговскаго, сильно безпокоили дѣла Приднѣпровскихъ князей, отъ которыхъ зависѣла безопасность его отчинныхъ владѣній. А посему онъ въ слѣдующемъ году пріѣзжалъ въ Новгородъ только на короткое время, чтобы сколько нибудь успокоить Новгородцевъ, и сдѣлать постриги своему сыну, семилѣтнему Ростиславу; съ Ярославомъ же рѣшился вступить въ новые переговоры, и для сего снесся съ великимъ княземъ Кіевскимъ Владимиромъ Рюриковичемъ, и упросилъ его принять посредничество въ этомъ дѣлѣ. Владимиръ принялъ его предложеніе, и вмѣстѣ съ Михаиловымъ посломъ, Черниговскимъ епископомъ Порфиріемъ отправилъ и своего посла Кіев-

20—Новг. I. стр. 45.
21—Тамъ же.

скаго митрополита Кирилла во Владимиръ къ старшему изъ Суздальскихъ князей Юрію Всеволодовичу; куда также прибыли Ярославъ, братъ его Святославъ и князья Ростовскіе Василько, Всеволодъ и Владимиръ Константиновичи; и здѣсь, послѣ долгихъ переговоровъ, Ярославъ, уступая просьбамъ митрополита и епископа, и не желая также оскорбить старшаго своего брата Юрія, принявшаго сторону Михаила, согласился заключить съ Михаиломъ миръ;[86] но на какихъ условіяхъ, мы не знаемъ.

Въ Новгородѣ же, по полученіи вѣсти, о заключеніи мира между Михаиломъ и Ярославомъ, Ярославова партія, до сего времени молчавшая, подала свой голосъ и начала мятежъ. Поставленный при Михаилѣ посадникъ Водовикъ сначала дѣйствовалъ успѣшно и на нѣкоторое время утишилъ возстаніе; но случившійся въ то время страшный голодъ, (частію отъ хлѣбнаго неурожая, а еще болѣе отъ мѣръ, принятыхъ Ярославомъ, по которымъ не

86. — Лавр. лѣт. стр. 194. Здѣсь между прочимъ лѣтописецъ говоритъ: что »Михаилъ былъ неправъ въ крестномъ цѣлованіи къ Ярославу.« Но изъ лѣтописей нигдѣ невидно вины Михаила передъ княземъ Переяславскимъ, и даже, какъ мы видѣли, есть указаніе совершенно противное, что Ярославъ не цѣловалъ креста къ Новугороду, и не отдавалъ Новгородскихъ областей захваченныхъ во время войны, о чемъ ходатайствовалъ Михаилъ. А по соображенію обстоятельствъ можно допустить, что единственная вина Михаила состояла въ вмѣшательствѣ въ дѣла Новгородскія. Ярославъ сильно стѣснившій Новгородцевъ передъ прибытіемъ Михаила въ 1228 году, естественно оскорбился за это вмѣшательство, которое, такъ сказать, вырывало Новгородъ изъ его рукъ; онъ по свидѣтельству лѣтописей даже подозрѣвалъ въ этомъ дѣлѣ своего старшаго брата Юрія, и въ 1229 году успѣлъ было возбудить князей Ростовскихъ Василька и Всеволода Константиновичей; но умный и сильный Юрій умѣлъ уладить это дѣло безъ брани и шума. И Ярославъ, неуспѣвши здѣсь, обратился прямо на Михаила; но какъ видно по выше приведенному свидѣтельству лѣтописи, и тутъ, хотя на время, долженъ былъ уступить; ибо за князя Черниговскаго вступились и Юрій и Владимиръ Кіевскій. Это заступничество старшихъ князей ясно показываетъ, что Михаилъ не былъ виноватъ передъ Ярославомъ по тогдашнимъ правамъ между князьями; притомъ лѣтопись не говоритъ, что бы Михаилъ, въ слѣдствіе примиренія, сдѣлалъ какія либо уступки Ярославу какъ виновный.

пропускали въ Новгородъ хлѣба изъ сосѣднихъ областей), на зиму далъ новыя средства и предлоги ко вторичному возстанію, которое менѣе, нежели въ мѣсяцъ, ниспровергло все устроенное Михаиломъ. Водовикъ, не имѣя болѣе силъ къ усмиренію мятежа, 8 декабря удалился въ Торжокъ вмѣстѣ съ княжичемъ Ростиславомъ. Это удаленіе еще болѣе усилило Ярославовыхъ сторонниковъ; они на другой же день по Водовиковомъ отъѣздѣ произвели новый мятежъ, и какъ партія торжествующая, по старому обычаю, начали убійства, грабительства и опустошенія; разорили до основанія домы и села посадника Водовика, тысяцкаго Бориса и другихъ своихъ противниковъ; потомъ выбрали себѣ новаго посадника и новаго тысяцкаго, и раздѣлили по сотнямъ все разграбленное имѣніе пораженной партіи. Водовикъ, услыхавши объ успѣхѣ возстанія, бѣжалъ изъ Торжка къ Михаилу въ Черниговъ, вмѣстѣ съ другими своими сторонниками, успѣвшими спастись отъ избіенія; Ярославова же партія, поставляя Михаилу въ вину и то, что онъ заключилъ миръ съ Ярославомъ, сложила съ Новгорода крестное цѣлованіе къ Михаилу; приказала княжичу Ростиславу удалиться изъ Торжка, и послала за Ярославомъ, прося его о скорѣйшемъ прибытіи, что тотъ и поспѣшилъ исполнить, и 30 Декабря уже присутствовалъ на вѣчѣ и далъ клятву на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ (т. е. Ярослава Великаго); но просидѣвъ двѣ недѣли, удалился въ Переяславль, и увелъ съ собою нѣкоторыхъ изъ сторонниковъ Михаиловыхъ; въ Новгородѣ же оставилъ малолѣтныхъ своихъ сыновей Өеодора и Александра. [88]

Между тѣмъ Михаилу некогда было и подумать о своей партіи въ Новгородѣ; дѣла Приднѣпровскія были въ крайней запутанности, князья съѣзжались для переговоровъ и опять разъѣзжались, не оканчивая своихъ несогласій; все предвѣщало близкую войну Ольговичей съ Мо-

[88] —Новг. I. стр. 46—47.

помаховичами, и наконецъ послѣ большаго съѣзда князей въ Кіевѣ, бывшаго въ началѣ Апрѣля 1231 года, [86] Михаилъ уѣхалъ, совершенно разсорившись съ Владимиромъ Рюриковичемъ, и началъ войну, въ которую вмѣшался и Даніилъ Романовичь Галицкій, пришедшій помогать Владиміру противъ Михаила. Подробностей этой войны мы не знаемъ, ибо въ Волынской лѣтописи объ ней упомянуто очень коротко (»Володимеръ же посла Данилови река: идетъ на мя Михаилъ; а помози ми брате! Даниловi же пришедшу створити миръ межи има, Даниъ же изъ Руской земля взя собѣ часть Торцскiй« [87]); въ другихъ же лѣтописяхъ даже вовсе не упоминается. Но какъ бы то ни было, война эта кончилась должно быть при самомъ началѣ, и ничего не рѣшила окончательно; обѣ стороны поспѣшили заключить миръ или перемиріе на какихъ ни есть условіяхъ, только чтобы скорѣе отвязаться отъ войны, для другихъ дѣлъ болѣе необходимыхъ; ибо съ одной стороны Даніила и Владимира безпокоилъ походъ Венгровъ въ Галицкія владѣнія, а съ другой Михаилъ отъ своихъ сторонниковъ вѣроятно получилъ вѣсть изъ Новгорода о враждебныхъ замыслахъ Ярослава, который не смотря на миръ заключенный во Владимирѣ, собиралъ войска изъ своихъ и Новгородскихъ владѣній, и готовился къ походу на области, принадлежавшія Михаилу.

Съ началомъ осени Ярославъ точно началъ войну съ Михаиломъ, и самъ съ своими племянниками [88] и съ полками Новгородскими, Переяславскими и Ростовскими, явился въ предѣлахъ владѣній Черниговскихъ, сжегъ Шеренскъ и осадилъ Мосальскъ; но не взявъ города, воротился домой, не заключивъ мира и истребляя и опустошая все встрѣчавшееся на пути по Михаиловымъ владѣніямъ. [89] Это скло-

86 — Лавр. 194.
87 — Ипат. 171.
88 — Лавр. стр. 196.
89 — Новг. I. стр. 48.

рое отступленіе *Ярослава* ясно показываетъ, что онъ хотѣлъ напасть на Михаила въ расплохъ, слышавши о его войнѣ съ Кіевскимъ княземъ, и не знавши еще о заключеніи мира. Когда же узналъ, что Михаилъ уже помирился съ Владиміромъ, и готовъ встрѣтить новаго врага и помѣриться съ нимъ силами; то поспѣшилъ уклониться отъ этой встрѣчи, отъ которой должно быть не ждалъ себѣ выгодъ; слѣдовательно Михаилъ былъ не подъ силу для *Ярослава*. О мирѣ же естественно еще не могло быть и помину; ибо Ярославу выгоднѣе было оставить свои отношенія неопредѣленными, нежели искать мира, не бывши ни побѣжденнымъ ни побѣдителемъ; Михаилу также, какъ оскорбленному враждебнымъ набѣгомъ противника, не было причинъ думать о предложеніи мира, и тѣмъ болѣе, что бѣжавшіе изъ Новгорода представители его партіи еще жили въ Черниговѣ, и сносясь съ своими сторонниками, остававшимися въ Новгородѣ, всѣми силами старались поддержать вражду и увѣряли Михаила, что его партія довольно сильна въ Новгородѣ и особенно во Псковѣ, и что *Ярославъ* тамъ непроченъ; и эти увѣренія въ большей или меньшей мѣрѣ были справедливыми, какъ это могъ видѣть самъ Михаилъ по доходившимъ до него слухамъ о мятежахъ, волновавшихъ Новгородскій край. Но ему въ это время рѣшительно некогда было заняться Новгородскими дѣлами какъ слѣдуетъ; ибо тогдашнее состояніе Приднѣпровья представляло интересы болѣе для него близкіе и важные. Онъ тогда стоялъ въ такомъ положеніи, что, принимая личное и дѣятельное участіе въ дѣлахъ Приднѣпровскихъ, не далекъ былъ отъ того, чтобы получить здѣсь болѣе или менѣе рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми Южными князьями, и потомъ съ полною увѣренностію въ успѣхѣ обратиться къ Новгороду; и наоборотъ оставляя югъ для сѣвера, онъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ легко могъ безъ надежды на возвращеніе лишиться того вліянія, которымъ уже пользовался въ Приднѣпровьѣ. А по-

сему, какъ можно заключить изъ молчанія лѣтописей, Михаилъ даже не преслѣдовалъ Ярослава во время его отступленія отъ Мосальска; и въ отношеніи къ Новгороду ограничился пока тѣмъ, что на слѣдующій годъ послалъ въ ту сторону сподручнаго себѣ князя Святослава Трубчевскаго, въ сопровожденіи только Новгородцовъ, проживавшихъ въ Черниговѣ; но Святославъ, не дошедши до Новгорода воротился, увидавъ что Ярославова партія еще сильна. [30] Послѣ чего Михаилъ, занятый ближайшими для себя Приднѣпровскими дѣлами, болѣе уже не дѣлалъ попытокъ на Новгородъ, хотя его партія еще дѣйствовала тамъ противъ Ярослава.

Миръ, или скорѣе перемиріе, заключенное Михаиломъ съ Владиміромъ Кіевскимъ, только по случаю нападенія съ одной стороны Венгровъ, а съ другой Ярослава, какъ мы уже сказали, не рѣшало ссоры, возникшей на послѣднемъ Кіевскомъ съѣздѣ, бывшемъ въ началѣ 1231 года, и слѣдовательно въ сущности не было обязательнымъ ни для той ни для другой стороны. По свидѣтельству Волынской лѣтописи, Михаилъ заключивъ союзъ съ храбрѣйшимъ изъ Игоревичей Изяславомъ Владиміровичемъ, не переставалъ враждовать противъ князя Кіевскаго Владиміра Рюриковича. [31] Вражда сія, кажется, была чисто родовая и особенно поддерживалась крѣпкимъ союзомъ Кіевскаго князя съ Даніиломъ Галицкимъ. Михаилъ очень хорошо понималъ, что ему и соплеменнымъ съ нимъ князьямъ Ольговичамъ не сдобровать въ Приднѣпровьѣ, и особенно въ Волынской землѣ, ежели Владиміръ и Даніилъ побѣдятъ своихъ ближайшихъ враговъ и сдѣлаются сильнѣйшими князьями въ Приднѣпровскомъ краю. А посему, пользуясь смутами въ Галицкой сторонѣ и сильнымъ вмѣшательствомъ въ сіи смуты Венгровъ, онъ крѣпко заботился о томъ,

30.—Тамъ же.
31.—Ипат. стр. 173.

чтобы скорѣе получить рѣшительный перевѣсъ надъ Приднѣпровскими князьями; у него не выходилъ изъ головы урокъ, полученный при заключеніи послѣдняго мира или перемирія (1231 г.), по которому Даніилъ, какъ союзникъ Владимировъ, получилъ Торческъ, который тутъ же и отдалъ дѣтямъ своего покойнаго тестя Мстислава Мстиславича Храбраго, [88] сродичамъ Владиміру Кіевскому. Здѣсь Михаилъ ясно видѣлъ, какая грозитъ опасность Ольговичамъ; ибо ежели Кіевскій и Галицкій князья начинали по своему усмотрѣнію надѣлять Приднѣпровскими городами своихъ сродичей, еще неокончивши счетовъ съ Ольговичами, и не получивши рѣшительнаго перевѣса; то конечно нельзя уже было ждать отъ нихъ пощады, когда они смирятъ Галицкія смуты и побѣдятъ Венгровъ, вязавшихъ имъ руки. Все это вызывало Михаила на упорную борьбу, и онъ избралъ для себя за лучшее завладѣть Кіевомъ, или по крайней мѣрѣ, стѣснить Кіевскаго князя, и не дать ему усилиться. Съ этою цѣлію въ концѣ 1233 года онъ, кажется вмѣстѣ съ Изяславомъ, двинулся къ Кіеву; но на его бѣду Даніилъ успѣлъ нѣсколько устроить свои дѣла въ Галицкой сторонѣ, и съ большими силами явился на выручку къ Владиміру Рюриковичу, такъ что Михаилъ долженъ былъ отступить отъ Кіева. Но противники его, не довольствуясь отраженіемъ, сами пустились къ Чернигову, и соединившись съ Мстиславомъ Глѣбовичемъ, начали опустошать Михаиловы владѣнія и забирать города, лежащіе по Деснѣ; имъ уже покорились Хоробөрь, Сосница, Сновскъ и многіе другіе города, а наконецъ дошло дѣло и до Чернигова. Здѣсь Михаилъ показалъ все свое мужество и умѣнье воевать: противники уже заняли Черниговскіе посады и опустошили всѣ окрестности, Черниговцы были въ крайности, страшныя стѣнобитныя орудія осаждающихъ уничтожали въ осажденныхъ всякую надежду

[88] — Тамъ же, стр. 171.

на спасеніе; [33] по всѣмъ разсчетамъ уже близка была сдача города; но Михаилъ одною хорошо разсчитанною вылазкою уничтожилъ всѣ успѣхи противниковъ; по свидѣтельству Новгородской лѣтописи, онъ выступилъ изъ Чернигова, показывая видъ, что уже отчаялся въ возможности продолжать оборону города, [34] граждане же, какъ можно заключать изъ разсказа Волынской лѣтописи, вступили въ переговоры съ осаждающими; [35] а Михаилъ, пользуясь этимъ временемъ, поворотилъ назадъ къ Чернигову, ударилъ на полки Даніиловы, и такое произвелъ въ нихъ опустошеніе, что Даніилъ едва успѣлъ уйти, а въ слѣдъ за нимъ удалился и князь Кіевскій. [36]

Только что Михаилъ успѣлъ отразить враговъ отъ Чернигова, какъ вѣрный союзникъ его Изяславъ пришелъ къ нему съ полками Половцевъ, за которыми нарочно ходилъ въ ближайшія степи. Получивши такимъ образомъ значительное пособіе, Михаилъ не задумался долго, и немедленно пошелъ съ Изяславомъ и Половцами къ Кіеву. Это неожиданное движеніе Михаила смутило Владиміра и Даніила, и особенно послѣдній, утомленный Черниговскимъ походомъ, продолжавшимся отъ Крещенья до Вознесенья, хотѣлъ уже оставить своего союзника и лѣсами пробраться въ Галицкую сторону; но остановленный усильными просьбами князя Кіевскаго и своего воеводы Мирослава, рѣшился еще попробовать счастія въ битвѣ, и вмѣстѣ съ Кіевскими полками и Владиміромъ выступилъ къ Торческу, гдѣ Михаилъ съ своими союзниками уже поджидалъ противниковъ, и немедленно вступилъ въ бой, который, не смотря на отчаянную храбрость Даніила, кончился въ пользу Черниговскаго князя. Полки Кіевскіе и Галицкіе были разбиты на голову; Владиміръ съ Миросла-

33.—Ипат. стр. 173.
34.—Новг. I. стр. 50.
35.—Ипат. стр. 173.
36.—Ипат. стр. 337.

вомъ попались въ плѣнъ, Даніилъ же едва убѣжалъ въ Галичъ, гдѣ Торческое пораженіе такой навело страхъ, что народъ и бояре заговорили: «Михаилъ и Половцы уже идутъ къ Владиміру Волынскому.» Озабоченный сими ложными слухами, Даніилъ немедленно отправилъ туда съ остальными полками своего брата Василька, а самъ остался почти безъ войска, чѣмъ воспользовались шаткіе Галичане, и произвели мятежъ, который заставилъ Даніила удалиться въ Венгрію. Между тѣмъ Торческіе побѣдители вошли въ Кіевъ, отдали плѣннаго Владиміра, его жену и дѣтей Половцамъ; Кіевъ же Михаилъ уступилъ своему союзнику Изяславу, а самъ, пользуясь страхомъ наведеннымъ на Галичанъ и удаленіемъ Даніила, пошелъ на Галичъ и безъ сопротивленія занялъ его, кажется, по согласію съ тамошними боярами. [87]

Но занятіе Галича еще далеко не оканчивало спора. Даніилъ былъ не изъ такихъ людей, которые упадаютъ духомъ послѣ первой неудачи; притомъ же у него были союзники Венгры и Ляхи, да и полки, посланные съ Василькомъ къ Владиміру, не были еще разбиты; а посему Михаилу предстояло еще много хлопотъ и опасностей. При началѣ зимы того же года Василько, а за нимъ и Даніилъ съ полками Ляховъ, двинулись къ Галичу и начали опустошенія; но Михаилъ, какъ воинъ опытный и храбрый, не думалъ ждать непріятеля за стѣнами, и еще далеко отъ Галича встрѣтилъ полки противниковъ и принудилъ удалиться. Это искусное и мужественное отраженіе непріятеля, и вообще благородный и открытый характеръ Михаила, такъ привязали къ нему Галичанъ, что они на другой годъ сами открыли походъ къ Каменцу, непризнававшему Михаиловой власти и защищавшему права Даніила; впрочемъ этотъ походъ не удался; ибо, между тѣмъ выкупившійся отъ Половцовъ Владиміръ Рюри-

[87].—Ипат. стр. 174. и Новг. I. стр. 50.

ковичъ привелъ полки Торковъ и соединясь съ Каменецкими боярами, разбилъ Галичанъ и многихъ взявши въ плѣнъ, отослалъ къ Даніилу, укрѣпившемуся во Владимирѣ Волынскомъ. Этотъ неудачный походъ, кажется, былъ въ самомъ началѣ 1235 года. Съ началомъ же лѣта Михаилъ и Изяславъ, пригласивши Половцовъ и привлекши на свою сторону Ляховъ, прежнихъ союзниковъ Даніиловыхъ, начали новую войну съ Даніиломъ, требуя выдачи Болховскихъ князей, захваченныхъ подъ Каменцомъ. Даніилъ былъ въ затруднительномъ положеніи; онъ уже вышелъ изъ Владимира въ Городокъ; но неудачное нападеніе Ляховъ на Червенъ и измѣнническое отступленіе Половцовъ принудили Михаила отступить отъ Подгорья и возвратиться въ Галичъ, куда немедленно устремился и Даніилъ съ Василькомъ; но Михаилъ, затворившійся тамъ съ своимъ сыномъ Ростиславомъ, такъ хорошо успѣлъ укрѣпиться, что Романовичи не осмѣлились подступить къ Галичу, и воротились назадъ; на дорогѣ осадили было Звенигородъ, впрочемъ и здѣсь не имѣли успѣха, и къ осени заключили миръ съ Михаиломъ, и такимъ образомъ признали его власть надъ Галицкими владѣніями. [38] Впрочемъ этотъ миръ не помѣшалъ Даніилу въ томъ же году снова начать войну. Но Михаилу было не до войны съ Романовичами; онъ провѣдалъ о большей опасности съ другой стороны. Его давнишній врагъ Ярославъ князь Переяславскій, успѣвшій уже утвердить за собою Новгородъ, вдругъ вовсе неожиданно явился въ Приднѣпровьѣ, и однимъ смѣлымъ набѣгомъ занялъ Кіевъ, и самъ утвердился въ этомъ городѣ. Такимъ образомъ, сосѣдомъ Михаила сдѣлался заклятой его врагъ. [39] Посему Михаилъ, чувствуя всю важность этой перемѣны на Кіевскомъ престолѣ, поспѣшилъ помириться съ Романовичами, и уступилъ имъ Перемышль; потомъ

38.—Ипат. 174.

39.—Густин. 338. и Новг. I. стр. 50.

обратился на врага соседа, чтобы разсчитаться съ нимъ, пока онъ не успѣлъ утвердиться въ новомъ владѣніи и пока не соединились съ нимъ Романовичи, ушедшіе въ Германію помогать герцогу Австрійскому противъ императора Фридриха. Разсчетъ Михаиловъ оказался самымъ вѣрнымъ; ибо при первомъ его движеніи къ Кіеву, Ярославъ поспѣшилъ удалиться въ Суздальскую землю, и Михаилъ немедленно занялъ Кіевъ; а въ слѣдъ за тѣмъ оставленный имъ въ Галичѣ сынъ его Ростиславъ отнялъ у Даніила и Перемышль. — [40]

Такимъ образомъ Михаилъ, однимъ вѣрнымъ разсчетомъ и уступкою во время, успѣлъ достигнуть важныхъ послѣдствій и сдѣлался первенствующимъ государемъ въ Приднѣпровской сторонѣ, владѣя въ одно и тоже время Кіевомъ и Галичемъ; впрочемъ власть его еще не имѣла надлежащей твердости: Мономаховичи всѣхъ поколѣній злобствовали на него; имъ никакъ не хотѣлось видѣть Ольговича на Кіевскомъ престолѣ, и особенно были опасны Романовичи, князья дѣятельные и мужественные, для которыхъ потеря Галича была утратою ни чемъ невознаградимою, и которые никакъ не хотѣли отказаться отъ своихъ притязаній. Прошло около четырехъ лѣтъ, въ которые Михаилъ владѣлъ и Кіевомъ и Галичемъ, и во все это время Романовичи не переставали воевать съ нимъ, хотя и мирились, когда бывали стѣснены, но при первомъ удобномъ случаѣ опять поднимали оружіе; Михаилу, вѣроятно, по разнымъ отношеніямъ къ другимъ князьямъ, еще не льзя было дѣйствовать рѣшительно, а потому это дѣло тянулось ни то ни сё. Наконецъ, должно быть около 1240 года, [41] Даніилъ Романовичъ, пользуясь походомъ Ростислава на Литовцевъ, за-

40.—Ипат. 178.

41.—Въ Волынской лѣтописи занятіе Галича Даніиломъ отнесено къ 1235 году; но здѣсь очевидно событія за нѣсколько лѣтъ совмѣщены въ одномъ годѣ; въ противномъ случаѣ непонятно, почему же Михаилъ не вступился за своего сына, и почему Ростиславъ ушелъ не къ отцу, а къ Венграмъ.

владѣлъ въ его отсутствіе Галичемъ, и Ростиславъ, не имѣя силъ возвратить потеряннаго, удалился въ Венгрію. Между тѣмъ на Сѣверовостокѣ Россіи произошли страшныя перемѣны: Татары, предводительствуемые Батыемъ, завладѣли землями Рязанскою, Муромскою, Суздальскою, Ростовскою и всѣмъ тамошнимъ краемъ, что скоро отозвалось и въ Приднѣпровьѣ; многочисленные полки Татарскіе въ 1239 году заняли Переяславъ и Черниговъ; [4a] а посему Михаилу нѣкогда было и подумать о возвращеніи Галича: самому Кіеву грозила одна участь съ Переяславомъ и Черниговомъ.

Наконецъ въ 1240 году передовые полки Татаръ явились передъ Кіевомъ, и предводитель ихъ Чингисъ-Хановъ внукъ Мункэ потребовалъ отъ Михаила покорности Татарамъ и сдачи города, обѣщая за это покровительство Батыя и безопасность владѣній. Силы Татарскія были уже хорошо извѣстны Михаилу: завоеваніе Сѣверовосточной Руси, взятіе Переяслава и Чернигова ясно говорили, что сопротивленіе напору Татаръ безполезно и невозможно; но Михаилъ былъ слишкомъ благороденъ, для того чтобы добровольно признать себя покорнымъ данникомъ хана, и даже считалъ грѣхомъ христіанину вступать въ подданство и союзъ съ погаными; а посему мужественно отвѣчалъ посламъ Мункэ: «скажите своему начальнику, что Батый язычникъ, а я христіанинъ, его вѣра враждебна моей вѣрѣ; а посему я не хочу покоряться и вступать въ союзъ съ врагомъ моей вѣры, и даже не могу быть въ дружбѣ съ тобою.» Послѣ таковаго отвѣта Мункэ вторично отправилъ пословъ къ Михаилу, требуя съ нимъ свиданія въ Татарскомъ станѣ; на что Михаилъ, желая прекратить безполезныя сношенія, отвѣчалъ избіеніемъ пословъ. Этотъ поступокъ, сдѣланный, быть можетъ, въ пылу гнѣва, влекъ за собою непремѣнную и скорую месть Татаръ; а посему Михаилъ, зная слабость своихъ силъ и невозможность

[4a]—Ипат. III. стр. 8.

сопротивленія, и не желая за себя подвергать Кіевъ мести Татарскаго предводителя, немедленно удалился въ Венгрію, и такимъ образомъ на время отстранилъ разореніе Кіева; Татары долго гнались за нимъ, но не нагнавши, воротились назадъ, и не тревожа Кіева, пошли на соединеніе съ главными полками Батыевыми. [48]

Удаленіе Михаила какъ бы развязало руки Мономаховичамъ; они немедленно бросились къ Кіеву, и первый завладѣлъ имъ Ростиславъ Мстиславичь, сынъ Смоленскаго князя; потомъ тудаже прибылъ Даніилъ Романовичь Галицкій, и выгнавъ Ростислава, также занялъ Кіевъ, впрочемъ, боясь Татаръ, не смѣлъ тамъ остаться и поручилъ защиту города своему храброму воеводѣ Димитрію. Но скоро явились у стѣнъ Кіева, настоящіе хозяева того времени, Татары, и послѣ упорнаго, но безполезнаго боя граждань, завладѣли городомъ; потомъ отъ Кіева пустились въ землю Галицкую и Волынскую, всюду производя опустошенія. Тщетно разные города той стороны думали сопротивляться: Татары вездѣ оставались побѣдителями; ихъ могуществу въ это время ничто не могло противостоять, и безполезное сопротивленіе только увеличивало кровопролитіе и раздражало побѣдителей. Романовичи же нигдѣ несмѣли появиться въ открытомъ полѣ, и подобно Михаилу удалились въ Венгрію и потомъ въ Польшу; а въ слѣдъ за ними тудаже двинулись и Татары. *

[48]—Ник. III. 7.

* Волынская лѣтопись говоритъ, что Ярославъ плѣнилъ супругу Михаилову и бояръ его, и завладѣлъ Каменцомъ; а Даніилъ и Василько убѣдили Ярослава отпустить къ нимъ Михаилову супругу, и держали ее у себя въ чести; потомъ Михаилъ отъ Конрада присылалъ пословъ къ Даніилу, съ требованіемъ супруги и съ предложеніемъ мира, и будто бы Даніилъ принялъ это предложеніе и пригласилъ Михаила въ Галичь, гдѣ предлагалъ ему Кіевъ, а сыну его Ростиславу Луцкъ, и что будто бы Михаилъ, боясь Татаръ, не принялъ предложенія и услыхавши о взятіи Кіева Татарами, ушелъ опять къ Конраду. Но непродолжительность времени отъ бѣгства Михаила въ Венгрію до взятія Кіева Татарами, не дозволяетъ допустить такого множество событій, и тѣмъ болѣе, что Даніилъ въ это время былъ занятъ сперва изгнаніемъ Ростислава Смоленскаго изъ Кіева, а потомъ самъ скрывался въ

Между тѣмъ Михаилъ, бѣжавшій въ Венгрію, не былъ принятъ тамошнимъ королемъ и удалился къ своему дядѣ по матери Конраду въ землю Польскую,[44] потомъ по приближеніи Татаръ, ушелъ въ землю Вротиславскую, гдѣ былъ ограбленъ Нѣмцами, откуда опять возвратился къ Конраду. Когда же Татары, опустошивъ землю Волынскую и Галицкую, пошли въ Венгрію и тамъ замедлили довольно долгое время; то Михаилъ вмѣстѣ съ сыномъ вышелъ изъ Польши и направилъ путь свой по дорогѣ на Владиміръ Волынскій и на Пинскъ, и оттуда пробрался къ Кіеву, гдѣ нашелъ одни развалины, и остановился жить на какомъ-то острову подъ городомъ; сынъ же его Ростиславъ занялъ опустошенный Черниговъ, откуда началъ искать подъ Даніиломъ Галицкихъ владѣній, гдѣ многіе бояре приняли его сторону.[45]

Михаилъ по возвращеніи изъ Польши пробылъ въ Кіевѣ около пяти лѣтъ; что именно дѣлалъ онъ во всѣ сіи годы, мы заподлинно незнаемъ, ибо въ настоящее время у насъ нѣтъ ни Кіевской ни Черниговской лѣтописи того времени; свѣдѣнія же о Кіевскихъ и Черниговскихъ дѣлахъ, доставляемыя намъ другими лѣтописями, слишкомъ отрывочны и неполны. Впрочемъ, соображая тогдашнія обстоятельства съ дошедшими до насъ отрывками извѣстій, можно положить, что Михаилъ первые три года по возвращеніи въ Кіевъ, пользуясь отшествіемъ Батыя въ Вен-

Венгрія; да и притомъ весьма странно допустить, чтобы Даніилъ отдавалъ Кіевъ Михаилу, когда самъ только что взялъ его, уже развѣ только потому, что ненадѣялся удержать его противъ Татаръ; а также вовсе непонятно, какой это Ярославъ взялъ Каменецъ, вовсе не принадлежавшій Михаилу, какъ та же лѣтопись говоритъ ниже, называя этотъ городъ Изяславлимъ. Все это сплетеніе событій, кажется, собрано лѣтописцемъ только для того, чтобы выставить Даніила великодушнымъ къ своему прежнему противнику; но по связи обстоятельствъ и по соображенію предъидущихъ поступковъ Даніила, оно рѣшительно всклеится и смотрить выдумкою

44.—Ипат. 177—178.

45.—Ипат. 179—180.

грію, провелъ въ собираніи народа и въ возможномъ по времени возобновленіи и устройствѣ Приднѣпровскаго края. Пришедши въ пустынный Кіевъ и поселившись на острову подъ городомъ, онъ началъ созывать жителей, скрывавшихся въ пещерахъ, горахъ и лѣсахъ; народъ мало по малу сталъ сходиться къ князю; и по свидѣтельству Воскресенской лѣтописи, слыша о водвореніи Михаила въ Кіевѣ, стали возвращаться на родину даже и тѣ, которые сперва разбѣглись по чужимъ землямъ; [46] такъ что Кіевъ, подобно Суздальскимъ городамъ, началъ устроиваться и возобновляться, какъ чисто-Рускій городъ, хотя и зависящій отъ Татаръ, но имѣющій свое управленіе и своихъ природныхъ властителей, а не подчиненный Татарскимъ чиновникамъ; на что довольно ясно указываетъ проѣзжавшій въ 1246 году черезъ Кіевъ въ Монголію Плано-Карпини. Онъ говоритъ, что проѣзжая черезъ Кіевъ, совѣтовался съ тамошнимъ тысяцкимъ и боярами о продолженіи пути въ Монголію, и получилъ отъ нихъ наставленіе оставить прежнихъ лошадей, и взять другихъ болѣе привычныхъ къ ѣздѣ по степямъ; которыхъ, равно какъ и проводниковъ взялъ отъ тысяцкаго за нѣкоторые подарки. [47] Въ этомъ разсказѣ нѣтъ и помину о пребываніи Татаръ въ Кіевѣ; мы здѣсь видимъ, что городомъ за отсутствіемъ князя (который въ это время былъ въ Ордѣ) управляетъ тысяцкій съ боярами, какъ это бывало и всегда въ Рускихъ городахъ. Но конечно путешественники въ своихъ нуждахъ отнеслись бы къ Татарскимъ начальникамъ, ежели бы они въ это время управляли Кіевомъ или даже проживали въ немъ, какъ это и сдѣлалъ Плано-Карпини прибывши въ Каневъ, въ которомъ управлялъ Татарскій чиновникъ.

Впрочемъ мирное устройство Кіева и Приднѣпровья не могло быть продолжительнымъ; Батый, пробывши въ Венгріи около трехъ лѣтъ, наконецъ возвратился въ при-

46—Воскр. II. 219.
47—Плано-Карпини въ Русс. Іер. Альм. стр. 11.

волжскія степи и занялся совершеннымъ подчиненіемъ Рускихъ княженій своей власти. Ярославъ Владимирскій съ другими князьями Северовосточной Руси еще въ 1243 году ѣздилъ въ Орду, и получилъ отъ Батыя утвержденіе въ правахъ на владѣніе своимъ княжествомъ и на первенство между другими князьями. По свидѣтельству Ростовской лѣтописи, Татары уже стали вызывать князей въ Орду для изъявленія покорности хану, какъ верховному повелителю всей Руской земли; по словамъ лѣтописи, они говорили: «не подобаетъ вамъ жити на землѣ Батыевѣ и кановѣ не поклонившеся има.» Слѣдовательно, владѣніе какимъ либо Рускимъ княжествомъ было уже невозможно безъ поѣздки къ хану. Но Михаилъ, хотя и признавалъ власть Татаръ и платилъ имъ дань, однако все еще медлилъ поѣздкою въ Орду; какъ говоритъ Никоновская лѣтопись, его останавливало отъ этой поѣздки, то униженіе, которому подвергались князья въ Ордѣ и особенно принужденіе по Татарскому обычаю проходить между двухъ огней и покланяться идоламъ. Слыша, что Руские князья безпрекословно исполняли всѣ сіи требованія, несогласныя съ уставами Церкви, Михаилъ, какъ истинный и ревностный христіанинъ, смущался духомъ и не рѣшался идти къ Батыю. И точно, эта поѣздка была страшна для Михаила, ибо онъ ѣхалъ на вѣрную смерть и муки; другіе князья легко соглашались, и пить кумысъ съ Татарами, и покланяться тѣнямъ предковъ Батыевыхъ, и приносить имъ даже жертвы; слѣдовательно они могли еще надѣяться на хорошій и ласковый пріемъ отъ Батыя и его сановниковъ, могли искать дружбы и ожидать нѣкоторыхъ выгодъ и покровительства для своей власти въ Россіи. Но для Михаила все это было закрыто: онъ, какъ мы уже видѣли, считалъ оскорбленіемъ христіанства, не только жертвоприношенія тѣнямъ предковъ Батыевыхъ, но даже и дружбу съ Татарами: «како убо съ тобою въ дружбѣ быти, говорилъ онъ Мунке, стоявшему въ 1239 году подъ

Кіевомъ, вѣси самъ яко царь Батый своея вѣры есть, а азъ благочестивыя вѣры христіанскія есмь, да убо вѣра вѣрѣ не другъ есть.» [46] Слова сіи были сказаны съ полнымъ убѣжденіемъ и вполнѣ выражали постоянный образъ мыслей Михаиловыхъ, который въ немъ, какъ въ человѣкѣ съ твердою и непреклонною волею, не могъ измѣниться обстоятельствами. Слѣдовательно, для него рѣшиться ѣхать въ Орду значило принесть себя въ жертву, если не за свободу отечества, которая была уже потеряна, то по крайней мѣрѣ, за свободу вѣры отцовъ, за честь христіанства. На что онъ наконецъ и рѣшился въ 1246 году.

Собираясь въ Орду, Михаилъ пригласилъ къ себѣ внука своего князя Бориса Васильковича Ростовскаго и любимаго боярина Ѳеодора, и желая приготовить ихъ къ подвигу съ плачемъ и слезами сказалъ имъ: «Видите ли напасть сію и бѣду великую на нашемъ родѣ; мы будучи христіанами и держась заповѣдей Христа, въ него же вѣруемъ, и въ то же время отступаемъ отъ него, и творимъ повелѣнія царя нечестиваго. Потщимся любимицы пострадать за Христа, да съ нимъ царствуемъ во вѣки, попремъ подъ наши ноги сатану и повелѣнія его слуги нечестиваго царя Батыя.» [47] Послѣ чего Михаилъ вмѣстѣ съ бояриномъ Ѳеодоромъ, принявшимъ съ радостію его предложеніе, начали приготовляться къ роковому путешествію, приняли благословеніе и наставленіе отъ своего духовнаго отца Іоанна, и получивъ отъ него въ напутствіе святые дары, отправились въ путь.

Прибывши въ Орду, они нашли именно то, чего ждали и чего страшились. Передъ представленіемъ къ Батыю, Татарскіе волхвы или шаманы приняли Михаила по обычаю въ свое распоряженіе, и ведя къ ставкѣ ханской, предъ которою разложенъ былъ по обѣимъ сторонамъ огонь, сказали именемъ Батыевымъ: «идите сквозь огнь и поклонитеся солнцу

[46]—Ник. III. стр. 6.
[47]—Тамъ же. стр. 21.

и огню.« Михаилъ и Θеодоръ, шедшіе вмѣстѣ, видѣли, что многіе Руские князья съ своими боярами, бывшіе впереди, безпрекословно по шаманскимъ наставленіямъ шли черезъ огонь, и въ точности исполняли всѣ обряды чуждой вѣры, ради славы міра сего, къ явному униженію святой вѣры предковъ. Горько было Михаилу видѣть въ Рускихъ князьяхъ такое унизительное отступничество, и онъ, воспламенясь высокою ревностію поддержать въ соотечественникахъ привязанность къ святой вѣрѣ, твердо и рѣшительно сказалъ черезъ шамановъ Батыю: »не подобаетъ намъ христіаномъ идти сквозь огонь и покланяться солнцу и огню, ниже царемъ подобаетъ повелѣвать таковая; мы поклоняемся и чтемъ Господа Бога Іисуса Христа, творца вселенныя, славимаго въ Троицѣ, симъ же твоимъ богамъ мерзкимъ сущимъ паче же идоломъ, непоклоняемся и невоздаемъ чести. Тебѣ же царю, хотя и человѣку смертному и тлѣнному, но какъ, имущему власть, порученную отъ Бога, поклоняемся и воздаемъ честь должную обладателю. Поклониться же твоимъ мнимымъ богамъ къ явному униженію святой вѣры, ты насъ ничемъ и никогда не принудишь; твои боги не болѣе, какъ тварь Божія, сотворенная на службу человѣкамъ.« Эта живая рѣчь Михаила, вылившаяся изъ глубины души истинно высокой, сильно тронула Батыя, хотя человѣка грубаго, но отъ природы одареннаго свѣтлымъ умомъ; и онъ, сказавъ съ удивленіемъ: великъ сей мужъ, послалъ къ нему своего приближеннаго сановника Элдегу съ повелѣніемъ убѣдить Михаила къ исполненію обрядовъ Татарской религіи, съ которыми, по понятіямъ грубаго кочеваго народа, тѣсно была связана неприкосновенность ханской власти. Эльдега именемъ Батыевымъ долго убѣждалъ Михаила разными средствами, обѣщалъ ему и великія почести и особенную любовь хана передъ всѣми Рускими князьями, и грозилъ ему мучительною смертію въ случаѣ непослушанія; но Михаилъ оставался непреклоннымъ, и такъ убѣдительно возражалъ на всѣ увѣщанія Батыева посланца,

что тотъ дивился словамъ Михаиловымъ, и говорилъ ему: »я ни отъ кого не слыхалъ такихъ рѣчей; ты такъ премудръ, что тебя непремѣнно надлежитъ пощадить; прошу тебя, исполни слово ханское, и спаси себя отъ смерти, которая скоро воспослѣдуетъ, ежели ты не отступишь отъ своего упорства.« На что Михаилъ отвѣчалъ: »мнѣ умереть за Христа значитъ пріобрѣсти жизнь.« Послѣ сего, можетъ быть по наставленію же Эльдеги,. приступили къ нему внукъ Борисъ Васильковичъ и многіе другіе Рускіе князья и бояре, убѣждая съ плачемъ и слезами исполнить Батыеву волю; они говорили: »не погуби своимъ упорствомъ себя и насъ; Господь Богъ знаетъ, что все сіе дѣлается неволею; а когда возвратимся на родину, то мы всѣ всею землею примемъ сей грѣхъ на себя и по всей землѣ будемъ нести за тебя эпитимію церковную; просимъ тебя для общей нашей безопасности, для блага всей Руской земли, исполни волю ханскую.« Но Михаилъ, поддерживаемый своимъ вѣрнымъ бояриномъ Ѳеодоромъ, другими глазами смотрѣлъ на это дѣло, и остался непреклоннымъ къ убѣжденіямъ соотечественниковъ, и обнявши горько плачущаго внука своего Бориса Васильковича, сказалъ: »чадо мое Борисе! Христіанамъ подобаетъ вѣрою и дѣлами почитать Господа Бога; вѣра же безъ дѣлъ мертва, по словамъ Апостола; а всѣ земныя пріобрѣтенія ничтожны, мимо идутъ, и скоро погибаютъ, какъ сонъ и дымъ; небесныя же блага присносущны и безконечны.« И потомъ, призвавъ священника, причастился Святыхъ Таинъ, и воздавъ съ духовною радостію благодареніе Вседержителю, началъ молиться, чтобы Господь сподобилъ его принять мученическій вѣнецъ; и по окончаніи молитвы, совершенно приготовившись къ смерти, обратился къ царскому посланцу Элдегѣ и сказалъ: »иди къ царю Батыю и скажи моимъ именемъ: царь! тебѣ Михаилъ велѣлъ сказать, богамъ твоимъ не покланяюся и не служу, и не исполняю твоего беззаконнаго повелѣнія.« [10]

[10]—Ник. III. стр. 22—23.

Получивши рѣшительный и смѣлый отвѣтъ Михаиловъ, Батый, считая сіе явнымъ оскорбленіемъ закона своихъ предковъ, и можетъ быть не смѣя отступать отъ него для непреклоннаго Рускаго князя [51], приказалъ казнить Михаила. Татары, получивъ повелѣніе ханское, по своему степному обычаю въ такихъ случаяхъ, сбили Михаила съ ногъ, и растянувъ по землѣ, сперва ударами рукъ разбили его грудь, потомъ повернувъ спиною наверхъ, начали топтать ногами, и наконецъ, послѣ долгихъ мученій, одинъ изъ Рускихъ отступниковъ вѣры, можетъ быть, сжалясь надъ страдальцемъ, отрѣзалъ Михаилу голову: и такъ погибъ доблестный и нѣкогда могущественный князь. Онъ, во все продолженіе мучительной казни, продолжалъ исповѣдывать святую вѣру, и скончался съ словами на устахъ: »Христіанинъ есмь.« [52] Въ слѣдъ за Михаиломъ и вѣрный бояринъ его Ѳеодоръ, съ такою же твердостью, принялъ подобную мученическую смерть. Тѣла ихъ брошены были Татарами безъ погребенія, и нѣкоторыми Рускими послѣ уже преданы землѣ. Церковь наша причислила страдальцевъ къ лику святыхъ молитвенниковъ за Рускую землю предъ престоломъ Всевышняго, и празднуетъ ихъ священную память каждогодно 20 Сентября, именно въ тотъ самый день, въ который они сподобились мученической кончины. —

Мученическая кончина Михаила, Всеволодовича представляетъ два важныя для исторіи указанія по двумъ различнымъ отношеніямъ, по которымъ можно разсматривать ее. По отношенію къ самому Михаилу, и по отношенію къ тогдашней Руси.

Въ первомъ отношеніи, въ мученической кончинѣ Михаила ясно и опредѣленно открывается полное выраженіе

51.—По свидѣтельству Плано-Карпини у Татаръ огонь былъ въ великомъ почтеніи, и всѣ предъ вступленіемъ въ ставку, даже воеводы, не только хана, наказывались безпощадною смертію, ежели не исполняли извѣстныхъ, утвержденныхъ суевѣріемъ, обрядовъ. (Плано-Карпини, Кн. *П.* гл. 3).

52.—Воскрес. II. 223.

его высокой, истинно-христіанской души и твердаго характера, который въ достиженіи хорошо обдуманной цѣли неуступалъ ни передъ какими препятствіями. Передъ симъ торжественнымъ и окончательнымъ выраженіемъ непреклонной воли Михаила должны умолкнуть всѣ обвиненія въ малодушіи, взводимыя на него разными историками, которые по неимѣнію полныхъ лѣтописей произвольно толковали о многихъ его поступкахъ, по отрывочнымъ и неполнымъ извѣстіямъ, часто явно противорѣчащимъ истинѣ. Здѣсь каждый ясно можетъ убѣдиться, что Михаилъ, постоянно уклонявшійся отъ встрѣчи съ Татарами и долго нежелавшій вступать съ ними ни въ какія сношенія, дѣлалъ это не изъ робости и малодушія, но единственно по сознанію невозможности и безполезности противостоять ихъ неодолимому напору, и по внутреннему убѣжденію, что онъ по своему образу мыслей и по характеру никогда не сойдется и не поладитъ съ иновѣрцами, гордыми своимъ могуществомъ. Когда же настоятельная нужда и высокое желаніе хотя сколько нибудь облегчить участь несчастнаго и любимаго народа, вызвали его на поѣздку въ орду; то онъ не подумалъ уклоняться отъ этаго дѣла, и отправился къ Батыю, почти увѣренный напередъ въ своей несчастной участи. Но и здѣсь, сознавая волю Божію въ необходимости признать надъ собою, какъ надъ побѣжденнымъ государемъ, власть Татарскаго хана, онъ отдѣлилъ свои княжескія земныя отношенія отъ высшихъ отношеній христіанина; и какъ князь владѣлецъ земной не отрицалъ требованій Батыя и признавалъ надъ собою его власть, какъ посланную отъ Бога; но въ тоже время, когда увидалъ, что Татары требуютъ унизительнаго для христіанства, то какъ христіанинъ, какъ гражданинъ неба, онъ остался непреклоннымъ ни передъ какими требованіями и угрозами, и защищая достоинство христіанина, какъ святыню своей души, съ удивительною твердостію и истинно-христіанскимъ благодушіемъ принялъ продолжительныя мученія, окончившіяся смертію. Конечно

человѣкъ робкій и малодушный на мѣстѣ Михаила не рѣшился бы на это, или и рѣшившись, незамедлилъ бы отказаться отъ своего рѣшенія, тѣмъ болѣе, что другіе Рускіе князья передъ его глазами исполняли безпрекословно всѣ требованія хана.

Страданіе и смерть, понесенные Михаиломъ въ ордѣ, имѣли самое высокое значеніе для тогдашней Руси. Михаилъ, оставшись непобѣдимымъ христіаниномъ среди страданій и смерти, указалъ побѣжденной Руси высокую обязанность защищать вѣру праотцевъ и стараться быть не побѣдимыми въ христіанствѣ; онъ своею смертію какъ бы завѣщалъ современникамъ и потомству среди несчастій, угнетавшихъ родину, искать утѣшенія и спасенія въ Богѣ и Церкви; и Рускіе, кажется, хорошо поняли завѣтъ святаго мученика; они въ самомъ униженіи и неся тяжкое иго иновѣрцевъ, именно утѣшались и даже гордились тѣмъ, что они христіане; въ ихъ умѣ неразрывно соединились понятіе Рускаго и понятіе Христіанина, такъ что Рускій по ихъ понятіямъ не могъ быть не христіаниномъ, — напротивъ не Рускій, даже Татаринъ, принимая христіанство, для нихъ дѣлался соотечественникомъ, братомъ. И безъ сомнѣнія, сія то высокая мысль о непобѣдимости христіанства среди всѣхъ несчастій, смертію Михаила такъ сильно приведенная на память и внушенная Рускимъ, именно въ то время, когда побѣжденный и угнетенный тяжкимъ игомъ народъ всего болѣе нуждался въ такомъ напоминаніи и внушеніи, можно сказать была одною изъ главныхъ причинъ, что Рускіе, въ 13-мъ столѣтіи совершенно покоренные Татарами, не утратили своей народности и сохранили въ себѣ столько жизненныхъ силъ, что въ послѣдствіи могли противостать Татарамъ и сдѣлаться могущественнѣйшимъ народомъ. Такимъ образомъ, тяжкая смерть Михаилова была для Рускихъ того времени вѣрнымъ залогомъ будущаго освобожденія и могущества Россіи, знаменемъ несомнѣнной побѣды. Михаилъ Всеволодовичь, скончавшійся съ словами на

устахъ «Христіанинъ есмь» именно указалъ Рускимъ, что только непоколебимою и твердою защитою христіанства и православія они могутъ отстоять свою народность и самостоятельность, среди тѣхъ бѣдствій и угнетеній, которыя имъ предстояли, во время Татарскаго владычества. Михаила Всеволодовича здѣсь можно нѣкоторымъ образомъ приравнять къ другому современному страдальцу за Рускую землю, къ Александру Ярославичу Невскому. Какъ Александръ своею жизнію, своимъ умѣньемъ вести дѣла съ ордою, показалъ Рускимъ дорогу относительно сношеній съ Татарами; такъ Михаилъ, своею мученическою смертію, своею непоколебимостію въ христіанствѣ, указалъ потомкамъ на другой путь, по видимому противоположный, но ведшій Рускихъ къ той же цѣли, къ освобожденія отъ ига Татарскаго.

М. БАЛАКЕВЪ.

КНИЖНАЯ СТАРИНА

ЮЖНОРУСКАЯ.

═

(*Продолженіе.* [1])

═

ГЛАВА V.

НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНІЯ ВЪ КІЕВѢ.

Кіевъ, первоначальникъ просвѣщенія Рускаго въ древнее время, не скоро явился на книжномъ поприщѣ по возрожденіи просвѣщенія на Рускомъ Югѣ. Книгопечатаніе въ Кіевѣ началось не ранѣе *1616* года; слѣдственно тогда уже, какъ оно производилось 42 года въ Галиціи и на Волыни, и напечатано было тамъ 42 изданія (разумѣю Славянскія и Рускія; да 42 изданія вышли изъ типографіи Литовскорускихъ; а всего, съ 28-ю Московскими, было уже напечатано на Руси 112 изданій, или около того); тогда уже, какъ на Рускомъ Югѣ прекратились типографіи Острожская съ Дерманскою, и Стрятинская съ Крилоскою, и только одна Братская типографія во Львовѣ работала медленно и робко.

Впрочемъ, начало Кіевскаго книгопечатанія, подобно началу многихъ вещей въ исторіи, не обошлось безъ баснословія. Не очень давно еще, въ нѣкоторыхъ »Исторіяхъ«

[1] — Первыя четыре главы этой *Старины* напечатаны въ прошломъ 1849 году въ 1 и 3 книжкахъ *Временника*, издаваемаго Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ тѣхъ главахъ изложено начало книгопечатанія въ Южной Руси, и книгопечатаніе на Волыни и въ Червоной Руси, до 19-го вѣка.

было сказано, будто типографія подарена Печерской Лаврѣ въ *1531* году, княземъ К. К. Острожскимъ. Это ошибочное извѣстіе, давно опровергнутое Сопиковымъ и митрополитомъ Евгеніемъ, произошло конечно отъ того, что князя *Константина Константиновича* Острожскаго, учредителя книгопечатанія въ Острогѣ, нерѣдко смѣшивали съ его отцемъ княземъ *Константиномъ Ивановичемъ*, гробница котораго находится въ Печерской церкви. Примѣровъ такого смѣшенія можно указать нѣсколько, начиная съ »Лѣтописи Самовидца« до »Кіева« сочиненнаго г. Муравьевымъ. Ближе къ дѣлу говорятъ другіе, что Острожская типографія, по ея прекращеніи, досталась Кіевской Лаврѣ; ибо въ Печерскихъ изданіяхъ былъ до нашего времени шрифтъ, называемый *Острожскимъ*. Впрочемъ Острожская типографія могла достаться Кіеву не въ 1608 году, какъ показано въ Исторіи Бантыша-Каменскаго, а позднѣе; ибо книгопечатаніе въ Острогѣ производилось еще въ 1612 году. Сопиковъ называлъ намъ (подъ № 518) *Канонникъ*, будто бы напечатанный въ Кіевѣ 1611 года; однако самъ онъ не выдавалъ того за истину. Достовѣрно то, что основаніемъ Печерской типографіи послужила типографія *Стрятинская*. Оставшись безъ дѣйствія, послѣ смерти учредителя своего *Ѳедора Юрьевича Балабана* (1606 г.) и его дяди *Гедеона Балабана* епископа Львовскаго (1607 г.), — Стрятинская типографія куплена, была для Печерской Лавры, архимандритомъ ея *Елисеемъ Плетенецкимъ*. Сей достопамятный мужъ былъ первымъ подвижникомъ книжнаго дѣла въ Кіевѣ, при его возрожденіи, которое здѣсь началось *въ Печерской Лаврѣ*. Елисей Плетенецкій былъ рода старошляхетнаго, также какъ и епископъ Львовскій Гедеонъ. Исторія узнаетъ его въ 1596 году, какъ защитника православія на Берестейскомъ Соборѣ, въ званіи архимандрита Пинскаго Лещинскаго монастыря. Въ 1599 году Печерская братія избрала его на мѣсто умершаго архимандрита своего Никифора Тура, мужественно отстоявшаго

древнее святилище Руси отъ нападеній Уніи. Удержавъ старыя права Лавры, обновивъ ея общежительство, Плетенецкій собралъ въ ней ученое братство, первымъ цвѣтомъ котораго былъ архидіаконъ *Леонтій Карповичъ*, бывшій потомъ (съ 1616 по 1620 г.) архимандритомъ Виленскаго Святодуховскаго Братства. А со времени книгопечатанія въ Кіевѣ, первымъ ученымъ дѣятелемъ является здѣсь іеродіаконъ *Захарія Копыстенскій*, племянникъ епископа Михаила Копыстенскаго, бывшій по смерти Плетенецкаго архимандритомъ Печерскимъ, до кончины своей въ 1627 году.

Въ числѣ ученыхъ мужей, вызванныхъ Плетенецкимъ изъ Львова, примѣчательнѣе всѣхъ іеромонахъ *Памво Берында*, уроженецъ Молдавскій, неутомимо подвизавшійся въ Лаврѣ надъ исправленіемъ и изданіемъ книгъ, въ званіи типографа, и потомъ архитипографа.

Съ 1624 года явился въ Лаврѣ еще другой ученый дѣятель, *Тарасій* Леоновичъ или Левковичъ *Земка*, бывшій здѣсь также типографомъ и корректоромъ, подобно Берындѣ.

Эти два главные труженика Печерской типографіи скончались въ *1632* году: Берында *13 Іюля*, Земка *13 Сентября*; и вмѣстѣ съ ними кончился *первый* достопримѣчательный періодъ книгопечатанія Кіевскаго, — въ который явился здѣсь на книжномъ поприщѣ и *Петръ Могила*, можно сказать, довершившій свое иноземное образованіе просвѣщеніемъ Православнорускимъ, среди братіи Печерской.

А. ИЗДАНІЯ КІЕВОПЕЧЕРСКІЯ. (1616 — 32).

1. Часословъ, изданный 1617 года, въ 4-ку, есть первенецъ книгопечатанія Кіевскаго.

Теперь очень рѣдокъ, извѣстенъ только въ библіотекахъ: Публичной, Московскаго Историческаго Общества, Троицкой Лавры. Одно изъ двухъ предисловій его, содержащее толкованіе службъ, писано іеродіакономъ *Захаріею Копыстенскимъ*.

2. **Вѣзерунѣкъ цвѣтъ Елисея Плетенецкаго. 1618, въ 4.**

Небольшая книжка, состоящая изъ стиховъ, сочиненныхъ *Александромъ Митурою*, въ честь архимандрита Печерскаго. Находится только въ Румянцовскомъ Музеѣ.

3. **Книга о Вѣрѣ единой святой соборной апостольской Церкве. (1619) въ 4.**

Сопиковъ и м. Евгеній считали ее напечатанною въ Могилевѣ 1625 г.; но теперь доказано, что ее издалъ въ Кіевѣ 1619 года Захарія Копыстенскій, подъ именемъ монаха *Азаріи*. Та же *Книга о Вѣрѣ*, только съ нѣкоторыми отмѣнами отъ Кіевскаго изданія, напечатана была еще 1602 года въ Вильнѣ. [a]

4. **Анѳологіонъ. 1619, въ листъ.**

Переведенъ съ Греческаго Михайловскимъ игуменомъ *Іовомъ Борецкимъ*, поправленъ Захаріею Копыстенскимъ и Памвою Берындою. Изданіе украшено 18 изображеніями разныхъ святыхъ.

5. **Служебникъ. 1620, въ 4.**

Это первое Кіевское изданіе Служебника сходно во всемъ съ изданіемъ Стрятинскимъ; украшено изображеніями Успенія Богоматери, Спасителя и трехъ Святителей. Предисловіе отъ Елисея Плетенецкаго.

6. **Номоканонъ. 1620, въ 4.**

Рѣдкое изданіе, извѣстное только въ библіотекахъ Публичной и Коротаевской; украшено изображеніемъ св. креста и преп. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ. Предисловіе отъ Памвы Берынды.

7. **Вѣршѣ на жалосный погребъ Петра Конашевича Сагайдачнаго. 1622, въ 4.**

Сочинены іеромонахомъ *Кассіаномъ Саковичемъ* ректоромъ школъ Кіевскихъ и проповѣдникомъ Слова Божія. Въ началѣ книги посвященіе »Войску Запорожкому« въ стихахъ, отъ имени Саковича; а на концѣ помѣщена »Матерія для учиненя подякованя при погребѣ якого зацного чловѣка« тогожъ автора. [b] Изданіе украшено тремя изображеніями: 1) герба Войска Запорожскаго; 2) гетмана Сагайдачнаго, сидящаго на конѣ; 3) взятія города Кафы. Нынѣ извѣстны только два экземпляра этой книжки: въ Румянцовскомъ Музеѣ и въ древлехранилищѣ М. П. Погодина.

a—Мнѣ извѣстно это отъ Московскаго купца *Т. Ѳ. Большакова*, страстнаго любителя и отличнаго знатока Славяно-книжной старины, у котораго я видѣлъ это Виленское изданіе *Книги о Вѣрѣ*, но безъ заглавнаго листа.

b—Въ каталогѣ Демидовскомъ поставлены порознь *Вѣрши* подъ № 337, а *Матерія* подъ № 338.

ВѢРШѢ

НА ЖАЛОСНЫЙ ПОГРЕБЪ

Зацного Рыцера

ПЕТРА КОНАШЕВИЧА

САГАЙДАЧНОГО, ГЕТМАНА

Войска Его Кор: Милости

Запорозкого.

Зложоныи през Инока

КАСІАНА САКОВИЧА,

Ректора Школъ Кіевскихъ,

в Братстве.

Мовленые от его Спудеов на Погребе того

Зацного Рыцера в Кіеве, в Недѣлю Проводную,

року Божого, Тисяча шестьсотъ

двадцать второго.

В. Цр: Г.

Не вѣсте ли яко Властелинъ Великъ паде в сій день въ Ісраили.

На Гербъ Си́лного Во́йска Е. К: М: Запорозкого.

Кгды щѣнсливе Запорозцы Кроле́ви дозна́ли,
Тогды за Гербъ такого ж имъ рыцера дали.
Кото́рый ѡто гото́въ Ѿчи́знѣ служи́ти,
За во́лность єй и сво́й живо́тъ положи́ти.
Н мѣстъ Трѣба Землїю албо Тыжъ водо́й:
Вшела́кш онъ спосо́бный и прудкїй до бо́й.

Въ текстѣ подъ стихами подписаны имена тѣхъ студентовъ, которые ихъ произносили при погребеніи.

1. Стефанъ Почаскій. [4]
2. Петръ Созоновичъ Балыка.
3. Іоаннъ Саковичъ.
4. Ѳеофилактъ Іоанновичъ, Бурмістровичъ К:
5. Іоаннъ Тарнавскій, Протопоповичъ К:
6. Ѳеодоръ Скарбескій.
7. Леонтій Балыка, Бурмистровичъ К:
8. Іеремія Ставровецкій.
9. Іоаннъ Стицкій.
10. Николай Отрешкевичъ.
11. Іоаннъ Козаринъ.
12. Іоаннъ Пелчицкій.
13. Евтихій Самуиловичъ.
14. Матѳей Кизимовичъ.
15. Григорій Кондратовичъ.
16. Димитръ Криковичъ.
17. Лукашъ Берында.
18. Георгій Вороничъ.
19. Карпъ Михайловичъ.
20. Симеонъ Шуяга.

8. Бесѣды Златоустаго на 14 посланій св. Апостола Павла. 1623, въ л.

Переводъ священника *Лаврентія Зизанія-Тустановскаго*, поправленный Памвою Берындою и іеромонахомъ Захаріею Копыстенскимъ. Предисловіе »къ Православному роду Россійскому« отъ архим. Елисея Плетенецкаго. Изданіе украшено изображеніями: Успенія Богоматери, Іоанна Златоустаго, герба Плетенецкаго (на оборотѣ заглавнаго листа). Встрѣчаются экземпляры, съ посвященіемъ князю Стефану Четвертенскому, писаннымъ Захаріею Копыстенскимъ.—NB. При одномъ изъ такихъ экземпляровъ, принадлежащемъ Погодину, находится въ концѣ особое прибавленіе, посвященное Ѳедору Копыстенскому отъ Памвы Берынды; а на послѣднемъ листѣ, подъ заглавіемъ *Великдный даръ*, представленъ гербъ Плетенецкаго въ большомъ видѣ, исписанный внутри рифмами типографа Стефана Берынды.

9. Псалтирь. 1624, въ 4.

Изданъ, коштомъ Константина Далмата, монахомъ Іосифомъ Кирилловичемъ, съ его же предисловіемъ о Псалтири. Изданіе украшено изображеніемъ Успенія Б., царя Давида, и гербами Плетенецкаго и Далмата.

10. Бесѣды Златоустаго на Дѣянія св. Апостолъ. 1624, въ л.

Переводъ *Гавріила Дороѳеевича* и *Іосифа Святогорца*, исправленный Памвою Берындою. Въ книгѣ два предисловія: одно

[4]—Этотъ питомецъ Кіевобратской школы, подъ именемъ *Софронія Почаскаго* извѣстенъ съ 1632 года какъ профессоръ риторики въ Могилянской Лаврской Гимназіи, а потомъ и какъ ректоръ Кіевобратской Коллегіи. (см. ниже книгу *Евхаристиріонъ*, 1632).

отъ Ел. Плетенецкаго, другое отъ Зах. Копыстенскаго. Кромѣ Успенія Б., въ книгѣ около 20 разныхъ изображеній; а на второмъ листѣ гербъ Далмата со стихами *Тарасія Левковича Земки*.

У Большакова я видѣлъ экземпляръ съ гербомъ князя Стефана Четвертенскаго, со стихами, и съ посвященіемъ ему же на 8 листахъ отъ Захаріи Копыстенскаго.

Протосинкеллъ Памво Берында съ этою книгою (для изданія которой и былъ онъ вызванъ въ Лавру изъ Галиціи) пріѣзжалъ въ Москву въ Сентябрѣ 1624 года, съ рекомендательными письмами къ царю и патріарху отъ митрополита Іова Борецкаго, хранящимися въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ. Въ это время, кажется, Тарасій Земка сталъ типографомъ и корректоромъ.

11. Номоканонъ. 1624, въ 4.

Изданіе второе, съ предисловіемъ Зах. Копыстенскаго и съ послѣсловіемъ іеромонаха и типографа Тарасія Земки; украшено изображеніями Успенія Б. и Вселенскаго Собора.

12. Казанье на честномъ погребѣ Елисея Плетенецкаго, проповѣданное 1624 г. Захаріею Копыстенскимъ. 1625, въ 4.

13. Омилія албо казанье на роковую память Елисея Плетенецкаго, проповѣданное 20 Ноября 1625, архимандритомъ Захаріею Копыстенскимъ. 1625, въ 4.

Находится въ Румянцовскомъ Музеѣ и въ библ. Академіи Наукъ.

14. Толкованіе на Апокалипсисъ, св. Андрея Критскаго. 1625, въ л.

Переводъ *Зах. Копыстенскаго*, исправленный Лаврентіемъ Зизаніемъ-Тустановскимъ; съ предисловіемъ Тарасія Земки и съ посвященіемъ Григорію Далмату отъ Зах. Копыстенскаго. На оборотѣ заглавнаго листа Успеніе Б., и гербъ Копыстенскаго со стихами Т. Земки, а въ текстѣ три картинки.—Принадлежащія къ этой книгѣ: »*Слово* албо наука Ефрема Сирина на Преображеніе Господне« и »*Омилія* и наука Іоанна Златоустаго на Пятидесятницу« — въ Обозрѣніи Славянорусской библіографіи, изданномъ Сахаровымъ, показаны подъ особыми номерами, 218 и 219.

15. Акаѳисты Пречистой Богородицѣ, Іисусу и Успенію. 1625, въ 4.

Изданы намѣстникомъ Лаврскимъ *Филоѳеемъ Кизаревичемъ*, съ посвященіемъ Аннѣ Ходкевичевнѣ, княгинѣ Корецкой.

Съ нѣсколькими изображеніями. Находятся въ библіотекахъ: Полондинской, Коротаевской и въ Публичной (отъ Кастерина).

16. Повѣсть о діаволѣ. 1626, въ 4.

Находится въ библіотекахъ Публичной (отъ Кастерина) и Коротаевской.

17. Часовникъ. 1627, въ 8.

Извѣстенъ только въ Публичной Библіотекѣ (отъ Кастерина). Впрочемъ, имя типографіи не означено, также какъ и на Книгѣ о Вѣрѣ, сходной по шрифту съ этимъ Часовникомъ.

18. Лексиконъ Славеноросскій, соч. архитипографа Памвы Берынды. 1627, въ 4.

Посвященъ Даніилу и Димитрію Балабанамъ, со стихами въ ихъ гербу, сочиненными Тарасіемъ Земкою.

19. Тріодь Постная. 1627, въ л.

Это *первое* Кіевское изданіе Постной Тріоди, съ послѣсловіемъ отъ издателя П. Берынды; съ предисловіемъ З. Копыстенскаго; съ синаксарями, переведенными Т. Земкою.—У Сопикова подъ No 1507, и у другихъ, значится еще Кіевское изданіе Ц. Тріоди 1623 года; но это, должно быть, ошибка.

20. Отъ Отечника Печерскаго. 1627, въ 4.

Это небольшое изданіе, на 14 листахъ, съ разными изображеніями, находится въ библіотекахъ: Академіи Наукъ, Публичной (отъ Кастерина) и Коротаевской.

21. Поученія душеполезна Аввы Дороѳея. 1628, въ 4.

Переводъ Іосифа Святогорца, изданный П. Берындою, съ посвященіемъ архимандриту Петру Могилѣ отъ намѣстника Филоѳея Кизаревича съ братіей.

22. Агапита Діакона Главизны поучительны. 1628, въ 4.

23. АПОЛЛЕІА Апологія. 1628, въ 4.

Издана отъ митрополита Іова Борецкаго и всего стана духовнаго, бывшаго на Кіевскомъ Соборѣ 1628 г. 18 Августа. Тутъ описано подробно, какъ *Мелетій Смотрискій*, архіепископъ Полоцкій, на этомъ Соборѣ каялся въ неправославныхъ мысляхъ своихъ, помѣщенныхъ въ книгѣ *Апологіи*, написанной имъ на Рускомъ языкѣ, а на Польскомъ языкѣ напечатанной во Львовѣ отступникомъ Кассіаномъ Саковичемъ. Находится въ библіотекахъ Печерской Лавры и Московскаго Архива Иностр. Дѣлъ.

24. **Окружная Грамота митрополита Іова Борецкаго, приглашающая на Кіевскій Соборъ къ 29 Іюня 1629 г., для совѣщанія о успокоеніи Православной Церкви. 1629, въ 4.**

Находится въ библіотекѣ Кіевософійскаго собора.

25. **Номоканонъ. 1629, въ 4.**

Изданіе 3-е, съ предисловіемъ Петра Могилы.

26. **Акаѳисты и Молитвы. 1629, въ 4.**

Съ предисловіемъ Тарасія Земки; съ изображеніемъ герба Могилы, и со множествомъ малыхъ изображеній въ текстѣ.

27. **Псалтирь. 16 9, въ 16.**

Съ изображ. Успенія Б., царя Давида и герба Могилы.

28. **Литургіаріонъ си есть Служебникъ. 1629, въ л.**

Переводъ, исправленный Петромъ Могилою; съ предисловіемъ Тар. Земки о литургіи, и съ соборнымъ извѣщеніемъ о семъ Служебникѣ отъ митроп. Іова Борецкаго, архіеп. Исаіи Копинскаго и епископовъ Исаакія Борисковича и Паисія Ипполитовича.

29. **Имнологія. 1630, въ 4.**

Состоитъ изъ большаго акростиха »Петрови Могилѣ архимандриту святыя чудотворныя великія Лавры Печерскія Кіевскія, воеводичу земль Молдавскихъ,« поднесеннаго въ день Свѣтлаго Воскресенія, отъ всѣхъ дѣлателей въ типографіи. Подъ стихотвореніями подписаны имена ихъ:

Типонадзиратель Іеродіаконъ Исаія.
Типоблюститель инокъ Артемій Полоновичъ.
Типографъ Стефанъ Берында.
Наборщикъ Наѳанъ Зинковичъ.
Стълпоправатель Димитрій Захаріевичъ.
Изобразитель Иларіоній Молковицкій.
Изобразитель Михаилъ Фойнацкій.
Батищикъ Павелъ Макаріевичъ.
Батищикъ Ѳеодотъ Кипріевичъ.
Писмоліатель Леонтій Іерусалимовичъ.

А въ концѣ Имнологіи подписались стихами:

Памво Берында типикароводецъ,
О предстателю, рабъ и богомолецъ
Твой съ инѣми тебѣ представаю,
Вся реченная съ всѣми желаю.

Таже по всѣхъ съ всѣми
Твоими и моими.
Всего типу правитель,
Не всѣхъ меншій служитель,
Пастыру ти предстою,
Тожде молю и пою,
Да не буду забвенный,
Азъ Тарасій смиренный.

Ѵмноло́гіа

Сіе є́сть,

Пѣснослові́е.

Албо Пѣснь прі̑ча́стн Пи́смо̄ мо́влена

на де́нь Въскр̑нія Г҃а нш҃гѡ

Інсу́са Хріста̄.

Па́ну, Па́стыру, Ѡпекуно́ви

и Добродѣ́еви своі́му

При̑ Дѣла́телн в Тѵпогра́фіи в Дарунечку

Ни́зко Прнпісана.

В Тѵпогра́фіи Ст҃ы́а Вели́кіа

Чудотво́рныа Ла́вры Пече́рскіа Кіевскіа.

Ро́ку, АХЛ.

Тый твой ПРЕСВѢТЛЫЙ видячи Клейноты
Отче АРХИМАНДРИТЕ, Кто на твоѣ цноты
Вѣдлугъ свѣта й Духа, Ктось не здумѣетъ.
Хвала чомъ ку Ближнимъ-зáздрость вѣрну врѣдитъ.

Этой книжки нынѣ извѣстенъ только одинъ экземпляръ, въ нынѣшнемъ году пріобрѣтенный М. П. Погодинымъ.

Тутъ можемъ спомянуть и о преждебывшихъ въ Лаврѣ типографахъ: о *Тимофеѣ Александровичѣ Вер:*, который съ Стефаномъ Берындою и Тимофеемъ Петровичемъ, и Андреемъ Николаевичемъ, печаталъ въ 1623 г. Бесѣды на Посланія, и объ *Андреѣ Наумовичѣ*, который съ тѣмъ же Стефаномъ Берындою печаталъ Бесѣды на Дѣянія.

30. Тріодь Цвѣтная 1631, въ л.

Изданіе 1-е съ предисловіемъ Тарасія Земки, съ его же стихами къ гербу Могилы, и со множествомъ изображеній.

31. Крестъ Христа Спасителя и каждаго человѣка. 1632, въ 4.

Это слово архимандрита Петра Могилы въ недѣлю Крестопоклонную, съ посвятительнымъ отъ него же посланіемъ князю Іеремія Вишневецкому, и со стихами къ его гербу.

32. Евхаристиріонъ албо Вдячность. 1632, въ 4.

Собраніе стихотвореній, поднесенныхъ въ Свѣтлое Воскресеніе Петру Могилѣ, отъ учениковъ учрежденной имъ Лаврской гимназіи. Раздѣлено на двѣ части: на *Геликонъ* и *Парнассъ*; при первой приложено изображеніе Петра Могилы въ архимандритскомъ облаченіи, бросающаго скипетръ и корону воеводскую; а при второй Муцій Сцевола. На оборотѣ заглавнаго листа гербъ Петра Могилы со стихами. Посвященіе въ прозѣ написано профессоромъ риторики *Софроніемъ Почаскимъ*, который, безъ сомнѣнія, сочинялъ и всѣ стихи.

Для памяти, выпишу здѣсь имена всѣхъ 23 учениковъ:

1. Стефанъ Стрибылъ.
2. Григорій Трипольскій.
3. Александръ Олекиевичъ.
4. Самуилъ Мужиловскій.
5. Андрей Черхавскій.
6. Василій Климовичъ.
7. Василій Каменецкій.
8. Михаилъ Полубинскій.
9. Мартинъ Суринъ.
10. Филиппъ Михаловскій.
11. Іоаннъ Загурскій.
12. Василій Сущанскій-Проскура.
13. Филонъ Пляковскій.
14. Стефанъ Колчицкій.
15. Максимъ Кресловскій.
16. Өеодоръ Сусло.
17. Василій Чудновецъ.
18. Василій Устрицкій.
19. Георгій Пигтрицкій.
20. Евтихій Соболь.
21. Стефанъ Трипольскій.
22. Трофимъ Окушкевичъ.
23. Іеремія Войсарскій.

в) издания кievоподольския. (1625 — 30)

Через девять лѣть по учрежденіи Печерской типографіи, являлись ненадолго частныя типографіи въ самомъ »богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ« т. е. на Подолѣ. Первая изъ нихъ заведена была лаврскимъ же печатникомъ *Тимофеемъ Александровичемъ Вер*: »мужемъ трезвеннымъ и цѣломудреннымъ« (такъ сказано объ немъ въ предисловіи къ *Бесѣдамъ*, изданнымъ 1623 г.). Изъ Кіевскихъ книгъ сю типографіи, извѣстна только одна, два раза изданная:

33. Часословъ, 1625, въ 4.

Съ посвященіемъ митрополиту Іову Борецкому и съ предисловіемъ, отъ имени самаго печатника.

34. Тотъ-же Часословъ (изд. 2). 1626, въ 4.

Тимоѳей Александровичъ Вер: въ послѣдствіи явился съ своею типографіею въ Покутьи (Буковинѣ), и тамъ, въ пограничномъ городѣ *Долгополѣ*, напечаталъ *Евхологіонъ или Молитвословъ*, 1635 въ 4, иждивеніемъ воеводы Угровлахійскаго Іо. Матѳея Бесараба (находится въ библіотекѣ И. Я. Лукашевича).

Съ 1627 года была въ Кіевѣ другая типографія, *Спиридона Соболя*. Изъ его Кіевскихъ книгъ извѣстны слѣдующія.

35. Лимонарь сирѣчь Цвѣтникъ Патріарха Софронія. 1628, въ 4.

Этой книги замѣчаются два разныя изданія, того же года.

34. Минея общая. 1628, въ 4.

Въ концѣ книги находится *Акаѳистъ Богоматери*, съ особымъ счетомъ 17-ти листовъ.

35. Октоихъ. 1629, въ 4.

Съ изображеніемъ Іоанна Дамаскина, гравированнымъ В. Д.

36. Апостолъ. 1630, въ л.

Съ изображеніемъ Евангелиста Луки и герба Стеткевичей, изданъ иждивеніемъ подкоморагo Мстиславскаго *Богдана Стеткевича*, которому и посвященъ.

Въ 1630 году Спиридонъ Соболь съ своею типографіею переѣхалъ въ Бѣлоруссію, въ *Кутеинскій монастырь*, и тамъ напе-

чаталъ слѣдующія книги: *Брашно духовное*, около 1631 г. въ 4, (объ этомъ изданіи я упомянулъ уже въ 4 гл. Книжной Старины); *Молитвы повседневныя*, 1631, въ 12; *Часословъ*, 1632. въ 4. Послѣ того онъ переселился въ *Буйничи*, въ маетность вышепомянутаго Богдана Стеткевича (на берегу Днѣпра, гдѣ былъ потомъ и Буйницкій Святодуховскій монастырь), и тамъ напечаталъ *Псалтирь* 1635 г. въ 8. Вѣроятно тамъ же напечаталъ онъ и *Тестаментъ царя Василія*, 1638, въ 12.

═

Митрополитъ Евгеній (въ *Опис. Лавры*, 1831, стр. 71) говорилъ, что книга *Лимонарь* напечатана Соболемъ »въ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ у Іова Борецкаго.« Это ошибка, которая повторена и въ Кіевлянинѣ (кн. 1, стр. 26, 55). Въ Лимонарѣ сказано, что онъ напечатанъ: »въ дворѣ Іова Борецкаго митрополита К. въ градѣ Кіевѣ.« Іовъ дѣйствительно жилъ тогда въ Михайловскомъ монастырѣ, но монастырь не считался дворомъ Іова. На Подолѣ, который въ томъ вѣкѣ былъ »градомъ Кіевомъ«, у Борецкаго были два двора. Одинъ изъ нихъ купленъ у Андрея Черкашенина, въ 1616 году, когда Борецкій былъ еще *священникомъ Іоанномъ* (такъ онъ поименованъ въ купчей 8 Окт. 1616 г.). Другой дворъ подаренъ былъ ему, уже какъ *игумену Михайловского монастыря Іову*, въ 1620-мъ году, отъ Кіевлянки Анны Козѣевны. Конечно, въ одномъ изъ тѣхъ дворовъ Іова Борецкаго производилъ книгопечатаніе Спиридонъ Соболь, а также и Тимоѳей Александровичъ. — (Впрочемъ, въ первой половинѣ 17 вѣка, подъ Старокіевскою горою, находился еще какой-то »деревянный типографскій дворъ.« См. въ Прибавленіяхъ къ *Описанію Соф. соб.* стр. 31).

Вышепомянутый Черкашенскій дворъ митрополитъ Іовъ »заставилъ за гроши отцамъ Межигорцамъ« (видно небогатъ былъ почтенный іерархъ, котораго Кіевляне называли *милостынникомъ убогихъ* и *вторымъ Іоанномъ Милостивымъ!*); а за день до кончины своей, т. е. 1 Марта 1631 года, онъ въ тестаментѣ своемъ *леговалъ* тотъ дворъ Межигор-

ской братіи; а Межигорцы въ Сентябрѣ того же года продали его »пану *Томашу Іевлевичу*, *ректору школъ братскихъ*.« Въ Октябрѣ того года состоялась *интромиссія* (т. е. вводная) въ тотъ дворъ, и »*субмиссія* Томаша Іевлевича *ректора школъ Кіевскихъ*.«

Объ ректорѣ *Ѳомѣ Іевлевичѣ* до сихъ поръ не было и помину въ извѣстіяхъ о Кіевобратской школѣ; мнѣ удалось узнать объ немъ изъ старыхъ Кіевскихъ записей (также нежданно, какъ о бытіи древняго монастыря *Гнилецкаго* подъ Кіевомъ, узналъ я изъ актовъ монастыря Выдубицкаго). Іевлевичъ былъ послѣднимъ ректоромъ первоначальной, еще не-Могилинской Кіевобратской школы, въ то самое время, когда въ ней полагается ректоромъ *Тарасій Земка*. Объ этомъ ученомъ мужѣ говорятъ, что онъ »былъ ректоромъ Богоявленскаго училища 1631 г., потомъ взятъ въ проповѣдники и типографы Кіевопечерской Лавры.« (У *Евгенія* въ Прибавл. къ Опис. Соф. соб. стр. 226, и у *Макарія* въ Исторіи Кіев. Акад.). Но это несправедливо, также какъ и то, будто Тарасій Земка принадлежалъ къ числу Кіевлянъ, посыланныхъ архимандритомъ Петромъ Могилою, для образованія въ заграничныя училища. По современнымъ книгамъ и актамъ, Тарасій до кончины своей виденъ постоянно въ Печерской Лаврѣ *съ 1621 годе*, уже іеромонахомъ, въ званіяхъ типографа и корректора, проповѣдника и соборнаго старца; при этомъ же онъ считался и *игуменомъ Богоявленскимъ* (какъ видно изъ его подписей въ Словарѣ Берынды 1627 г. и на трехъ записяхъ о Лаврской Могилинской школѣ въ исходѣ 1631 года). Позднѣйшіе каталоги приписали ему ректорство вмѣсто игуменства, принявъ одну должность за другую, конечно потому, что обѣ онѣ въ послѣдствіи соединялись и соединяются обыкновенно въ одномъ лицѣ.

И такъ, въ скудномъ спискѣ ректоровъ первоначальной Богоявленской школы, должно поставить, вмѣсто знамеситаго

имени Тарасія Земки, невѣдомое донынѣ имя *Ѳомы Іевлевича*, въ 1631 году.[5]

Не лишнимъ считаю замѣтить здѣсь, что и Іовъ Борецкій зачисленъ въ учители Богоявленской школы безъ достаточнаго основанія. У святителя Димитрія сказано объ немъ, что онъ »Греческому и Латинскому языку *училъ въ школахъ*« — »Конечно, это были *не другія* школы, какъ *Богоявленскія*«, заключаетъ о. Макарій, въ своей Исторіи. Напрасно: то были *другія* школы, именно *Львовскія*, въ которыхъ Борецкій учился и потомъ училъ, до переѣзда своего въ Кіевъ. Это положительно извѣстно мнѣ по современнымъ актамъ, уцѣлѣвшимъ во Львовѣ; а объ его учительствѣ въ Богоявленской школѣ не видно еще ни изъ одного современнаго свидѣтельства. Относительно монашества и игуменства его, можно заключить изъ вышеприведеннаго указанія, что оно началось едва ли ранѣе конца 1616 года.

Исаія Копинскій, какъ видно по всему, начальствовалъ въ Богоявленскомъ Братствѣ, въ 1615 году, самое короткое время, можно сказать, мимоходно.

Когда именно былъ здѣсь ректоромъ *Мелетій Смотрицкій*, и дѣйствительно ли былъ: это требуетъ еще новаго разсмотрѣнія. Такъ неполна и скудна еще исторія Кіевобратской школы, въ первый періодъ своего бытія, т. е. до 1633 года! О первыхъ 25-ти годахъ ея бытія, т. е. до 1615 года, почти ничего неизвѣстно еще, какъ будто совсѣмъ ея не было. А потому не дивно, что изъ ея ученой братіи на книжномъ поприщѣ доселѣ видenъ только

[5] —Кстати о ректорахъ академіи; назову еще одного, пропущеннаго въ спискахъ, и у Евгенія, и у Макарія: это *Кириллъ Филимоновичъ*. Онъ былъ ректоромъ въ 1692 году. По его просьбѣ гетманъ Мазепа далъ Братскому монастырю сельцо Бѣльмаченку (см. Универсалъ 27 апр. 1692 г., въ Памятникахъ Кіев. Комис. Т. II.). Кириллъ поступилъ въ академію изъ іеромонаховъ Печерской Лавры. Въ началѣ 1688 года онъ былъ посыланъ въ Москву отъ архимандрита Варлаама Ясинскаго для испрошенія царской грамоты на древнія права Лавры (см. Грамоты, напечатанныя Евгеніемъ въ Опис. *К. Лавры 1831* г., подъ N 22 и 23.).

ректоръ Кассіанъ Саковичъ, 1622 года, съ своими надгробными *Виршами*, что главными подвижниками книжнаго дѣла въ Кіевѣ, въ означенный періодъ, были *Лавряне*.

Митрополитствомъ Петра Могилы, въ 1633 году, начинается *второй періодъ*, какъ въ исторіи Кіевобратской школы, возвышенной тогда на степень *Коллегіи* и назвавшейся *Могилянскою*, — такъ и въ исторіи книгопечатанія Кіевскаго. Типографы Печерскіе привѣтствовали митрополитство своего архимандрита, 1633 года 5 Іюля, книжкою *Евфонія веселобрмячая*, состоящею изъ довольно длиннаго стихотворнаго акростиха; а ученики Могилинской *гимназіи*, уже присоединенной къ Богоявленской школѣ, воспѣли митрополитство своего протектора Польскими стихами, напечатанными тогда же въ Лаврѣ, подъ названіемъ *Мнемосунe*. Этими двумя книжками, въ 1633 году, начался *второй періодъ* Кіевскаго книгопечатанія, который можно вести до Лаврскаго пожара въ 1717 году.

ГЛАВА VI.

ЛАТИНО-ПОЛЬСКІЯ СОЧИНЕНІЯ ПИСАТЕЛЕЙ МАЛОРОССІЙСКИХЪ.

Съ вышеномянутой *Мнемозины* начинается рядъ Кіевскихъ книгъ на Польскомъ и на Латинскомъ языкахъ, которыхъ издано, кажется, шесть, въ митрополитство Петра Могилы, имъ самимъ и его питомцами.

I. Mnemosyne. 1633, въ 4.

Вотъ имена студентовъ, подписавшихся подъ стихотвореніями:

1. Александръ Тишкевичъ.
2. Георгій Тиша.
3. Іоаннъ Тиша.
4. Самуелъ Мужиловскій.
5. Адамъ Тиша.
6. Филонъ Ияковскій.
7. Филиппъ Константиновичъ.
8. Тимоѳей Кнагиницкій.
9. Стефанъ Бабиневскій.
10. Захарія Березецкій.
11. Андрей Гродецкій.
12. Порфирій Кирдчевскій.
13. Василій Вѣтрицкій.

Число студентовъ взято по числу буквъ въ имени PIOTR MOHILA. Каждая буква изображена какимъ либо предметомъ (наприм. I колонною, O зодіакальнымъ кругомъ), и каждый предметъ воспѣтъ въ особомъ стихотвореніи съ примѣненіемъ къ Кіевскому меценату.

II. **Exegesis**. Сильвестра Коссова, 1635, въ 8.

III. **Paterik**, его же. 1635, въ 4.

IV. **Тератургима**. Аоанасія Кальнофойскаго, 1638, въ 4.

V. **Mowa Duchowna**, Петра Могилы, на бракосочетаніе князя *Януша* Радзивила. 1645, въ 4.

VI. **Lithos**, 1645, въ 4, изданный Петромъ Могилою, подъ псевдонимомъ *Евсевія Пимена*.

Къ этимъ изданіямъ, имѣвшихъ въ свое время большую значительность, мы возвратимся послѣ; а здѣсь замѣтимъ, что, по примѣру Кіева, печатались Латино-Польскія изданія и въ Черниговѣ, и Новгородсѣверскѣ, въ послѣдней четверти 17-го вѣка. Таковы напримѣръ:

VII. **Naiasnieysza nieba y ziemie Carica Panna Matka Matka Panna Marya, od Lazarza Baranowicza Slawiona.** Черниговъ. 1683 Дек. 22. въ л. (24 л.)

Листъ второй занятъ посвященіемъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, на Славянскомъ языкѣ. За тѣмъ идетъ самое пѣснопѣніе Польскими стихами, съ текстами Славянскими, и кое-гдѣ со стихами Латинскими. Наход. въ библіотекѣ кн. Оболенскаго (въ сборникѣ Величка).

VIII. Стихотвореніе на Польскомъ языкѣ въ честь *Лазаря Барановича*, отъ *товариства куншту типографскаго*; съ подписью на самомъ концѣ: »Lucubratiuncula *Ioannis Wieliczkowski*.«

Эта брошюра, какъ видно, напечатана *въ Черниговѣ*, въ листъ: всего 5 листовъ, кромѣ заглавнаго, утраченнаго въ видѣнномъ мною экземплярѣ, у кн. Оболенскаго. Въ началѣ заставочная полоса съ изображеніемъ агнца, и съ надписью Славянскою »Агнецъ Божій.« За тѣмъ слѣдуетъ текстъ: »Jesli ziarno pszeniczne...« и т. д. Находится въ сборникѣ Величка.

Впрочемъ не духовные предметы собственно любила воспѣвать Латино-Польская муза у Малороссіянъ: она преимущественно трудилась надъ *панигириками* разнымъ сановнымъ людямъ, свѣтскимъ и духовнымъ: и сколько

Рускаго дарованія истратилось въ нихъ по пусту! Но можно порадоваться по крайней мѣрѣ тому, что вся эта безпредѣльная лесть, весь этотъ холодный, риторическій, стеклянный блескъ ума и слова выражался по-Польски и по-Латынѣ, а не языкомъ Южнорускимъ. Вышеномянутая *Мнемозина* была зерномъ, изъ котораго подъ исходъ 17-го вѣка выросъ у насъ цѣлый лѣсокъ панигириковъ, до сихъ поръ еще невѣдомый для Руской библіографіи: надо же ей и съ нимъ ознакомиться! Охотники до чтенія въ тѣ поры сбирали эти панигирики, и обыкновенно переплетали ихъ въ особые сборники, изъ которыхъ назову здѣсь два: одинъ, принадлежавшій прежде Полковому Переяславскому судьѣ *Аѳсеневичу*, я встрѣтилъ въ селѣ Сушкахъ, Золотоношскаго уѣзда, у *П. С. Романовскаго*; другой сборникъ, особенно замѣчательный тѣмъ, что онъ принадлежалъ извѣстному лѣтописателю *Самуилу Величку* и содержитъ въ себѣ подлинникомъ нѣсколько панигириковъ ненапечатанныхъ, я видѣлъ въ Москвѣ, въ богатой рѣдкостями библіотекѣ *князя М. А. Оболенскаго.*

IX. Czyhirin pograniczne miasto w ciężkim oblężeniu Tureckim roku 1677, za szczęscem Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, triumfuiące. *Въ типографіи Новгородсѣверской*, 1678, въ 4.

Это пѣснопѣніе *Александра Бучинскаго*, Польскими стихами, въ честь гетмана Самойловича; воспѣвается знаменитая осада Чигирина. На оборотѣ заглавнаго листа изображенъ гербъ Запорожскаго войска. Находится въ библіотекѣ К. К. Свидаинскаго.

X. Trybut jasnie wielmoznemu jego mosci panu Janowi Samuylowiczowi, и проч. *Въ Кіевопечерской* типографіи, 1686, въ л.

Это панигирикъ гетману Самойловичу отъ *Коллегіатовъ* Кіевомогилянскихъ. Послѣ посвященія, которое, по обыкновенію на 2-мъ листѣ, идетъ Латинскою прозою *Triumphus Palladis*, а потомъ Польскими стихами *Acclamatio Musarum*, подъ которыми подписался: Magister grammatices *Paulus Baraniecki.*

На оборотѣ заглавнаго листа изображена *Паллада*: она ѣдетъ въ свой храмъ на колесницѣ, везомой Пегасомъ; въ правой

Этой книжки нынѣ извѣстенъ только одинъ экземпляръ, въ нынѣшнемъ году пріобрѣтенный М. П. Погодинымъ.

Тутъ можемъ спомнить и о преждебывшихъ въ Лаврѣ типографахъ: о *Тимофеѣ Александровичѣ Вер:*, который съ Стефаномъ Берындою и Тимоѳеемъ Петровичемъ, и Андреемъ Николаевичемъ, печаталъ въ 1623 г. Бесѣды на Посланія, и объ *Андреѣ Наумовичѣ*, который съ тѣмъ же Стефаномъ Берындою печаталъ Бесѣды на Дѣянія.

30. Тріодь Цвѣтная 1631, въ л.

Изданіе 1-е съ предисловіемъ Тарасія Земки, съ его же стихами къ гербу Могилы, и со множествомъ изображеній.

31. Крестъ Христа Спасителя и каждаго человѣка. 1632, въ 4.

Это слово архимандрита Петра Могилы въ недѣлю Крестопоклонную, съ посвятительнымъ отъ него же посланіемъ князю Іереміи Вишневецкому, и со стихами къ его гербу.

32. Евхаристиріонъ албо Вдячность. 1632, въ 4.

Собраніе стихотвореній, поднесенныхъ въ Свѣтлое Воскресеніе Петру Могилѣ, отъ учениковъ учрежденной имъ Лаврской гимназіи. Раздѣлено на двѣ части: на *Геликонъ* и *Парнассъ*; при первой приложено изображеніе Петра Могилы въ архимандритскомъ облаченіи, бросающаго скипетръ и корону воеводскую; а при второй Муцій Сцевола. На оборотѣ заглавнаго листа гербъ Петра Могилы со стихами. Посвященіе въ прозѣ написано професоромъ риторики *Софроніемъ Почаскимъ*, который, безъ сомнѣнія, сочинялъ и всѣ стихи.

Для памяти, выпишу здѣсь имена всѣхъ 23 учениковъ:

1. Стефанъ Стрибылъ.
2. Григорій Трипольскій.
3. Александръ Олекшичъ.
4. Самуилъ Мужиловскій.
5. Андрей Черхавскій.
6. Василій Климовичъ.
7. Василій Каменицкій.
8. Михаилъ Полубинскій.
9. Мартинъ Суринъ.
10. Филиппъ Миклашевскій.
11. Іоаннъ Заруцкій.
12. Василій Сущанскій-Проскура.
13. Филонъ Ияковскій.
14. Стефанъ Колчицкій.
15. Максимъ Кресловскій.
16. Ѳеодоръ Сусло.
17. Василій Чудновецъ.
18. Василій Устрицкій.
19. Георгій Негревицкій.
20. Евтихій Соболь.
21. Стефанъ Трипольскій.
22. Трофимъ Онушкевичъ.
23. Іеремія Войсацкій.

в) изданія кіевоподольскія. (1625 — 30)

Черезъ девять лѣтъ по учрежденіи Печерской типографіи, являлись ненадолго частныя типографіи въ самомъ »богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ« т. е. на Подолѣ. Первая изъ нихъ заведена была лаврскимъ же печатникомъ *Тимоѳеемъ Александровичемъ Вер*: »мужемъ трезвеннымъ и цѣломудреннымъ« (такъ сказано объ немъ въ предисловіи къ *Бесѣдамъ*, изданнымъ 1623 г.). Изъ Кіевскихъ книгъ сей типографіи, извѣстна только одна, два раза изданная:

33. **Часословъ**, 1625, въ 4.

Съ посвященіемъ митрополиту Іову Борецкому и съ предисловіемъ, отъ имени самаго печатника.

34. **Тотъ-же Часословъ** (изд. 2). 1626, въ 4.

Тимоѳей Александровичъ Вер: въ послѣдствіи явился съ своею типографіею въ Покутьи (Буковинѣ), и тамъ, въ пограничномъ городѣ *Долгополѣ*, напечаталъ *Евхологіонъ или Молитвословъ*, 1635 въ 4, иждивеніемъ воеводы Угровлахійскаго Іо. Матвея Бесараба (находится въ библіотекѣ *И. Я. Лукашевича*).

Съ 1627 года была въ Кіевѣ другая типографія, *Спиридона Соболя*. Изъ его Кіевскихъ книгъ извѣстны слѣдующія.

35. **Лимонарь сирѣчь Цвѣтникъ Патріарха Софронія.** 1628, въ 4.

Этой книги замѣчаются два разныя изданія, того же года.

34. **Минея общая.** 1628, въ 4.

Въ концѣ книги находится *Акаѳистъ Богоматери*, съ особымъ счетомъ 17-ти листовъ.

35. **Октоихъ.** 1629, въ 4.

Съ изображеніемъ Іоанна Дамаскина, гравированнымъ В. Д.

36. **Апостолъ.** 1630, въ л.

Съ изображеніемъ Евангелиста Луки и герба Стеткевичей, изданъ иждивеніемъ подкоморaго Мстиславскаго *Богдана Стеткевича*, которому и посвященъ.

Въ 1630 году Спиридонъ Соболь съ своею типографіею переѣхалъ въ Бѣлоруссію, въ *Кутеинскій монастырь*, и тамъ напе-

чаталъ слѣдующія книги: *Брашно духовное*, около 1631 г. въ 4, (объ этомъ изданіи я упомянулъ уже въ 4 гл. Книжной Старины); *Молитвы повседневныя*, 1631, въ 12; *Часословъ*, 1632. въ 4. Послѣ того онъ перемѣстился въ *Буйничи*, въ местность вышепомянутаго Богдана Стеткевича (на берегу Днѣпра, гдѣ былъ потомъ и Буйницкій Святодуховскій монастырь), и тамъ напечаталъ *Псалтирь* 1635 г. въ 8. Вѣроятно тамъ же напечаталъ онъ и *Тестаментъ царя Василія*, 1638, въ 12.

═

Митрополитъ Евгеній (въ *Опис. Лавры*, 1831, стр. 71) говорилъ, что книга *Лимонарь* напечатана Соболемъ «въ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ у Іова Борецкаго.» Это ошибка, которая повторена и въ Кіевлянинѣ (кн. 1, стр. 26, 55). Въ Лимонарѣ сказано, что онъ напечатанъ: «въ дворѣ Іова Борецкаго митрополита К. въ градѣ Кіевѣ.» Іовъ дѣйствительно жилъ тогда въ Михайловскомъ монастырѣ, но монастырь не считался дворомъ Іова. На Подолѣ, который въ томъ вѣкѣ былъ «градомъ Кіевомъ», у Борецкаго были два двора. Одинъ изъ нихъ купленъ у Андрея Черкашенина, въ 1616 году, когда Борецкій былъ еще *священникомъ Іоанномъ* (такъ онъ поименованъ на купчей 8 Окт. 1616 г.). Другой дворъ подаренъ былъ ему, уже какъ *игумену Михайловскаго монастыря Іову*, въ 1620-мъ году, отъ Кіевлянки Анны Козѣевны. Конечно, въ одномъ изъ тѣхъ дворовъ Іова Борецкаго производилъ книгопечатаніе Спиридонъ Соболь, а также и Тимоѳей Александровичь. — (Впрочемъ, въ первой половинѣ 17 вѣка, подъ Старокіевскою горою, находился еще какой-то «деревянный типографскій дворъ.» См. въ Прибавленіяхъ къ *Описанію Соф. соб.* стр. 31).

Вышепомянутый Черкашенскій дворъ митрополитъ Іовъ «заставилъ за гроши отцамъ Межигорцамъ» (видно небогатъ былъ почтенный іерархъ, котораго Кіевляне называли *милостынникомъ убогихъ* и *вторымъ Іоанномъ Милостивымъ!*); а за день до кончины своей, т. е. 1 Марта 1631 года, онъ въ тестаментѣ своемъ *леговалъ* тотъ дворъ Межигор-

ской братіи; а Межигорцы въ Сентябрѣ того же года продали его »пану *Томтиу Іевлевичу*, *ректору школъ братскихъ.*« Въ Октябрѣ того года состоялась *интромиссія* (т. е. вводная) въ тотъ дворъ, и »*субмиссія* Томаша Іевлевича *ректора школъ Кіевскихъ.*«

Объ ректорѣ *Ѳомѣ Іевлевичѣ* до сихъ поръ не было и помину въ извѣстіяхъ о Кіевобратской школѣ; мнѣ удалось узнать объ немъ изъ старыхъ Кіевскихъ записей (также нежданно, какъ о бытіи древняго монастыря *Гнилецкаго* подъ Кіевомъ, узналъ я изъ актовъ монастыря Выдубицкаго). Іевлевичъ былъ послѣднимъ ректоромъ первоначальной, еще не-Могилинской Кіевобратской школы, въ то самое время, когда въ ней полагается ректоромъ *Тарасій Земка.* Объ этомъ ученомъ мужѣ говорятъ, что онъ »былъ ректоромъ Богоявленскаго училища 1631 г., потомъ взятъ въ проповѣдники и типографы Кіевопечерской Лавры.« (У *Евгенія* въ Прибавл. къ Опис. Соф. соб. стр. 226, и у *Макарія* въ Исторіи Кіев. Акад.). Но это несправедливо, также какъ и то, будто Тарасій Земка принадлежалъ къ числу Кіевлянъ, посыланныхъ архимандритомъ Петромъ Могилою, для образованія въ заграничныя училища. По современнымъ книгамъ и актамъ, Тарасій до кончины своей виденъ постоянно въ Печерской Лаврѣ *съ 1621 годе*, уже іеромонахомъ, въ званіяхъ типографа и корректора, проповѣдника и соборнаго старца; при этомъ же онъ считался и *игуменомъ Богоявленскимъ* (какъ видно изъ его подписей въ Словарѣ Берынды 1627 г. и на трехъ записяхъ о Лаврской Могилинской школѣ въ исходѣ 1631 года). Позднѣйшіе каталоги приписали ему ректорство вмѣсто игуменства, принявъ одну должность за другую, конечно потому, что обѣ онѣ въ послѣдствіи соединялись и соединяются обыкновенно въ одномъ лицѣ.

И такъ, въ скудномъ спискѣ ректоровъ первоначальной Богоявленской школы, должно поставить, вмѣсто знаменитаго

Съ нѣсколькими изображеніями. Находится въ библіотекахъ: Полудинской, Коротаевской и въ Публичной (отъ Кастерина).

16. Повѣсть о діаволѣ. 1626, въ 4.

Находится въ библіотекахъ Публичной (отъ Кастерина) и Коротаевской.

17. Часовникъ. 1627, въ 8.

Извѣстенъ только въ Публичной Библіотекѣ (отъ Кастерина). Впрочемъ, имя типографіи не означено, также какъ и на Книгѣ о Вѣрѣ, сходной по шрифту съ этимъ Часовникомъ.

18. Лексиконъ Славеноросскій, соч. архитипографа Памвы Берынды. 1627, въ 4.

Посвященъ Даніилу и Димитрію Балабанамъ, со стихами къ ихъ гербу, сочиненными Тарасіемъ Земкою.

19. Тріодь Постная. 1627, въ л.

Это *первое* Кіевское изданіе Постной Тріоди, съ послѣсловіемъ отъ издателя П. Берынды; съ предисловіемъ З. Копыстенскаго; съ синаксарями, переведенными Т. Земкою.—У Сопикова подъ No 1807, и у другихъ, значится еще Кіевское изданіе П. Тріоди 1623 года; но это, должно быть, ошибка.

20. Отъ Отечника Печерскаго. 1627, въ 4.

Это небольшое изданіе, на 14 листахъ, съ разными изображеніями, находится въ библіотекахъ: Академіи Наукъ, Публичной (отъ Кастерина) и Коротаевской.

21. Поученія душеполезна Аввы Дороѳея. 1628, въ 4.

Переводъ Іосифа Святогорца, изданный П. Берындою, съ посвященіемъ архимандриту Петру Могилѣ отъ намѣстника Филоѳея Кизаревича съ братіей.

22. Агапита Діакона Главизны поучительны. 1628, въ 4.

23. ΑΠΟΛΛΕΙΑ Апологіи. 1628, въ 4.

Издана отъ митрополита Іова Борецкаго и всего стана духовнаго, бывшаго на Кіевскомъ Соборѣ 1628 г. 16 Августа. Тутъ описано подробно, какъ *Мелетій Смотрицкій*, архіепископъ Полоцкій, на этомъ Соборѣ каялся въ неправославныхъ мысляхъ своихъ, помѣщенныхъ въ книгѣ *Апологіи*, написанной имъ на Рускомъ языкѣ, а на Польскомъ языкѣ напечатанной во Львовѣ отступникомъ Кассіаномъ Саковичемъ. Находится въ библіотекахъ Печерской Лавры и Московскаго Архива Иностр. Дѣлъ.

24. **Окружная Грамота митрополита Іова Борецкаго, приглашающая на Кіевскій Соборъ въ 29 Іюня 1629 г., для совѣщанія о успокоеніи Православной Церкви. 1629, въ 4.**

Находится въ библіотекѣ Кіевософійскаго собора.

25. **Номоканонъ. 1629, въ 4.**

Изданіе 3-е, съ предисловіемъ Петра Могилы.

26. **Акаѳисты и Молитвы. 1629, въ 4.**

Съ предисловіемъ Тарасія Земки; съ изображеніемъ герба Могилы, и со множествомъ малыхъ изображеній въ текстѣ.

27. **Псалтирь. 16 9, въ 16.**

Съ изображ. Успенія Б., царя Давида и герба Могилы.

28. **Литургіаріонъ си есть Служебникъ. 1629, въ л.**

Переводъ, исправленный Петромъ Могилою; съ предисловіемъ Тар. Земки о литургіи, и съ соборнымъ извѣщеніемъ о семъ Служебникѣ отъ митроп. Іова Борецкаго, архіеп. Исаіи Копинскаго и епископовъ Исаакія Борисковича и Паисія Ипполитовича.

29. **Имнологія. 1630, въ 4.**

Состоитъ изъ большаго акростиха »Петрови Могилѣ архимандриту святыя чудотворныя великія Лавры Печерскія Кіевскія, воеводичу земль Молдавскихъ,« поднесеннаго въ день Свѣтлаго Воскресенія, отъ всѣхъ дѣлателей въ типографіи. Подъ стихотвореніями подписаны имена ихъ:

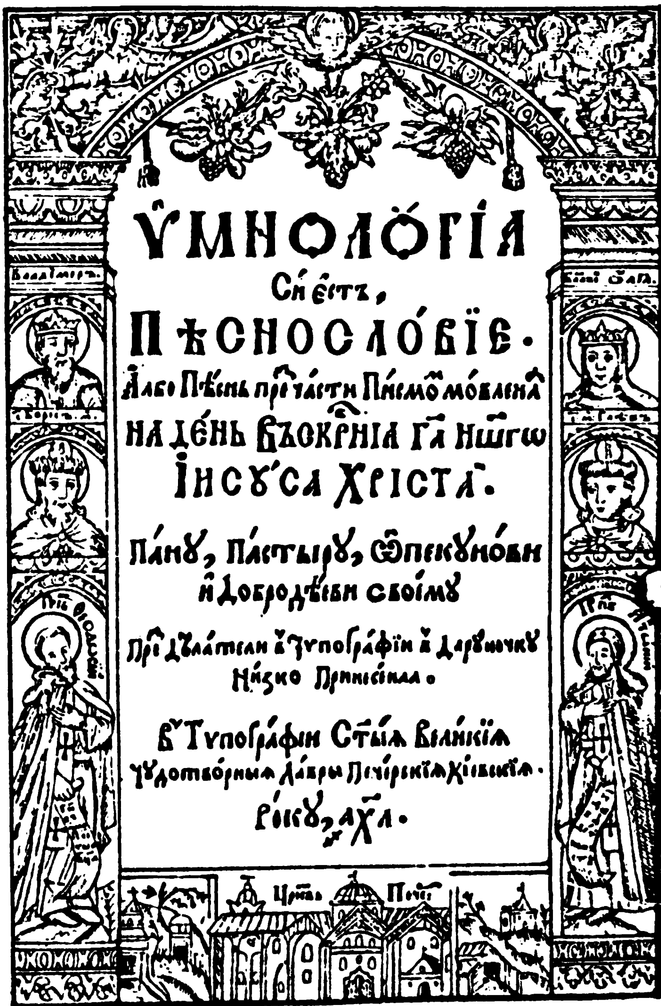
Типоназиратель Іеродіаконъ Исаія.
Типоблюститель инокъ Арткній Полоновичъ.
Типографъ Стефанъ Берында.
Наборщикъ Иліанъ Злинковичъ.
Стъпоправитель Димитрій Захаріевичъ.
Изобразитель Иларкній Молконицкій.
Изобразитель Михаилъ Фойналкій.
Батищикъ Павелъ Макаріевичъ.
Батищикъ Ѳеолотъ Кипріевичъ.
Писмоліатель Леонтій Іерусалимовичъ.

А въ концѣ Имнологіи подписались стихами:

Памво Берында типографоводецъ,
О предстателю, рабъ и богомолецъ
Твой съ инѣми тебѣ представаю,
Вся реченная съ всѣми желаю.

Тако по всѣхъ съ всѣми
Твоими и моими.
Всего типу правитель,
Не всѣмъ меншій служитель,

Пастыру ти предстою,
Тожде молю и пою,
Да не буду забвенный,
Азъ Тарасій смиренный.



Ѵ҆МНОЛОГІА

Си́ є҆́сть,

ПѢСНОСЛО́ВІЕ.

А҆лбо Пѣ́сни пре ча́стн Пне́мо мо́влена

На де́нь Вѡскрⷭ҇нїа Гⷭ҇а На́шегѡ

Інсꙋ́са Хрїста́.

Па́нꙋ, Па́стырꙋ, ѿпекꙋно́ви

и҆ Добродѣ́еви своі́мꙋ

Пре Дѣла́тели в Тѵпогра́фїи в Дарꙋночкꙋ

Ни́зко Принесе́нла.

В Тѵпогра́фіи Стыѧ Вели́кіѧ

Чꙋдотво́рныѧ Ла́вры Пече́рскіѧ Кі́евскіѧ.

Ро́кꙋ, ахл.

Тыи твой ПРЕСВѢТЛЫЙ видячи Клейноты
Отче АРХИМАНДРИТЕ, Кто на твои цноты
Вглядуеть свѣта и Духа, Ктося нездумѣетъ.
Хвала чому нУ Блистанием. засадрость в ирнУ вретитъ.

Этой книжки нынѣ извѣстенъ только одинъ экземпляръ, въ нынѣшнемъ году пріобрѣтенный М. П. Погодинымъ.

Тутъ можемъ спомянуть и о преждебывшихъ въ Лаврѣ типографахъ: о *Тимофеѣ Александровичѣ Вер:*, который съ Стефаномъ Берындою и Тимофеемъ Петровичемъ, и Андреемъ Николаевичемъ, печаталъ въ 1623 г. Бесѣды на Посланія, и объ *Андреѣ Наумовичѣ*, который съ тѣмъ же Стефаномъ Берындою печаталъ Бесѣды на Дѣянія.

30. Тріодь Цвѣтная 1631, въ л.

Изданіе 1-е съ предисловіемъ Тарасія Земки, съ его же стихами къ гербу Могилы, и со множествомъ изображеній.

31. Крестъ Христа Спасителя и каждаго человѣка. 1632, въ 4.

Это слово архимандрита Петра Могилы въ недѣлю Крестопоклонную, съ посвятительнымъ отъ него же посланіемъ князю Іеремін Вишневецкому, и со стихами къ его гербу.

32. Евхаристиріонъ албо Вдячность. 1632, въ 4.

Собраніе стихотвореній, поднесенныхъ въ Свѣтлое Воскресеніе Петру Могилѣ, отъ учениковъ учрежденной имъ Лаврской гимназіи. Раздѣлено на двѣ части: на *Геликонъ* и *Парнассъ*; при первой приложено изображеніе Петра Могилы въ архимандритскомъ облаченіи, бросающаго скипетръ и корону воеводскую; а при второй Муцій Сцевола. На оборотѣ заглавнаго листа гербъ Петра Могилы со стихами. Посвященіе въ прозѣ написано профессоромъ риторики *Софроніемъ Почаскимъ*, который, безъ сомнѣнія, сочинялъ и всѣ стихи.

Для памяти, выпишу здѣсь имена всѣхъ 23 учениковъ:

1. Стефанъ Стрибыль.
2. Григорій Трипольскій.
3. Александръ Олекшичъ.
4. Самуилъ Мужиловскій.
5. Андрей Черхавскій.
6. Василій Климовичъ.
7. Василій Каменицкій.
8. Михаилъ Полубенскій.
9. Мартинъ Суринъ.
10. Филиппъ Миклашевскій.
11. Іоаннъ Заруцкій.
12. Василій Сущанскій-Проскура.
13. Филонъ Пяковскій.
14. Степанъ Колчицкій.
15. Максимъ Кресловскій.
16. Θеодоръ Сусло.
17. Василій Чудновецъ.
18. Василій Устрицкій.
19. Георгій Негревицкій.
20. Евтихій Соболь.
21. Стефанъ Трипольскій.
22. Трофимъ Онушкевичъ.
23. Іеремія Войсацкій.

в) издания кіевоподольскія. (1625 — 30)

Через девять лѣть по учрежденіи Печерской типографіи, являлись ненадолго частныя типографіи въ самомъ »богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ« т. е. на Подолѣ. Первая изъ нихъ заведена была лаврскимъ же печатникомъ *Тимоѳеемъ Александровичемъ Вер*: »мужемъ трезвеннымъ и цѣломудреннымъ« (такъ сказано объ немъ въ предисловіи къ *Бесѣдамъ*, изданнымъ 1623 г.). Изъ Кіевскихъ книгъ его типографіи, извѣстна только одна, два раза изданная:

33. Часословъ, 1625, въ 4.

Съ посвященіемъ митрополиту Іову Борецкому и съ предисловіемъ, отъ имени самаго печатника.

34. Тотъ-же Часословъ (изд. 2). 1626, въ 4.

Тимоѳей Александровичъ Вер: въ послѣдствіи явился съ своею типографіею въ Покутьи (Буковинѣ), и тамъ, въ пограничномъ городѣ *Долгополѣ*, напечаталъ *Евхологіонъ* или *Молитвословъ*, 1635 въ 4, иждивеніемъ воеводы Угровлахійскаго Іо. Матоея Бесарабы (находится въ библіотекѣ П. Я. Лукашевича).

Съ 1627 года была въ Кіевѣ другая типографія, *Спиридона Соболя*. Изъ его Кіевскихъ книгъ извѣстны слѣдующія.

35. Лимонарь сирѣчь Цвѣтникъ Патріарха Софронія. 1628, въ 4.

Этой книги замѣчаются два разныя изданія, того же года.

34. Минея общая. 1628, въ 4.

Въ концѣ книги находится *Акаѳистъ Богоматери*, съ особымъ счетомъ 17-ти листовъ.

35. Октоихъ. 1629, въ 4.

Съ изображеніемъ Іоанна Дамаскина, гравированнымъ В. Д.

36. Апостолъ. 1630, въ л.

Съ изображеніемъ Евангелиста Луки и герба Стеткевичей, изданъ иждивеніемъ подкомораго Мстиславскаго *Богдана Стеткевича*, которому и посвященъ.

Въ 1630 году Спиридонъ Соболь съ своею типографіею переѣхалъ въ Бѣлоруссію, въ *Кутеинскій монастырь*, и тамъ напе-

атал следующія книги: *Брашно духовное*, около 1631 г. въ 4, (объ этомъ изданіи я упомянулъ уже въ 4 гл. Книжной Старины); *Молитвы повседневныя*, 1631, въ 12; *Часословъ*, 1632. въ 4. Послѣ того онъ перемѣстился въ *Буйничи*, въ маетность вышепомянутаго Богдана Стеткевича (на берегу Днѣпра, гдѣ былъ потомъ и Буйницкій Святодуховскій монастырь), и тамъ напечаталъ *Псалтирь* 1635 г. въ 8. Вѣроятно тамъ же напечаталъ онъ и *Тестаментъ царя Василія*, 1638, въ 12.

═

Митрополитъ Евгеній (въ *Опис. Лавры*, 1831, стр. 71) говорилъ, что книга *Лимонарь* напечатана Соболемъ »въ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ у Іова Борецкаго.« Это ошибка, которая повторена и въ Кіевлянинѣ (кн. 1, стр. 26, 55). Въ Лимонарѣ сказано, что онъ напечатанъ: »въ дворѣ Іова Борецкаго митрополита К. въ градѣ Кіевѣ.« Іовъ дѣйствително жилъ тогда въ Михайловскомъ монастырѣ, но монастырь не считался дворомъ Іова. На Подолѣ, который въ томъ вѣкѣ былъ »градомъ Кіевомъ«, у Борецкаго были два двора. Одинъ изъ нихъ купленъ у Андрея Черкашенина, въ 1616 году, когда Борецкій былъ еще *священникомъ Іоанномъ* (такъ онъ поименованъ на купчей 8 Окт. 1616 г.). Другой дворъ подаренъ былъ ему, уже какъ *игумену Михайловскаго монастыря Іову*, въ 1620-мъ году, отъ Кіевлянки Анны Козѣевны. Конечно, въ одномъ изъ тѣхъ дворовъ Іова Борецкаго производилъ книгопечатаніе Спиридонъ Соболь, а также и Тимоѳей Александровичь. — (Впрочемъ, въ первой половинѣ 17 вѣка, подъ Старокіевскою горою, находился еще какойто »дерсвянный типографскій дворъ.« См. въ Прибавленіяхъ къ *Описанію Соф. соб.* стр. 31).

Вышепомянутый Черкашенскій дворъ митрополитъ Іовъ »заставилъ за гроши отцамъ Межигорцамъ« (видно небогатъ былъ почтенный іерархъ, котораго Кіевляне называли *милостынникомъ убогихъ* и *вторымъ Іоанномъ Милостивымъ!*); а за день до кончины своей, т. е. 1 Марта 1631 года, онъ въ тестаментѣ своемъ *леговалъ* тотъ дворъ Межигор-

ской братіи; а Межигорцы въ Сентябрѣ того же года продали его »пану *Томашу Іевлевичу*, *ректору школъ братскихъ.*« Въ Октябрѣ того года состоялась *интромиссія* (т. е. вводная) въ тотъ дворъ, и »*субмиссія* Томаша Іевлевича *ректора школъ Кіевскихъ.*«

Объ ректорѣ *Ѳомѣ Іевлевичѣ* до сихъ поръ не было и помину въ извѣстіяхъ о Кіевобратской школѣ; мнѣ удалось узнать объ немъ изъ старыхъ Кіевскихъ записей (также нежданно, какъ о бытіи древняго монастыря *Гнилецкаго* подъ Кіевомъ, узналъ я изъ актовъ монастыря Выдубицкаго). Іевлевичъ былъ послѣднимъ ректоромъ первоначальной, еще не-Могилинской Кіевобратской школы, въ то самое время, когда въ ней полагается ректоромъ *Тарасій Земка.* Объ этомъ ученомъ мужѣ говорятъ, что онъ »былъ ректоромъ Богоявленскаго училища 1631 г., потомъ взятъ въ проповѣдники и типографы Кіевопечерской Лавры.« (У *Евгенія* въ Прибавл. къ Опис. Соф. соб. стр. 226, и у *Макарія* въ Исторіи Кіев. Акад.). Но это несправедливо, также какъ и то, будто Тарасій Земка принадлежалъ къ числу Кіевлянъ, посылаиныхъ архимандритомъ Петромъ Могилою, для образованія въ заграничныя училища. По современнымъ книгамъ и актамъ, Тарасій до кончины своей виденъ постоянно въ Печерской Лаврѣ *съ 1621 годе*, уже іеромонахомъ, въ званіяхъ типографа и корректора, проповѣдника и соборнаго старца; при этомъ же онъ считался и *игуменомъ Богоявленскимъ* (какъ видно изъ его подписей въ Словарѣ Берынды 1627 г. и на трехъ записяхъ о Лаврской Могилинской школѣ въ исходѣ 1631 года). Позднѣйшіе каталоги приписали ему ректорство вмѣсто игуменства, принявъ одну должность за другую, конечно потому, что обѣ онѣ въ послѣдствіи соединялись и соединяются обыкновенно въ одномъ лицѣ.

И такъ, въ скудномъ спискѣ ректоровъ первоначальной Богоявленской школы, должно поставить, вмѣсто знаменитаго

имени Тарасія Земки, невѣдомое донынѣ имя *Ѳомы Іевлевича*, въ 1631 году. [5]

Не лишнимъ считаю замѣтить здѣсь, что и Іовъ Борецкій зачисленъ въ учители Богоявленской школы безъ достаточнаго основанія. У святителя Димитрія сказано объ немъ, что онъ »Греческому и Латинскому языку училъ *въ школахъ*« — »Конечно, это были *не другія* школы, какъ *Богоявленскія*«, заключаетъ о. Макарій, въ своей Исторіи. Напрасно: то были *другія* школы, именно *Львовскія*, въ которыхъ Борецкій учился и потомъ училъ, до переѣзда своего въ Кіевъ. Это положительно извѣстно мнѣ по современнымъ актамъ, уцѣлѣвшимъ во Львовѣ; а объ его учительствѣ въ Богоявленской школѣ не видно еще ни изъ одного современнаго свидѣтельства. Относительно монашества и игуменства его, можно заключить изъ вышеприведеннаго указанія, что оно началось едва ли ранѣе конца 1616 года.

Исаія Копинскій, какъ видно по всему, начальствовалъ въ Богоявленскомъ Братствѣ, въ 1615 году, самое короткое время, можно сказать, мимоходно.

Когда именно былъ здѣсь ректоромъ *Мелетій Смотрицкій*, и дѣйствительно ли былъ: это требуетъ еще новаго разсмотрѣнія. Такъ неполна и скудна еще исторія Кіево-братской школы, въ первый періодъ своего бытія, т. е. до 1633 года! О первыхъ 25-ти годахъ ея бытія, т. е. до 1615 года, почти ничего неизвѣстно еще, какъ будто совсѣмъ ея не было. А потому не дивно, что изъ ея ученой братіи на книжномъ поприщѣ доселѣ видѣнъ только

[5] — Кстати о ректорахъ академіи; назову еще одного, пропущеннаго въ спискахъ, и у Евгенія, и у Макарія: это *Кириллъ Филимоновичъ*. Онъ былъ ректоромъ въ 1692 году. По его просьбѣ гетманъ Мазепа далъ Братскому монастырю сельцо Бѣльмачевку (см. Универсалъ 27 апр. 1692 г., въ Памятникахъ Кіев. Комис. Т. II.). Кириллъ поступилъ въ академію изъ іеромонаховъ Печерской Лавры. Въ началѣ 1688 года онъ былъ посылаль въ Москву отъ архимандрита Варлаама Ясинскаго для испрошенія царской грамоты на древнія права Лавры (см. Грамоты, напечатанныя Евгеніемъ въ *Опис. К. Лавры 1831 г.*, подъ N 22 и 23.).

ректоръ Кассіанъ Саковичъ, 1622 года, съ своими надгробными *Виршами*, что главными подвижниками книжнаго дѣла въ Кіевѣ, въ означенный періодъ, были *Лавряне*.

Митрополитствомъ Петра Могилы, въ 1633 году, начинается *второй періодъ*, какъ въ исторіи Кіевобратской школы, возвышенной тогда на степень *Коллегіи* и назвавшейся *Могилянскою*, — такъ и въ исторіи книгопечатанія Кіевскаго. Типографы Печерскіе привѣтствовали митрополитство своего архимандрита, 1633 года 5 Іюля, книжкою *Евфонія веселобрмячая*, состоящею изъ довольно длиннаго стихотворнаго акростиха; а ученики Могилинской *гимназіи*, уже присоединенной къ Богоявленской школѣ, воспѣли митрополитство своего протектора Польскими стихами, напечатанными тогда же въ Лаврѣ, подъ названіемъ *Mnemosyne*. Этими двумя книжками, въ 1633 году, начался *второй періодъ* Кіевскаго книгопечатанія, который можно вести до Лаврскаго пожара въ 1717 году.

ГЛАВА VI.

ЛАТИНО-ПОЛЬСКІЯ СОЧИНЕНІЯ ПИСАТЕЛЕЙ МАЛОРОССІЙСКИХЪ.

Съ вышепомянутой *Мнемозины* начинается рядъ Кіевскихъ книгъ на Польскомъ и на Латинскомъ языкахъ, которыхъ издано, кажется, шесть, въ митрополитство Петра Могилы, имъ самимъ и его питомцами.

I. Mnemosyne. 1633, въ 4.

Вотъ имена студентовъ, подписанныя подъ стихотвореніями:

1. Александръ Тишкевичъ.
2. Георгій Тиша.
3. Іоаннъ Тиша.
4. Самуель Мужиловскій.
5. Адамъ Тиша.
6. Филонъ Яковскій.
7. Филипъ Константиновичъ.
8. Тимоѳій Княгининкій.
9. Стефанъ Бабиевскій.
10. Захарія Березецкій.
11. Андрей Гродецкій.
12. Порфирій Кирдчевскій.
13. Василій Вѣтрицкій.

Число студентовъ взято по числу буквъ въ имени PIOTR MOHILA. Каждая буква изображена какимъ либо предметомъ (напрым. I колонною, O зодіакальнымъ кругомъ), и каждый предметъ воспѣтъ въ особомъ стихотвореніи съ примѣненіемъ къ Кіевскому меценату.

II. **Exegesis.** Сильвестра Коссова, 1635, въ 8.

III. **Paterik,** его же. 1635, въ 4.

IV. **Тератургима.** Аоонасія Кальнофойскаго, 1638, въ 4.

V. **Mowa Duchowna,** Петра Могилы, на бракосочетаніе князя Януша Радзивила. 1645, въ 4.

VI. **Lithos,** 1645, въ 4, изданный Петромъ Могилою, подъ псевдонимомъ *Евсевія Пимена.*

Къ этимъ изданіямъ, имѣвшихъ въ свое время большую значительность, мы возвратимся послѣ; а здѣсь замѣтимъ, что, по примѣру Кіева, печатались Латино-Польскія изданія и въ Черниговѣ, и Новгородсѣверскѣ, въ послѣдней четверти 17-го вѣка. Таковы напримѣръ:

VII. **Nalaśnieyszа nieba y ziemie Cariса Panna Matka Matka Panna Marya,** od **Lazarza Baranowicza Slawiona.** Черниговъ. 1683 Дек. 22. въ л. (24 л.)

Листъ второй занятъ посвященіемъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, на Славянскомъ языкѣ. За тѣмъ идетъ самое пѣснопѣніе Польскими стихами, съ текстами Славянскими, и кое-гдѣ со стихами Латинскими. Наход. въ библіотекѣ кн. Оболенскаго (въ сборникѣ Величка).

VIII. Стихотвореніе на Польскомъ языкѣ въ честь *Лазаря Барановича*, отъ *товариства кунишу типографскаго*; съ подписью на самомъ концѣ: »Lucubratiuncula *Ioannis Wieliczkowski.*«

Эта брошюра, какъ видно, напечатана *въ Черниговѣ*, въ листъ: всего 5 листовъ, кромѣ заглавнаго, утраченнаго въ видѣнномъ мною экземплярѣ, у кн. Оболенскаго. Въ началѣ заставочная полоса съ изображеніемъ агнца, и съ надписью Славянскою »Агнецъ Божій.« За тѣмъ слѣдуетъ текстъ: »Jeśli ziarno pszeniczne...« и т. д. Находится въ сборникѣ Величка.

Впрочемъ не духовные предметы собственно любила воспѣвать Латино-Польская муза у Малороссіянъ: она преимущественно трудилась надъ *панигириками* разнымъ сановнымъ людямъ, свѣтскимъ и духовнымъ: и сколько

Рускаго дарованія истратилось въ нихъ по пусту! Но можно порадоваться по крайней мѣрѣ тому, что вся эта безпредѣльная лесть, весь этотъ холодный, риторическій, стеклянный блескъ ума и слова выражался по-Польски и по-Латынѣ, а не языкомъ Южнорускимъ. Вышеномянутая *Мнемозина* была зерномъ, изъ котораго подъ исходъ 17-го вѣка выросъ у насъ цѣлый лѣсокъ панигириковъ, до сихъ поръ еще невѣдомый для Руской библіографіи: надо же ей и съ нимъ ознакомиться! Охотники до чтенія въ тѣ поры сбирали эти панигирики, и обыкновенно переплетали ихъ въ особые сборники, изъ которыхъ назову здѣсь два: одинъ, принадлежавшій прежде Полковому Переяславскому судьѣ *Лисеневичу*, я встрѣтилъ въ селѣ Сушкахъ, Золотоношскаго уѣзда, у *И. С. Романовскаго*; другой сборникъ, особенно замѣчательный тѣмъ, что онъ принадлежалъ извѣстному лѣтописателю *Самуилу Величку* и содержитъ въ себѣ подлинникомъ нѣсколько панигириковъ ненапечатанныхъ, я видѣлъ въ Москвѣ, въ богатой рѣдкостями библіотекѣ *князя М. А. Оболенскаго*.

IX. **Czyhirin pograniczne miasto w ciężkim oblężeniu Tureckim roku 1677**, za szczęściem Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, triumfujące. *Въ типографіи Новгородсѣверской*, 1678, въ 4.

Это пѣснопѣніе *Александра Бучинскаго*, Польскими стихами, въ честь гетмана Самойловича; воспѣвается знаменитая осада Чигирина. На оборотѣ заглавнаго листа изображенъ гербъ Запорожскаго войска. Находится въ библіотекѣ К. К. Свидзинскаго.

X. **Trybut jaśnie wielmożnemu Jego mości panu Janowi Samuylowiczowi**, и проч. *Въ Кіевопечерской* типографіи, 1686, въ л.

Это панигирикъ гетману Самойловичу отъ *Коллегіатовъ* Кіевомогилянскихъ. Послѣ посвященія, которое, по обыкновенію на 2-хъ листахъ, идетъ Латинскою прозою *Triumphus Palladis*, а потомъ Польскими стихами *Acclamatio Musarum*, подъ которыми подписался: Magister grammatices *Paulus Baraniecki*.

На оборотѣ заглавнаго листа изображена *Паллада*: она ѣдетъ въ свой храмъ на колесницѣ, везомой Пегасомъ; въ правой

рукѣ держитъ свой щитъ, а въ лѣвой знамя, на которомъ *три креста* (гербъ Самойловича) и надпись: sub hoc signo triumphat. Находится въ сборникѣ Романовскаго.

О панигирикахъ Стефана Яворскаго и о времени его префектства.

Первенство между Малороссійскими панигиристами принадлежитъ, безспорно, Стефану *Яворскому*. Извѣстно, что по возвращеніи изъ чужестранныхъ училищь въ Кіевъ, онъ такъ прославился здѣсь искуствомъ слагать Латинскіе и Польскіе стихи, что удостоился почести *Лавроносного Піита*. Извѣстно также, что онъ писалъ похвалы разнымъ лицамъ; но доселѣ, кажется, неизвѣстностью покрыто то, какія же именно были эти похвалы, и особенно тѣ, какія написалъ онъ въ первой, цвѣтущей норѣ своего стихотворства.

XI. Hercules post Atlantem infracto virtutum robore honorarium pondus sustinens. Напеч. *въ Черниговѣ*, въ л.

Годъ изданія не означенъ; но онъ (1684) опредѣляется временемъ избранія *Варлаама Ясинскаго* въ Печерскіе архимандриты послѣ *Иннокентія Гизеля*: это и значитъ »Геркулесъ послѣ Атланта«. Вѣроятно, это первый печатный панигирикъ Яворскаго, который и не означилъ на немъ прямо своего имени, а сказался затѣйливыми полустишіями, на заглавномъ листѣ и въ концѣ посвященія:

»Iam tibi, mi Lector, supra mea nomina dixi:
Nam platanum baculo junge, sciesque virum!«

(Platanus *яворъ*, baculus *кій*.)

Яворскій изображаетъ, Латинскими стихами и прозою, и стихами Польскими, доблесть и подвиги своего благодѣтеля. Мы отсюда узнаемъ, чего не знали прежде: что Ясинскій, по окончаніи наукъ въ Кіевской коллегіи, отправлялся учиться въ коллегію Краковскую, и тамъ, не смотря на всѣ предстоявшія ему трудности увѣнчался *философскимъ колпакомъ*. Видно также, что Ясинскій отказавшись отъ ректорства въ коллегіи (1663 года), былъ до избранія въ архимандриты Печерскіе настоятелемъ *Пустынниколаевскаго монастыря*, а не *Михайловскаго*, какъ пишутъ обыкновенно историки. Панигирикъ этотъ находится въ сборникѣ Романовскаго (на 19 листахъ).

XII. **Echo głosu wołaiącego na puszczy.** Напечат. *въ Кіевѣ*, 1689, въ л.

Это панигирикъ гетману Мазепѣ, украшенный гербомъ его на оборотѣ заглавнаго листа, да въ текстѣ еще шесть изображеній разныхъ частей того же герба, съ эмблематическою ихъ обстановкою: работы знаменитаго въ ту пору Кіевскаго гравера *J. S.*, т. е. *Іосифа Щирскаго*. На этомъ панигирикѣ подписанъ *Симеонъ Яворскій* — »artium liberalium et philosophiae magister, consummatus theologus« И такъ Яворскій въ 1689 году не былъ еще монахомъ. Воображалъ ли будущій блюститель патріаршаго Всероссійскаго престола, сочиняя это громозвучное *Эхо*, что через 20 лѣтъ ему придется писать отъ лица всей Россіи стихи на того же Мазепу, какъ на измѣнника, преданнаго анаѳемѣ церковной!....

Еще и въ 1698 году, Яворскій посвятилъ Мазепѣ свое *Весельное казаніе, при благословенномъ вѣнчаніи Іоанна съ Обидова Обидовскаго*, стольника *и полковника Нѣжинскаго*, въ церкви *Свято-Троецкой Батуринской*, названное *Виноградъ Христовъ*.

Тамъ, въ гербу Мазепы, написалъ онъ слѣдующее восьмистишіе:

»Зри водъ крѣпко въ Россіи Вѣра стоитъ свята,
Ей же не одолѣютъ и злоба врата,
Крестъ на котлѣ утвержденъ, при двою свѣтилу
Сію Вѣры святой являютъ силу.
Всуе устремляются злочестивыхъ рѣки,
Крестъ на котлѣ недвижимъ будетъ во вѣки.
И сама нощь князя тмы ничтоже успѣетъ:
Зари свѣтилъ небесныхъ при крестѣ всегда свѣтъ.«

Этотъ *Виноградъ*, въ собственноручномъ подлинникѣ Яворскаго, принадлежитъ сборнику Самоила Величка; а печатное *Эхо* видѣлъ я въ сборникѣ Романовскаго.

XIII. **Arctos** (въ Кіевѣ, 1690) въ л.

Панигирикъ на избраніе Варлаама *Ясинскаго* въ митрополиты Кіевскіе, состоитъ изъ четырехъ акростиховъ, Польскими стихами; передъ каждымъ похвала на Латинскомъ языкѣ, стихами и прозою. Одна изъ этихъ похвалъ состоитъ въ бесѣдѣ стихотворца съ эхомъ, представляющей игру Латинскимъ языкомъ; напримѣръ:

»Dic identidem loquax dialogista Echo,
Quem illa electionis dies caelitus implorabat
Per suum divum Justinum Philosophum? *Sophum.* *

*—Вольное избраніе архимандрита Варлаама Ясинскаго въ митрополиты Кіевскіе происходило въ Софійскомъ соборѣ, Іюня 1-го, въ день св. Іустина Философа.

Sophum certe implorabat fascibus viduatae Sophiae
Ut par pari gauderet, *auderet.*
Gemit enim honorarius Scipio, si indignis manibus tangitur, *angitur*,
Et non firmatis Sapientia humeris:
Quid quaeso est Thronus? *Onus.*«

Къ сожалѣнію, въ моемъ экземплярѣ этого *Арктоса*, также какъ и въ принадлежащемъ къ сборнику Величка, утраченъ заглавный листъ (безъ него текстъ на 25 листахъ). Однако по содержанію видно, что этотъ панигирикъ приготовленъ къ возвращенію митрополита Варлаама изъ Москвы, бывшему въ Ноябрѣ 1690 года. Конечно тогда же Яворскій былъ постриженъ въ монахи, ибо онъ подписанъ здѣсь такъ: »pedisequus cliens ac mancipium *Stephanus Jaworski.*«

XIV. Pelnia nieubywaiącey chwały w herbowym xiężycu. Напеч. *въ Кіевь,* 1691, въ л. (на 37 листахъ).

Это самый замѣчательный и великолѣпный панигирикъ Яворскаго, которымъ онъ привѣтствовалъ митрополита Варлаама въ день ангела его. 19 Ноября, 1691 года. Тутъ воспѣты сначала *три* преподобныхъ Варлаама: Варлаамъ пустынножитель, Варлаамъ мученикъ и Варлаамъ Печерскій; а потомъ уже идетъ пѣснопѣніе Варлааму Ясинскому.

Украшенъ четырьмя изображеніями отличной гравировки, новоприбывшаго изъ Вильны въ Кіевъ художника *Льва Тарасевича.*[7] Находится въ обоихъ сборникахъ.

По предыдущему панигирику мы опредѣлили годъ постриженія Яворскаго въ монахи; а теперь опредѣлимъ его префектство въ Кіевской коллегіи.

У митрополита Евгенія, въ *краткомъ извѣстіи о Кіевской академіи,* (въ Прибавл. къ Опис. Соч. соб. с. 228) сказано, что Стефанъ Яворскій поступилъ въ префекты и философіи учителя »1700 года, и того же года въ Москвѣ посвященъ въ митрополита Рязанскаго.« Эти слова повторилъ и о. Макарій, въ *Исторіи Кіев. Академіи* (Спб. 1843. стр. 160), относя префектство Яворскаго къ 3 періоду Академіи. Тамъ же (стр. 55), историкъ приписываетъ Яворскому курсъ Риторики, уцѣлѣвшій въ рукописяхъ подъ названіемъ »*Concha*, 1698,« говоря, что Яворскій »именно въ эти послѣдніе годы преподавалъ здѣсь Словесность.« Нѣтъ, все это было не такъ: въ эти годы Яворскій совсѣмъ уже не преподавалъ въ академіи; а былъ игуменомъ Пустынно-Николаевскимъ, на мѣсто Іосафа Кроковскаго, избраннаго

[7]—Онъ прибылъ въ Кіевъ 1690 года, скончался 1703 года. Его работа особенно замѣчательна въ изданіи Патерика 1702 года; (впрочемъ есть изданіе того же года и съ обыкновенными древорѣзными изображеніями). Братъ его *Александръ Тарасевичъ* тоже былъ граверомъ Печерскимъ съ 1688 года.

въ Печерскіе архимандриты *1697 года*, *25 Марта*. Риторику Яворскій преподавалъ въ коллегіи, конечно только до 1692 года; а въ этомъ году онъ былъ уже префектомъ и философіи учителемъ, на мѣсто *Сильвана Озерскаго*. Это ясно видно изъ его титула на панигирикѣ *Pelnia*: »іеромонаха Стефана Яворскаго, *префекта школъ Кіевомогилянскихъ и Философіи професcора*.« А на вышепомянутомъ Виноградѣ, *въ Генварь 1698 года*, онъ подписался: »іеромонахомъ, *игуменомъ* монастыря *Святониколъскаго Пустынного Кіевского*.«

О панигирикахъ Филиппа Орлика.

Лицо слишкомъ извѣстное въ исторіи: любимецъ Мазепы, бывшій подъ конецъ его гетманства генеральнымъ писаремъ; а по смерти его, получившій гетманскую булаву отъ Карла XII-го подъ Бендерами. Послѣ того онъ, считаясь Запорожскимъ гетманомъ, четверть вѣка еще мыкался по свѣту и помыкалъ Запорожскою Сѣчью, находившеюся тогда подъ властью Крымской орды. Но когда Орликъ поступилъ на службу въ Запорожское войско, объ этомъ не совсѣмъ точное понятіе можно составить себѣ изъ сказанія Конискаго о построеніи крѣпости *Орлика* на р. Синюхѣ въ 1691 году. Достовѣрнѣе, что Филиппъ Орликъ въ 1695 году писалъ Польскіе стихи въ Вильнѣ; а въ 1698-мъ, не покидая стихотворства, служилъ консисторскимъ писаремъ въ Кіевѣ. Эти новыя извѣстія объ немъ, какъ о стихотворцѣ и консисторскимъ писарѣ, открываются изъ слѣдующихъ двухъ панигириковъ его.

XV. Alcides Rossyjski, triumfalnym laurem ukoronowany. Напечат. *въ Вильнѣ*, 1695, въ л.

Этотъ *Алкидъ Россійскій*, панигирикъ гетману Мазепѣ, воспѣваетъ взятіе Кизикермена, Тавани, Асламгородка, и другихъ Турецкихъ крѣпостей, бывшее 1695 года; а также и побѣду надъ »Крымскою Гидрою« одержанную 3 Августа 1694 года »двумя Рускими Гекторами« (такъ названы у Орлика главные виновники той побѣды: Семенъ *Палѣй* и полковникъ Кіевскій *Мокіевскій*). Доведя свой панигирикъ до »Nec plus ultra« Орликъ въ заключеніе Латинскою прозою возглашаетъ объ томъ, что сдѣлано »вѣлечнымъ Россійскимъ Алкидомъ« въ пользу Южнорусскихъ монастырей. Тутъ узнаемъ съ любопытствомъ, что гетманъ

въ Кіевѣ обвелъ каменною стѣною Печерскую Лавру, *позолотилъ верхъ Печерской церкви,* построилъ каменныя церкви въ Никольскомъ и Братскомъ монастыряхъ — еще *до 1696 года.*

На оборотѣ заглавнаго листа изображеніе полнаго герба Мазепы, съ Польскимъ восьмистишіемъ внизу. Находится въ обоихъ Сборникахъ.

XVI. **Hippomenes Sarmacki.** Печат. *въ Кіевѣ,* 1698, въ л.

Это панигирикъ на бракъ стольника Ивана Обѣдовскаго съ Анною Кочубеевною. Филиппъ Орликъ подписался на немъ: писаремъ консисторскимъ митрополіи Кіевской. На оборотѣ заглавнаго листа гербъ Обѣдовскихъ, съ 12-стишіемъ Польскимъ; а въ текстѣ (на 17 и 19 л.) двѣ картинки, гравировки I. S. (Іосифа Щирскаго). Вторая картинка представляетъ залу, украшенную частями герба Мазепы (дяди Обѣдовскаго); а посрединѣ на столѣ два сердца, связуемыя золотою цѣпью, двумя купидонами, возлѣ стола стоящими. Находится въ сборникѣ Величка.

О панигирикахъ Іоанна Орновскаго.

Іоаннъ Орновскій, піита Черниговскій, началъ печатать свои панигирики, будучи еще *аудиторомъ елоквенціи:* такъ онъ подписался на панигирикѣ.

XVII. **Niebeski Merkuriusz.** въ л.

Написанъ въ честь Станислава Голинскаго; но за утратою заглавнаго листа не видно, гдѣ (не въ Краковѣ-ли?) и въ которомъ году напечатанъ. Находится въ сборникѣ Романовскаго.

XVIII. **Muza Roxolanska** o trimfalney sławie y fortunie.... Напечат. *въ Черниговѣ,* 1688 въ л.

Эта Роксоланская Муза, въ честь гетмана Мазепы, украшена первоначальнымъ, неполнымъ его гербомъ, на оборотѣ своего заглавнаго листа. Находится въ сборникѣ Романовскаго.

XIX. **Bogata drogich kamieniy Speza.** Напечат. *въ Черниговѣ,* 1693, въ л.

Въ честь стольника Ивана Обѣдовскаго. На оборотѣ заглавнаго листа долженъ быть гербъ его, а на слѣдующей страницѣ какая-то картина; но на обоихъ мнѣ извѣстныхъ экземплярахъ (въ сборн. Роман. и въ сборн. Величка) находятся только пробѣлы, оставленные для оттисковъ.

XX. Bagaty wirydarz. Напечат. *въ Кіевопечерской* типографіи, 1705, въ л.

Этотъ панигирикъ, написанный въ честь стольника и Харьковскаго полковника *Өедора Захаржевскаго*, * украшенъ гравированными изображеніями герба Захаржевскаго и проч. Находится въ библіотекѣ Сандзинскаго.

XXI. Theatrum perennis gloriae. Напечат. *въ Черниговѣ*, 1699, въ л.

Этотъ панигирикъ въ честь гетмана Мазепы сочиненъ *Петромъ Армашенкомъ*. Находится въ библіотекѣ Сандзинскаго.

Но оставимъ на время Латинопольскую Музу нашихъ Малороссійскихъ піитовъ и риторовъ, и возвратимся къ Славянорускимъ изданіямъ, выходившимъ изъ Кіевопечерской типографіи съ 1633 по 1717 годъ включительно.

1850. М.

М. МАКСИМОВИЧЪ.

(Продолженіе впредь).

* — Фамильное имя Харьковскаго полковника встарину, напримѣръ въ Помянникахъ Печерскихъ, писали по-Руски: *Захаревскій*.

О ДВУХЪ
ДРЕВНѢЙШИХЪ СВЯТЫНЯХЪ КІЕВА:
МОЩАХЪ СВ. КЛИМЕНТА И КРЕСТѢ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ.

Съ христіанскимъ просвѣщеніемъ Россіи связывается сказаніе о мощахъ святаго Климента, архіепископа Римскаго. Мощи этого мученика, обрѣтенные въ водахъ морскихъ, были перенесены оттуда и положены въ Греческомъ городѣ Корсунѣ. Когда великій князь Владиміръ, свыше озаренный благодатію, ощутилъ необходимость крещенія и принялъ оное отъ Греческаго духовенства въ Корсунѣ, то, отправляясь обратно въ отечество на великое дѣло просвѣщенія своей земли, онъ »поемъ.... попы Корсуньски, *съ мощми святаго Климента и Фифа ученика его*, поима съсуды церковьныя, иконы — *на благословенье себѣ.*« [1]

Такимъ образомъ Владиміръ Святой перенесъ изъ Корсуня въ Кіевъ мощи Климента, призывая въ помощь духовнаго обращенія Руси его святое содѣйствіе. Здѣсь они были положены въ храмѣ Пресвятой Богородицы Десятинномъ, въ который Владиміръ Великій »вдавъ все еже бѣ взялъ въ Корсуни.« [2] Это показаніе нашего древняго лѣтописца, вполнѣ заслуживающее всякаго довѣрія, пріобрѣтаетъ еще большую несомнѣнность, будучи подтверждено слѣдующими двумя свидѣтельствами.

Изъ одного слова 12-го вѣка, произнесеннаго при возобновленіи Десятинной церкви, видно, что мощи святаго

[1] Пол. Собр. Лѣт. т. 1., стр. 50. [2] Тамъ же, стр. 52.

Климента находились въ этомъ храмѣ, и притомъ не часть мощей, а цѣлое всечестное тѣло святаго мученика. Слѣдовательно, теперь несомнѣнно, что въ Римъ была принесена Кирилломъ Философомъ только часть мощей Климента, епископа Римскаго. Сверхъ того въ Кіевской лѣтописи подъ 1147 годомъ разсказывается: «когда великій князь Изяславъ повелѣлъ Рускимъ епископамъ поставить въ митрополита Климента Смолятича, безъ сношеній съ Константинопольскимъ патріархомъ; и когда по этому случаю возникъ между Рускимъ духовенствомъ споръ, тогда епископъ Черниговскій сказалъ: «мы можемъ избраннаго поставить главою святаго Климента, подобно тому, какъ Греки поставляютъ рукою Іоанна Крестителя.» — «И тако сгадавше епископи, *главою святаго Климента* поставиша митрополитомъ.» [8]

Мощи Климента архіепископа Римскаго, какъ перваго святаго заступника новообращенной Руси, пріобрѣли въ народѣ особенную любовь и уваженіе. Въ первое время христіанскаго освященія, чувство народной набожности и благоговѣнія проявляется съ необыкновенною теплотою и живостію; а мощи святаго Климента были первою святынею, принесенною въ Русь, которая еще не могла указать на своихъ отечественныхъ Святыхъ. Вотъ почему народъ отвсюду сталъ стекаться къ этой святынѣ, которая была единственнымъ утѣшеніемъ въ жизни новыхъ христіанъ. Здѣсь они принимали дары исцѣленій и благодать духовнаго укрѣпленія. По всей обширной землѣ Руской созидались во имя святаго Климента богато-украшенные храмы, которые встрѣчаемъ во всѣхъ древнихъ городахъ нашихъ: въ Кіевѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Москвѣ и другихъ.

Такое уваженіе къ памяти святаго Климента, сохранившееся до сихъ поръ въ нашемъ народѣ, придаетъ важность и знаменательность всякому памятнику, свидѣтельствующему о мощахъ этого святаго мученика. Но особен-

[8] —Ипатьевск. Л., стр. 9—30.

но должны быть драгоцѣнны подобные памятники для Кіевлянъ, по связи имени святаго Климента съ судьбой Десятинной церкви. *

Родившись недалеко отъ Кіева, происходя отъ Кіевскихъ князей, имѣя въ родовомъ гербѣ своемъ гербъ Кіевскій—Архангела Михаила, и питая, вмѣстѣ съ Кіевлянами, благоговѣйное чувство къ памяти святаго Климента, я съ давняго времени собираю въ подлинникахъ и копіяхъ всѣ памятники, связанные съ именемъ этого священномученика. М. А. Максимовичъ, при обозрѣніи моего собранія рукописей, обратилъ особенное вниманіе на слѣдующіе три памятника:

a) Сказаніе святаго Кирилла, просвѣтителя Славянъ, объ обрѣтеніи мощей святаго Климента епископа Римскаго;

b) Похвала святому Клименту, написанная Климентомъ епископомъ Славянскимъ;

c) Слово, говоренное въ 12-мъ столѣтіи при обновленіи храма Пресвятой Богородицы Десятиннаго; — и просилъ сообщить о нихъ свѣдѣнія: что я и дѣлаю, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что свѣдѣнія эти появятся на листахъ »Кіевлянина«.

Первое изъ указанныхъ сочиненій особенно важно потому, что никому другому не можетъ быть приписано, какъ святому Кириллу Философу; а всякое новое указаніе на благотворную дѣятельность этого Славянскаго просвѣтителя, драгоцѣнно. Объ этомъ сочиненіи святаго Кирилла упоминается въ Паннонскомъ его житіи, писанномъ во время близкое къ этому святителю.

Здѣсь говорится: »Тогда жъ пути ся ять и дошедъ *Хор»суня*, научися ту жидовскыи бесѣдѣ и книгамъ осмь части »грамотикіа преложь и отъ того разумъ большій въсприимя. »Самарянинъ нѣкто ту живашъ и, приходя къ нему, стяза-

* —Дитмаръ въ своей Хроникѣ называетъ Десятинную церковь *храмомъ святаго Климента.*

»несся съ нимъ, и принесе книгы Самарѣйскы и показа ему. »Слышавъ же, яко святый Климентъ еще въ мори лежитъ, »помолився, рече: вѣрую въ Бога и на святаго Климента »надѣюся, яжъ обрѣсти имамъ мощи его и изнести изъ мо»ря. Убѣждь же архіепископа и съ клиросомъ всѣмъ и го»вѣины мужа. И всѣдше въ корабля и идоша на мѣсто »утишьшгося морю велми и дошедши начаша копати поюще. Тогдажь бысь воня веліа, яко кандилъ многъ, и по »семъ явишась святыя мощи; яжъ въземше съ великою че»стію и славою, и вси священницы и гражане вънесоша »ихъ въ градъ, *якожъ пишетъ въ обрѣтеніи его*;« т. е., какъ пишетъ самъ Кириллъ Философъ въ своемъ сказаніи объ обрѣтеніи мощей святаго Климента. Свидѣтельство свое сочинитель Паннонскаго Кириллова житія заимствуетъ прямо изъ упомянутаго нами сказанія очевидца обрѣтенію мощей св. Климента; и такъ это послѣднее несомнѣнно есть произведеніе св. Кирилла. Это сказаніе находится въ принадлежащей мнѣ Четьи-Минеѣ мѣсяца генваря, рукописи 15-го вѣка, въ листъ, писанной въ два столбца полууставомъ на 650 листахъ. Оно помѣщено также въ Великихъ Макарьевскихъ Четьихъ-Минеяхъ, хранящихся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (мѣсяцъ генварь, подъ 23 числомъ, стр. 1477), и въ рукописной Четьи-Минеѣ (того же мѣсяца), принадлежащей библіотекѣ Московской Духовной Академіи. М. П. Погодинъ сообщилъ мнѣ списокъ съ этой послѣдней Минеи, сдѣланный А. В. Горскимъ, за что я приношу ему мою искреннюю благодарность. Изъ сличенія этихъ рукописей оказалось, что сказаніе, находящееся въ моей Четьи-Минеѣ, совершенно сходно со спискомъ А. В. Горскаго; относительно же сказанія, помѣщеннаго въ Минеяхъ Успенскаго собора, должно замѣтить, что слогъ его гораздо новѣе, и сверхъ того, къ нему присоединено заключеніе, котораго нѣтъ въ моемъ и академическомъ спискахъ, по слогу древнѣйшихъ. Сказаніе озаглавлено такъ: *Мѣсяца генваря въ 30 д., Слово на пренесеніе мощемъ преслав-*

наго Климента, историческую имуще бесѣду, яко христовою помощію въ шестии тысуща (въ рук. Моск. Дух. Акад. и въ Чет. Мин. Успенск. соб: »въ 4 тысуща«) *369 лѣто, изыскавшемъ его любезнѣ и вѣрно, якожъ изъ инѣхъ, въ Понтѣ вожія.* Начало: *Въ обрѣтіе мощий святыхъ славнаго Климента....*

Второе сочиненіе: похвальное слово св. Клименту епископу Римскому — не менѣе важно. Въ этомъ памятникѣ наша историческая литература имѣетъ древнее Славянское сочиненіе, принадлежащее епископу Болгарскому Клименту, ученику св. Меѳодія; слѣдовательно драгоцѣнное для насъ и по древности и по имени сочинителя. Это похвальное слово сохранилось въ различныхъ древнихъ памятникахъ; въ однихъ оно встрѣчается въ наиболѣе древнѣйшемъ видѣ, въ другихъ поновлено позднѣйшими переписчиками. Древнѣйшій текстъ »Похвалы св. Клименту« находится въ Великихъ Макарьевскихъ Четьихъ-Минеяхъ (мѣсяцъ ноябрь, стр. 2300), принадлежащихъ Московскому Успенскому собору, и въ Четьихъ-Минеяхъ (за тотъ же мѣсяцъ) библіотеки Чудова монастыря; а текстъ поновленный находится въ рукописномъ Сборникѣ 1603 года, который хранится въ библіотекѣ почетнаго гражданина И. И. Царскаго (подъ № 743.). Слово это озаглавлено такъ: *Похвала святому Клименту, патріарху Римьскому, написана Климентомъ епископомъ.* Начало: *Небо радуется и веселится свѣтообразными звѣздами украшено....*

Наконецъ послѣднее слово заслуживаетъ особеннаго вниманія ученыхъ не только по древности своей, ибо принадлежитъ къ 12-му вѣку, но и по самому содержанію. Оно живо рисуетъ предъ нами то время, когда стольный градъ Кіевъ занималъ первое мѣсто въ исторіи нашего отечества. Проповѣдникъ говоритъ слово при обновленіи Десятиннаго храма въ Кіевѣ; онъ обращается къ великому князю, и, похваляя его усердіе, воспоминаетъ великую ревность

о Христѣ, праотца его, Владиміра Святаго, указываетъ на гробницу этого послѣдняго и на священныя мощи Климента Римскаго, какъ на драгоцѣннѣйшія святыни, ввѣренныя Десятинному храму. Такое изложеніе придаетъ необыкновенную живость слову и переноситъ читателя въ самый храмъ, гдѣ оно произносилось въ присутствіи великаго князя.

Это слово, къ сожалѣнію, сохранилось вполнѣ только въ моемъ сборникѣ (лист. 236 обор.—250). Въ Макарьевскихъ Четьихъ-Минеяхъ Успенскаго собора (мѣсяцъ ноябрь, стр. 2288) и въ Четьихъ-Минеяхъ Чудова монастыря находимъ одно начало, конца же недостаетъ. Текстъ, предлагаемый моимъ сборникомъ, новѣе текста, помѣщеннаго въ Четьихъ-Минеяхъ; но онъ важенъ потому, что передаетъ памятникъ въ его полномъ видѣ. Должно замѣтить, что авторъ слова, сказаннаго при возобновленіи Кіевскаго храма Пресвятыя Богородицы, предлагая въ началѣ свѣдѣнія о св. Климентѣ по Греческимъ источникамъ, или на основаніи древнѣйшихъ Болгарскихъ переводовъ съ нихъ, въ заключеніи говоритъ отъ себя. Слѣдовательно окончаніе слова есть произведеніе Руское, что безъ сомнѣнія придаетъ еще большее значеніе тексту, сохранившемуся въ моемъ сборникѣ, который писанъ въ 16-мъ вѣкѣ, въ листъ, полууставомъ на 619 листахъ. Слово озаглавлено такъ: *Въ той же день мученіе святаго Климента, патріарха Римскаго, четвертаго бывша по апостолѣ Петрѣ.* Начало: *Четвертый Римстіи церкви престолникъ бысть Климентъ, иже художествомъ апостолу Петру послѣдствова. . .*

Сообщаемъ окончаніе этого слова, какъ произведеніе Руское, заимствуя текстъ изъ нашего сборника:

Тако и сего церковнаго солнца, своего угодника, нашего же заступника, святаго реку достойно священномученика Климента; отъ Рима убо къ Херсонь, отъ Херсоня

въ Кіевѣ обвелъ каменною стѣною Печерскую Лавру, *позолотилъ верхъ Печерской церкви,* построилъ каменныя церкви въ Никольскомъ и Братскомъ монастыряхъ — еще *до 1696 года.*

На оборотѣ заглавнаго листа изображеніе полнаго герба Мазепы, съ Польскимъ восьмистишіемъ внизу. Находится въ обоихъ Сборникахъ.

XVI. Hippomenes Sarmacki. Печат. *въ Кіевѣ,* 1698, въ л.

Это панигирикъ на бракъ стольника Ивана Обѣдовскаго съ Анною Кочубеевною. Филиппъ Орликъ подписался на немъ: писаремъ консисторскимъ митрополіи Кіевской. На оборотѣ заглавнаго листа гербъ Обѣдовскихъ, съ 12-стишіемъ Польскимъ; а въ текстѣ (на 17 и 19 л.) двѣ картинки, гравировки I. S. (Іосифа Щирскаго). Вторая картинка представляетъ залу, украшенную частями герба Мазепы (дяди Обѣдовскаго); а посрединѣ на столѣ два сердца, связуемыя золотою цѣпью, двумя купидонами, возлѣ стола стоящими. Находится въ сборникѣ Величка.

О панигирикахъ Іоанна Орновскаго.

Іоаннъ Орновскій, піита Черниговскій, началъ печатать свои панигирики, будучи еще *аудиторомъ элоквенціи:* такъ онъ подписался на панигирикѣ.

XVII. Niebeski Merkuriusz. въ л.

Написанъ въ честь Станислава Голинскаго; но за утратою заглавнаго листа не видно, гдѣ (не въ Краковѣ-ли?) и въ которомъ году напечатанъ. Находится въ сборникѣ Романовскаго.

XVIII. Muza Roxolanska o trimfalney sławie y fortunie.... Напечат. *въ Черниговѣ,* 1688 въ л.

Эта Роксоланская Муза, въ честь гетмана Мазепы, украшена первоначальнымъ, неполнымъ его гербомъ, на оборотѣ своего заглавнаго листа. Находится въ сборникѣ Романовскаго.

XIX. Bogata drogich kamieniy Spcza. Напечат. *въ Черниговѣ,* 1693, въ л.

Въ честь стольника Ивана Обѣдовскаго. На оборотѣ заглавнаго листа долженъ быть гербъ его, а на слѣдующей страницѣ какая-то картина; но на обоихъ мнѣ извѣстныхъ экземплярахъ (въ сборн. Роман. и въ сборн. Величка) находятся только пробѣлы, оставленные для оттисковъ.

XX. Bagaty wirydarz. Напечат. *въ Кіевопечерской* типографіи, 1705, въ л.

Этотъ панигирикъ, написанный въ честь стольника и Харьковскаго полковника *Өедора Захаржевскаго,* * украшенъ гравированными изображеніями герба Захаржевскаго и проч. Находится въ библіотекѣ Свидзинскаго.

XXI. Theatrum perennis gloriae. Напечат. *въ Чернигове,* 1699, въ л.

Этотъ панигирикъ въ честь гетмана Мазепы сочиненъ *Петромъ Армашенкомъ.* Находится въ библіотекѣ Свидзинскаго.

Но оставимъ на время Латинопольскую Музу нашихъ Малороссійскихъ піитовъ и риторовъ, и возвратимся къ Славянорускимъ изданіямъ, выходившимъ изъ Кіевопечерской типографіи съ 1633 по 1717 годъ включительно.

1850. М.

М. МАКСИМОВИЧЪ.

(Продолженіе впредь).

* — Фамильное имя Харьковскаго полковника встарину, напримѣръ въ Помянникахъ Печерскихъ, писали по-Руски: *Захаревскій.*

О ДВУХЪ
ДРЕВНѢЙШИХЪ СВЯТЫНЯХЪ КІЕВА:
МОЩАХЪ СВ. КЛИМЕНТА И КРЕСТѢ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ.

Съ христіанскимъ просвѣщеніемъ Россіи связывается сказаніе о мощахъ святаго Климента, архіепископа Римскаго. Мощи этого мученика, обрѣтенные въ водахъ морскихъ, были перенесены оттуда и положены въ Греческомъ городѣ Корсунѣ. Когда великій князь Владиміръ, свыше озаренный благодатію, ощутилъ необходимость крещенія и принялъ оное отъ Греческаго духовенства въ Корсунѣ, то, отправляясь обратно въ отечество на великое дѣло просвѣщенія своей земли, онъ »поемъ.... попы Корсуньски, *съ мощми святаго Климента и Фифа ученика его*, поима съсуды церковьныя, иконы — *на благословенье себѣ.*« [1]

Такимъ образомъ Владиміръ Святой перенесъ изъ Корсуня въ Кіевъ мощи Климента, призывая въ помощь духовнаго обращенія Руси его святое содѣйствіе. Здѣсь они были положены въ храмѣ Пресвятой Богородицы Десятинномъ, въ который Владиміръ Великій »вдавъ все еже бѣ взялъ въ Корсуни.« [2] Это показаніе нашего древняго лѣтописца, вполнѣ заслуживающее всякаго довѣрія, пріобрѣтаетъ еще большую несомнѣнность, будучи подтверждено слѣдующими двумя свидѣтельствами.

Изъ одного слова 12-го вѣка, произнесеннаго при возобновленіи Десятинной церкви, видно, что мощи святаго

[1] Пол. Собр. Лѣт. т. 1., стр. 50. [2] Тамъ же, стр. 52.

Климента находились въ этомъ храмѣ, и притомъ не часть мощей, а цѣлое всечестное тѣло святаго мученика. Слѣдовательно, теперь несомнѣнно, что въ Римъ была принесена Кирилломъ Философомъ только часть мощей Климента, епископа Римскаго. Сверхъ того въ Кіевской лѣтописи подъ 1147 годомъ разсказывается: «когда великій князь Изяславъ повелѣлъ Рускимъ епископамъ поставить въ митрополита Климента Смолятича, безъ сношеній съ Константинопольскимъ патріархомъ; и когда по этому случаю возникъ между Рускимъ духовенствомъ споръ, тогда епископъ Черниговскій сказалъ: «мы можемъ избраннаго поставить главою святаго Климента, подобно тому, какъ Греки поставляютъ рукою Іоанна Крестителя.» — «И тако сгадавше епископи, *главою святаго Климента* поставиша митрополитомъ.» [a]

Мощи Климента архіепископа Римскаго, какъ перваго святаго заступника новообращенной Руси, пріобрѣли въ народѣ особенную любовь и уваженіе. Въ первое время христіанскаго освященія, чувство народной набожности и благоговѣнія проявляется съ необыкновенною теплотою и живостію; а мощи святаго Климента были первою святынею, принесенною въ Русь, которая еще не могла указать на своихъ отечественныхъ Святыхъ. Вотъ почему народъ отвсюду сталъ стекаться къ этой святынѣ, которая была единственнымъ утѣшеніемъ въ жизни новыхъ христіанъ. Здѣсь они принимали дары исцѣленій и благодать духовнаго укрѣпленія. По всей обширной землѣ Руской создались во имя святаго Климента богато-украшенные храмы, которые встрѣчаемъ во всѣхъ древнихъ городахъ нашихъ: въ Кіевѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Москвѣ и другихъ.

Такое уваженіе къ памяти святаго Климента, сохранившееся до сихъ поръ въ нашемъ народѣ, придаетъ важность и знаменательность всякому памятнику, свидѣтельствующему о мощахъ этого святаго мученика. Но особен-

[a] — Ипатьевск. Л., стр. 9—30.

но должны быть драгоцѣнны подобные памятники для Кіевлянъ, по связи имени святаго Климента съ судьбой Десятинной церкви. *

Родившись недалеко отъ Кіева, происходя отъ Кіевскихъ князей, имѣя въ родовомъ гербѣ своемъ гербъ Кіевскій—Архангела Михаила, и питая, вмѣстѣ съ Кіевлянами, благоговѣйное чувство къ памяти святаго Климента, я съ давняго времени собираю въ подлинникахъ и копіяхъ всѣ памятники, связанные съ именемъ этого священномученика. М. А. Максимовичъ, при обозрѣніи моего собранія рукописей, обратилъ особенное вниманіе на слѣдующіе три памятника:

а) Сказаніе святаго Кирилла, просвѣтителя Славянъ, объ обрѣтеніи мощей святаго Климента епископа Римскаго;

b) Похвала святому Клименту, написанная Климентомъ епископомъ Славянскимъ;

c) Слово, говоренное въ 12-мъ столѣтіи при обновленіи храма Пресвятой Богородицы Десятиннаго; — и просилъ сообщить о нихъ свѣдѣнія: что я и дѣлаю, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что свѣдѣнія эти появятся на листахъ »Кіевлянина«.

Первое изъ указанныхъ сочиненій особенно важно потому, что никому другому не можетъ быть приписано, какъ святому Кириллу Философу; а всякое новое указаніе на благотворную дѣятельность этого Славянскаго просвѣтителя, драгоцѣнно. Объ этомъ сочиненіи святаго Кирилла упоминается въ Паннонскомъ его житіи, писанномъ во время близкое къ этому святителю.

Здѣсь говорится: »Тогда жъ пути ся ятъ и дошедъ *Хор-*
»суня, научися ту жидовскыи бесѣдѣ и книгамъ осмь части
»грамотикія преложь и отъ того разумъ болшій въсприіимы.
»Самарянинъ нѣкто ту живашъ и, приходя къ нему, стяза-

*—Дитмаръ въ своей Хроникѣ называетъ Десятинную церковь *храмомъ святаго Климента*.

»шеся съ нимъ, и принесе книгы Самарѣйскы и показа ему. »Слышавъ же, яко святый Климентъ еще въ мори лежитъ, »помолився, рече: вѣрую въ Бога и на святаго Климента »надѣюся, яжъ обрѣсти имамъ мощи его и изнести изъ мо»ря. Убѣждь же архіепископа и съ клиросомъ всѣмъ и го»вѣины мужа. И всѣдше въ корабля и идоша на мѣсто »утишьшагося морю велми и дошедши начаша копати пою»ще. Тогдажъ бысь воня веліа, яко кандилъ многъ, и по »семъ явишась святыа мощи; яжъ въземше съ великою че»стію и славою, и вси священницы и гражане вынесоша »ихъ въ градъ, *якожъ пишетъ въ обрѣтеніи его;*« т. е., какъ пишетъ самъ Кириллъ Философъ въ своемъ сказаніи объ обрѣтеніи мощей святаго Климента. Свидѣтельство свое сочинитель Паннонскаго Кириллова житія заимствуетъ прямо изъ упомянутаго нами сказанія очевидца обрѣтенію мощей св. Климента; и такъ это послѣднее несомнѣнно есть произведеніе св. Кирилла. Это сказаніе находится въ принадлежащей мнѣ Четьи-Минеѣ мѣсяца генваря, рукописи 15-го вѣка, въ листъ, писанной въ два столбца полууставомъ на 650 листахъ. Оно помѣщено также въ Великихъ Макарьевскихъ Четьихъ-Минеяхъ, хранящихся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (мѣсяцъ генварь, подъ 23 числомъ, стр. 1477), и въ рукописной Четьи-Минеѣ (того же мѣсяца), принадлежащей библіотекѣ Московской Духовной Академіи. М. П. Погодинъ сообщилъ мнѣ списокъ съ этой послѣдней Минеи, сдѣланный А. В. Горскимъ, за что я приношу ему мою искреннюю благодарность. Изъ сличенія этихъ рукописей оказалось, что сказаніе, находящееся въ моей Четьи-Минеѣ, совершенно сходно со спискомъ А. В. Горскаго; относительно же сказанія, помѣщеннаго въ Минеяхъ Успенскаго собора, должно замѣтить, что слогъ его гораздо новѣе, и сверхъ того, къ нему присоединено заключеніе, котораго нѣтъ въ моемъ и академическомъ спискахъ, по слогу древнѣйшихъ. Сказаніе озаглавлено такъ: *Мѣсяца генваря въ 30 д., Слово на пренесеніе мощемъ преслав-*

наго Климента, историческую имуще бесѣду, яко христовою помощію въ шестии тысуща (въ рук. Моск. Дух. Акад. и въ Чет. Мин. Успенск. соб: »въ 4 тысуща«) *369 лѣто, изыскавшемъ его любезнѣ и вѣрно, якоже инъ иныхъ, въ Понтѣ возсіа.* Начало: *Въ обрѣтіе мощий святыхъ славнаго Климента....*

Второе сочиненіе: похвальное слово св. Клименту епископу Римскому — не менѣе важно. Въ этомъ памятникѣ наша историческая литература имѣетъ древнее Славянское сочиненіе, принадлежащее епископу Болгарскому Клименту, ученику св. Меѳодія; слѣдовательно драгоцѣнное для насъ и по древности и по имени сочинителя. Это похвальное слово сохранилось въ различныхъ древнихъ памятникахъ; въ однихъ оно встрѣчается въ наиболѣе древнѣйшемъ видѣ, въ другихъ поновлено позднѣйшими переписчиками. Древнѣйшій текстъ »Похвалы св. Клименту« находится въ Великихъ Макарьевскихъ Четьихъ-Минеяхъ (мѣсяцъ ноябрь, стр. 2300), принадлежащихъ Московскому Успенскому собору, и въ Четьихъ-Минеяхъ (за тотъ же мѣсяцъ) библіотеки Чудова монастыря; а текстъ поновленный находится въ рукописномъ Сборникѣ 1603 года, который хранится въ библіотекѣ почетнаго гражданина И. И. Царскаго (подъ № 743.). Слово это озаглавлено такъ: *Похвала святому Клименту, патріарху Римьскому, написана Климентомъ епископомъ.* Начало: *Небо радуется и веселится свѣтообразными звѣздами украшено....*

Наконецъ послѣднее слово заслуживаетъ особеннаго вниманія ученыхъ не только по древности своей, ибо принадлежитъ къ 12-му вѣку, но и по самому содержанію. Оно живо рисуетъ предъ нами то время, когда стольный градъ Кіевъ занималъ первое мѣсто въ исторіи нашего отечества. Проповѣдникъ говоритъ слово при обновленіи Десятиннаго храма въ Кіевѣ; онъ обращается къ великому князю, и, похваляя его усердіе, воспоминаетъ великую ревность

о Христѣ, праотца его, Владиміра Святаго, указываетъ на гробницу этого послѣдняго и на священныя мощи Климента Римскаго, какъ на драгоцѣннѣйшія святыни, ввѣренныя Десятинному храму. Такое изложеніе придаетъ необыкновенную живость слову и переноситъ читателя въ самый храмъ, гдѣ оно произносилось въ присутствіи великаго князя.

Это слово, къ сожалѣнію, сохранилось вполнѣ только въ моемъ сборникѣ (лист. 236 обор.—250). Въ Макарьевскихъ Четьихъ-Минеяхъ Успенскаго собора (мѣсяцъ ноябрь, стр. 2288) и въ Четьихъ-Минеяхъ Чудова монастыря находимъ одно начало, конца же недостаетъ. Текстъ, предлагаемый моимъ сборникомъ, новѣе текста, помѣщеннаго въ Четьихъ-Минеяхъ; но онъ важенъ потому, что передаетъ памятникъ въ его полномъ видѣ. Должно замѣтить, что авторъ слова, сказаннаго при возобновленіи Кіевскаго храма Пресвятыя Богородицы, предлагая въ началѣ свѣдѣнія о св. Климентѣ по Греческимъ источникамъ, или на основаніи древнѣйшихъ Болгарскихъ переводовъ съ нихъ, въ заключеніи говоритъ отъ себя. Слѣдовательно окончаніе слова есть произведеніе Руское, что безъ сомнѣнія придаетъ еще большее значеніе тексту, сохранившемуся въ моемъ сборникѣ, который писанъ въ 16-мъ вѣкѣ, въ листъ, полууставомъ на 619 листахъ. Слово озаглавлено такъ: *Въ той же день мученіе святаго Климента, патріарха Римскаго, четвертаго бывша по апостолѣ Петрѣ.* Начало: *Четвертый Римстіи церкви престолникъ бысть Климентъ, иже художествомъ апостолу Петру послѣдствова. . .*

Сообщаемъ окончаніе этого слова, какъ произведеніе Руское, заимствуя текстъ изъ нашего сборника:

Тако и сего церковнаго солнца, своего угодника, нашего же заступника, святаго реку достойно священномученика Климента; отъ Рима убо въ Херсонь, отъ Херсоня

въ нашю Рускую страну створи пріити Христосъ Богъ нашъ, преизобилною милостію въ наше вѣрныхъ спасеніе. Оле человѣколюбіе, благости неисчетна пучина! Не къ нетвеннымъ присным рабом створи своему угоднику пріити, но къ врагомъ и устушникомъ, о нихъ же речено бысть: пожроша сыны 'и дщери своя бѣсомъ; но да сбудется реченное: благодатію есте спасени, идѣ умножатся грѣси, ту преизлобилова благодать, идѣже бо жертвищы бѣсомъ быша, ту святыя церкви, славятъ Отца и Сына и Святаго Духа, еже пришествіемъ святаго Климента створися и утвердися. Тѣмъ же и мы, убѣгающе не възблагодатна, славимъ и хвалимъ и кланяемся въ Троицѣ посму Богу, благодаряще того вѣрнаго раба, иже умножи своего Господина талантъ, не токмо въ Римѣ, но всему и въ Херсонѣ, еще и въ Роустемъ мирѣ, ркуще къ нему: мученикомъ похвала, святителемъ удобреніе и неподвижимое основаніе церкви Христовой, ей же врата адова не удолѣютъ, и присный заступниче странѣ Роустей, и вѣлие преукрашенный славному и честному граду нашему и великій митрополіи же мати градомъ; тобою Рустіи князіи хвалятся, святители ликуютъ, іереи веселятся, мниси радуются, людіе добродушьствуютъ, приходяще теплою вѣрою къ твоимъ Христоносным костемъ, святьнию почрьпающе и хваляще Бога, възвращаются во свояси, освящающа домы и храмы и тѣлеса своя кропленіемъ, и мажющеся и инюда, пріемлютъ здравіе душамъ и тѣломъ твоими честными молитвами. Тѣмже по истинѣ всѣхъ градъ славнѣ, имѣя всечестное твое тѣло, и весело играетъ хвалню воспѣвая, якоже бо небо другое на земли истинно показася, владычня матере церкви божественная, въ нейже по истиннѣ честное твое тѣло лежа, аки солнце просвещаеть вселенную. О Апостоломъ сопрестольниче, Ангеломъ равночестне! Бѣси прогоними бывають и недузи отбѣгаютъ, рати безъ успѣха възвращаются, и еретицы проклинаются, преславная же вѣра възрастаеть паниаче, тобою обилнѣ наполняющеся, благодѣньствуемъ грѣховъ прощеніе тобою угод-

ниче Христовъ, надѣемся получити о упованіи жизни вѣчныя, юже буди намъ наслѣдовати, все пристрастіе отложащимъ, обоюду же добродѣтельми готовящимся. Но якоже сохранилъ еси отъ бессловесныхъ звѣрій нападенія отроча въ мори, тако и любящая тя отъ невидимыхъ звѣрій наподанія въ мірѣ сохраняй, христолюбивому же и вѣрному князю нашему полезная испроси, да къ нынѣшнему добропребыванію вѣчныхъ благихъ сподоблени будутъ. Тако прародителескъ добродѣтели обѣщникъ, церковь твою обновляя, якоже бо сего благороднаго благовѣрный праотецъ христолюбивый сій, по истинѣ же мученколюбецъ, со многимъ потщаніемъ, пребольшею вѣрою, оттуду бо долѣ любезно и благочестно принесе твоя пречестныя мощи, на освященіе и спасеніе себѣ же и всему роду своему, рекъ же и странѣ нашей, якожъ и вѣруемъ. Тако, и тый и апостольскій подобниче Клименте, твою изчадіе, гдѣ добро управлей, отсюду же со всѣми на небесная обителница принеси, сія убо, о преподобниче! молимъ твоимъ ученикомъ обрѣстися. Нынѣ же убо да веселуется, старѣйшинъствуя въ князехъ, яко блаженъ есть во истинну обладая скипетры твоими молбами, яко имѣя присно собою. Радуется старѣйшинствуя въ святителехъ, яко блаженъ есть прикасаяся твоея святости и люди верныя освящая. И да ликоствують гражане старѣйшинствующаго во градѣхъ града нашего, яко блажени суть твоимъ заступленіемъ, и яко суща воини с тобою. Да празднуетъ свѣтло блаженный твой клиросъ, яко старѣй всего клироса твоимъ ходатайствомъ, яко и свойственѣ тебѣ служа, да торжествують краснѣ чтущи твою память вѣрою и любовію, яко влажени суть милостыню нищимъ, яко ти помилованн будутъ. Треблаженъ по истинѣ ты явися, Клименте, иже за Троицу пострада, и тако научивъ створити; того ради Господомъ великъ наречется намъ недостойнымъ, иже бо являемо любиши своего блаженства богатно даруя, отче честный, подобя своему владыцѣ Христу любовію пріемля, яко убогія вдовица съ похвалою двѣ мѣдницы худоразумныи и грѣш-

ныя душа вѣрою принесеное, яжа дѣтища собрахомъ, худѣ твою великую хвалу чтуще. Ты же свыше посѣщай насъ милостію, яко достигъ обѣщанныхъ благъ, яже уготовалъ есть Богъ любящимъ его. По истинѣ блаженъ еси! того ради вся ны храни тебе любяща, и отци бо суть чадолюбці, не гнушаются младеньствующихъ при разумѣ и губнующи языкомъ, но паче любятъ и присвоютъ; того ради непотребныи языкы врагъ нынѣ понуженъ, благороднымъ богочестцомъ отъ многа мало написавъ, аще не почипувъ, яко грубъ сый, но надѣяся твоимъ честнымъ мольбамъ, архіерею честный Христовъ, и сподоби ны всегда съ всѣми благоугожешими тамошнихъ добротъ бессытости присно насыщатися. Мы же нынѣ единодушно, по твоего гласа ученію, славу и благодареніе возсылаемъ дарованнему тебѣ разумъ, богозваніе, и вѣру собности и теченіе свершити и отъ бѣдъ избавляти, нынѣ имя буде благословено самого владыки, единопреблагаго Бога нашего, въ Отцѣ и въ Святѣмъ Духѣ славимаго; нынѣ и присно во вся безконечныя и непроходимыя вѣки невечерняго дни въ вѣкы вѣкомъ, аминь.

Предложивъ свѣдѣнія о мощахъ святаго Климента, одной изъ драгоцѣннѣйшихъ святынь Кіева, мы съ великимъ удовольствіемъ сообщаемъ свидѣтельства и о другой святынѣ стольнаго города древней Руси.

Послѣ крещенія великой княгини Ольги, совершившагося въ Константинополѣ, Греческій патріархъ благословилъ ее крестомъ, который она принесла въ Кіевъ. Митрополитъ Иларіонъ, въ похвалѣ своей великому князю Владиміру, прямо говоритъ: »ты же и бабка твоя Ольга, принесшая крестъ изъ новаго Іерусалима—изъ Константинограда, и поставившая его въ землѣ своей;—вы утвердили вѣру.« По свидѣтельству Сербскаго Пролога, крестъ, принесенный Ольгою, былъ поставленъ въ алтарѣ св. Софіи, на правой сторонѣ.[6] Дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ это-

[6]—Прибавл. къ Твор. Св. Отцевъ 1844 г., кн. 2 и 3-я. Востокова: Описан. Румянц. Муз., стр. 452—453-я.

го креста историки не знали, Карамзинъ даже сомнѣвался въ его существованіи [6]; но преосвященный Филаретъ, авторъ «Исторіи Руской Церкви», справедливо опровергаетъ сомнѣнія исторіографа. [7] Достовѣрность факта о принесеніи великою княгинею Ольгою изъ Константинополя креста — неоспорима. Очень важно было бы опредѣлить, куда была взята святыня эта изъ Кіева, и гдѣ теперь находится. Для разъясненія этого вопроса, воспользуемся нѣкоторыми старыми сочиненіями.

Въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ находится Латинская рукопись, половины 17-го вѣка, писанная на бумагѣ, въ листъ: «Deliciae Lublinenses» (Люблинская отрада); а въ библіотекѣ Московской Синодальной Типографіи, между Польскими сочиненіями, есть книга: «Skarb nigdy nieprżebrany kościoła swiętego Katholickiego, Krżyż Panski, o którym tu są Trzy Księgi, z doktórow Swiętych y Historikow poważnych nápisane przez X. *Pawla Ruszlá*, Pisma Swiętego Doktora zakonu kaznodziegkiego, promotara Drżewa Krzyżá S. Lubelskiego» (напечатана въ Люблинѣ въ 1655 году.)

Въ первомъ изъ двухъ означенныхъ сочиненій разсказаны чудеса, которыми ознаменовался святый крестъ, хранящійся въ Люблинѣ. Крестъ этотъ вырѣзанъ изъ цѣльнаго куска того животворящаго древа, на которомъ былъ распятъ Спаситель міра.

Во второмъ сочиненіи (въ его третьемъ отдѣлѣ) находимъ слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ крестѣ: Св. Елена, обрѣтши Животворящее Древо, прислала часть его въ даръ сыну своему императору Константину Великому; изъ этого драгоцѣннаго куска былъ сдѣланъ крестъ, который хранился въ Константинополѣ до императоровъ Константина и Василія. Они передали крестъ сестрѣ своей Аннѣ, суп-

[6] — Истор. Госуд. Россій. том. 1, примѣч. 382.

[7] — Ел. Филарета: Истор. Рус. Церкв., ч. 1-я, стр. 14, примѣч. 20-е.

ругѣ великаго князя Владиміра, и она привезла его въ Кіевъ, гдѣ и хранилась эта святыня 400 лѣтъ, даже до короля Ягайла. Но наконецъ Кіевскій епископъ, доминиканецъ Андрей (изъ Кракова), пользуясь великою милостію Кіевскаго князя Ивана, выпросилъ у него позволеніе взять чудотворный крестъ, и съ такимъ пріобрѣтеніемъ поспѣшилъ въ Краковъ. Но, проѣзжая чрезъ Люблинъ, онъ посѣтилъ тамошній Доминиканскій монастырь, и когда хотѣлъ отправляться въ дальнѣйшій путь, то лошади не могли двинуться съ мѣста. Такое чудо убѣдило епископа, что крестъ, по волѣ Божіей, долженъ быть оставленъ въ Люблинѣ, что и было исполнено. Самъ епископъ также остался жить въ Люблинскомъ монастырѣ; онъ умеръ здѣсь 31-го Маія 1431 года, и погребенъ въ главномъ алтарѣ церкви св. Станислава. Кіевскій же князь Иванъ, вѣроятно по причинѣ общаго ропота на такую святотатственную передачу священнаго креста, принужденъ былъ вмѣстѣ съ своею женой Мариною и сыномъ Игнатіемъ, удалиться изъ Россіи въ Польшу. Король Казиміръ принялъ его благосклонно и дозволилъ ему жить въ Люблинскомъ замкѣ. Онъ умеръ въ Люблинѣ и похороненъ въ той же церкви, недалеко отъ могилы епископа Андрея.

Отсюда раскрывается, что одна изъ самыхъ драгоцѣнныхъ святынь Кіевскихъ должна находиться въ Люблинѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Животворящій Крестъ, привезенный изъ Константинополя въ Кіевъ, по свидѣтельству Иларіона, св. Ольгою, а по свидѣтельству Польскаго сочиненія, царевною Анною, есть одинъ и тотъ же.

Мы однако склоняемся въ пользу перваго свидѣтельства, по которому крестъ этотъ привезенъ не Анною, а Ольгою. Причина та, что извѣстіе Иларіона есть древнѣйшее, близкое ко времени самаго событія; сверхъ того оно подтверждается такимъ же древнимъ свидѣтельствомъ Сербскаго Пролога; тогда какъ Польское сочиненіе, изъ

котораго мы заимствовали наше сказаніе, принадлежитъ половинѣ 17-го вѣка. Только незнаніе нашихъ отечественныхъ преданій и памятниковъ, заставило автора Польской книги отнести фактъ перенесенія св. креста въ Кіевъ къ общему и главному просвѣщенію Руси при Владимірѣ Святомъ, и событіе, совершившееся при Ольгѣ, приписать Аннѣ.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ мы надѣемся, что столь интересный вопросъ о древней святынѣ Кіева вызоветъ нашихъ извѣстныхъ археологовъ на изслѣдованія, болѣе подробныя и тщательныя.

кн. м. оболенскій.

СКАЗАНІЕ

О ГЕТМАНѢ ПЕТРѢ САГАЙДАЧНОМЪ.

Немертелнои славы достойный Гетмане,

Твоя слава въ молчаню нѣкгды не зостане;

По́ки Днѣпръ съ Днѣстромъ многорыбныи плынуть

Будуть: по́ты дѣлности тѣхъ твои слынуть.

Изъ книги виршъ 1622 г.

Послѣ Наливайка, сожженнаго на площади Варшавской 1597 года, на Украинѣ промелькнуло два или три козацкихъ гетмана, незамѣченныхъ бытописаніемъ. Таковъ былъ, напримѣръ, гетманъ *Гаврило Кортневичъ*,

находившійся 1600 года [1] въ землѣ Молдавской, гдѣ и Запорожцы, съ своимъ кошевымъ атаманомъ *Косткою*, помогали тогда Полякамъ противъ Волоховъ. Вслѣдъ за тѣмъ и Украинскіе и Запорожскіе козаки, своимъ участіемъ въ Шведской войнѣ и наѣздами на Лифляндію, оказали немалую услугу Польшѣ. При томъ же у Польши зачиналось большое дѣло съ Москвою; а потому не дивно, что Козачеству въ 1601 году даровано было отъ короля прощеніе и возвращеніе разныхъ правъ и вольностей. Ободренные этимъ Запорожцы не замедлили выбрать себѣ гетмана, по стародавнему обычаю—вольными голосами, и выбрали *Петра Конашевича Сагайдачнаго.*

Сей достопамятный мужъ былъ родомъ изъ Подгорья Червонорускаго, сынъ Самборскаго шляхтича Конона или Конаша Сагайдачнаго. [2] Образованіе свое получилъ онъ на Волыни, въ знаменитомъ училищѣ Острожскомъ, которое подъ исходъ 16-го столѣтія было средоточіемъ и разсадникомъ возрождавшагося просвѣщенія Южнорускаго. По окончаніи наукъ въ томъ училищѣ, Сагайдачный поступилъ на службу въ Запорожское войско; и тамъ, за свою *рыцарскую дѣльность*, почтенъ былъ отъ Козачества выборомъ въ старшины, и наконецъ въ гетманы.

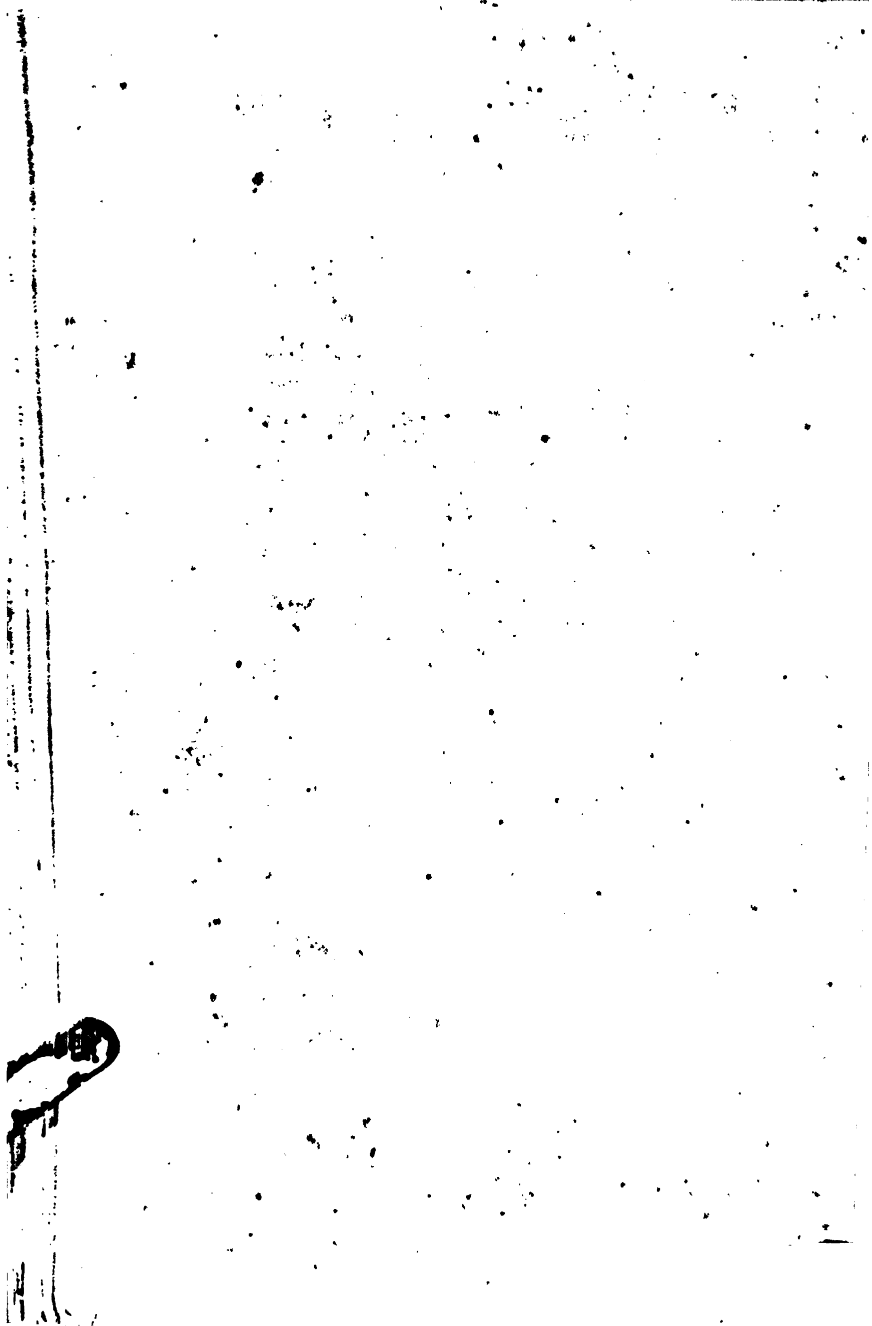
1.—Объ немъ узналъ я изъ вкладной надписи, на рукописномъ Евангеліи, подаренномъ козаками 1600 года въ Полковую Переяславскую Воскресенскую церковь, гдѣ находится оно нынѣ.

2.—Въ поминаніи о гетманѣ Сагайдачномъ, въ старомъ Помянникѣ Михайловскаго монастыря, записано: «Помяни Господи души рабъ своихъ: Петра, Конона...» и проч. — Во второй половинѣ 17 вѣка извѣстенъ *Григорій Сагайдачный*, бывшій кошевымъ атаманомъ Запорожской Сѣчи. Безъ сомнѣнія къ нему, а не къ гетману Петру, относится извѣстная Запорожская пѣсня о *Сагайдачномъ* «що проміняв жінку, на тютюнъ да люльку.» Объ этомъ я подробно изъяснилъ г. Срезневскому, въ моей статьѣ о *гетманѣ Сагайдачномъ*, напечатанной въ Москвитяниѣ 1843 № 10. Тамъ я опровергалъ и другія недоумѣнія позднѣйшихъ писателей о нашемъ гетманѣ. А что онъ былъ *дворянскаго*, а не *низкаго происхожденія* — какъ написалъ въ Исторіи своей Бантышъ-Каменскій, объ этомъ, кромѣ современника *Ерлыча*, пишетъ и Величко въ своей Лѣтописи.

Ка-фꙋ вое-ва҃л.

Ро҃: ах҃ѕі.

За его Гетманства вза҃л в Турцѣ҃ Мѣсто Кафꙋ:
Ажъ и са҃м Цесаръ Турскій был в велико҃м страхꙋ:
Бо мꙋ чотырнадцать тисячъ тамъ людꙋ збилъ,
КАТАРГИ едины палилъ, другіи потопилъ.
Многω тогды з неволѣ Хртіанъ свободилъ:
За што его Бг҃ъ з воинствомъ его Бл҃вилъ.
Бо за найболшꙋю іхъ собѣ нагородꙋ
Почитаетъ Рыцеръ: кгды кого на Свободꙋ
Высволитъ: за што грѣхωвъ собѣ ѿпꙋщеніе
Ѿдержитъ: а по Смрти в Небѣ вмѣщеніе.
Дознавалъ не поединкротъ Турчинъ поганинъ
Его мензства, и прꙋдковшенный Татаринъ.



По слѣдамъ прежнихъ козацкихъ вождей, Сагайдачный съ своими Запорожцами безпрестанно воевалъ Татаръ и Турковъ, на морѣ и сушѣ, и своими неотразимыми побѣдами грозно прославилъ свое имя. Въ длинномъ ряду тѣхъ побѣдъ, къ которому принадлежитъ и взятіе Варны въ 1605 году, [a] особенно славилось взятіе города Кафы въ 1616 году. [b] Тамъ Сагайдачный погромилъ 14 тысячъ мусульманъ, перетопилъ и пережегъ ихъ *каторги* т. е. галеры, освободилъ множество плѣнныхъ христіанъ и навелъ страхъ на самого султана.

Запорожское товариство такъ охотно и неутомимо подвизалось въ тѣ времена на Черноморскомъ Югѣ не изъ одной добычи: его устремляло туда — и освобожденіе христіанъ, томившихся тысячами въ плѣну мусульманскомъ, и

....„тая козацкая слава,
Що по всёму свѣту дыбомъ стала,
Що по всёму свѣту степомъ розляглась-простяглась,
Да по всёму свѣту лугóвымъ гóмономъ роздалась,
Туреччинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ знати далась..“ [c]

А между тѣмъ какъ Сагайдачный громилъ Татаръ и Турковъ, Польша устремлялась и нападала на Московскую Русь, обуреваемую тогда смутами самозванствъ и междуцарствія. Гетманы Польскіе наводили на нее и Украинскихъ козаковъ; впрочемъ Москвѣ тогда было гораздо тяжелѣ отъ своего собственнаго, Великорускаго козачества.

Въ томъ страшномъ безнарядьѣ Руской земли, истомленная Москва провозгласила своимъ царемъ Польскаго

[a]—Въ Галиціи сохранилась пѣсня на взятіе Варны, напечатанная въ *Днѣстровой Русалкѣ* и въ другихъ книгахъ. По всей вѣроятности въ ней говорится объ этомъ взятіи Варны, 1605 года, хотя и представлена въ ней старая королева, вызывающая козаковъ отмстить за ея сына *Варненчика*.

[b]—См. снимокъ взятія Кафы, заимствованный изъ книги *Варша*: на немъ означенъ 1616 годъ, а не 1612-й, какъ у Бантыша-Каменскаго.

[c]—Изъ Украинской думы »Походъ на Поляковъ« 1637 года. См. мой *Сборникъ Украинскихъ пѣсень*, ч. 1. К. 1849, стр. 59.

королевича Владислава, въ Августѣ 1610 года; и уже находилась въ распоряженіи Поляковъ. Но король Жигимонтъ III-й, захотѣвшій тутъ и себѣ власти, не съумѣлъ удержать Мономахова вѣнца за своимъ сыномъ, и простоялъ его подъ Смоленскомъ: народная вѣра и сила Великой Руси взяла верхъ надъ Польскимъ насиліемъ, освободила свою бѣлокаменную Москву, и въ ней воцарился юный Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ.

Пятый годъ уже царствовалъ на Москвѣ избранникъ народный, какъ Владиславъ собрался наконецъ явиться на Руси и взять вооруженною рукою утраченное для него царство. Въ ту пору и Сагайдачному довелось обнажить мечъ на единовѣрную Москву. За это историкъ Бантышъ-Каменскій налагаетъ на славнаго гетмана »укоризны потомства.« Но историку не должно забывать, что Кіевская Русь принадлежала тогда Польской Коровѣ, и Запорожское войско звалось »войскомъ его королевской милости«, что Сагайдачный шелъ на Москву не для себя, а въ помочь своему королевичу, все еще именовавшемуся царемъ Московскимъ. Притомъ же, нашествія Западной Руси на Восточную, со времень Баторія, были уже принадлежностью роковой борьбы Польши съ Москвою, а не прежнею самопроизвольною усобицею разрозненныхъ частей Рускаго міра.

»Въ полѣ съѣзжаются, родней не считаются« говоритъ Руская пословица: и Сагайдачный, идучи войною къ Москвѣ, не могъ-же быть *фельдмаршаломъ мира*, — какъ называлъ себя впослѣдствіи знаменитый Украинецъ любимецъ Елисаветы. * Грозный гетманъ съ 20-тысячнымъ войскомъ выступилъ въ походъ весною 1618 года. Прежде всего онъ осадилъ и взялъ городъ Ливны, полонивъ и воеводу тамошняго князя Никиту Черкаскаго. За тѣмъ взялъ онъ хитровоеннымъ приступомъ городъ Елецъ, при чемъ

*—Генералъ-фельдмаршалъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій.

воевода Андрей Полевъ, которому «осадное сидѣніе было не за обычай» [7] былъ убитъ, а жена его досталась въ полонъ. Тутъ же добычею козацкою стало и Московское посольство въ Крымъ съ Степаномъ Хрущовымъ и подьячимъ Семенкою Бредихинымъ. Послѣ Ельца осажденъ былъ жестокими приступами городъ Михайловъ, при чемъ Михайловцы не щадили своихъ головъ.

На встрѣчу Сагайдачному отряжены были царемъ Михаиломъ, изъ Пафнутьева монастыря къ Серпухову, князья Дмитрій Пожарскій, освободитель Москвы, и Григорій Волконскій. Но въ ихъ неустроенномъ войскѣ произошло разладье и волненіе, и козаки ихъ пустились на грабежъ; князь Пожарскій сильно заболѣлъ, и по приказу царскому воротился въ Москву; а Сагайдачный, оставивъ Москвитянъ при переправѣ черезъ Оку, приближался къ Москвѣ тихо и безпрепятственно, по Каширской дорогѣ. Когда передовые отряды его показались у Донскаго монастыря, бояре выступили изъ Москвы со всею ратью; и «грѣхъ ради нашихъ» — говоритъ лѣтопись — «ужасть ихъ взя, и они бою не поставиша». Запорожское войско прошло спокойно мимо Москвы къ королевичу, стоявшему въ семи верстахъ отъ столицы.

Тогда Владиславъ отрядилъ своего полковника Чаплинскаго къ Переяславлю-Залѣскому; но тотъ безъ удачи нападалъ на Троицкую Лавру, 24 Сентября, и черезъ день или два былъ убитъ отъ Троицкихъ служекъ. Осада Москвы поручена была королевичемъ гетману Сагайдачному, и для приступа назначена была ночь подъ праздникъ Покрова. Два перебѣжчика «Французскіе Нѣмцы» предъувѣдомили объ этомъ Москву; и она поспѣшно укрѣплялась у всѣхъ воротъ. Судьба ея была въ опасности; ибо войско

[7] — Описаніе Московскаго похода взято мною изъ »Лѣтописи о многихъ мятежахъ и о разореніи Московскаго государства отъ внутреннихъ и внѣшнихъ непріятелей.« Спб. 1772. въ 8.

въ ней было малочисленно. Къ полуночи Сагайдачный со всѣмъ своимъ войскомъ былъ уже у Арбатскихъ воротъ; и уже выломаны были петардою ворота Острожныя. Но при первой стычкѣ съ Москвитянами, гетманъ прекратилъ осаду.... Отъ чего же? Отъ того, я думаю, что осада Москвы была ему не по мысли; въ противномъ случаѣ, какъ ни любилъ онъ сберегать своихъ козаковъ, и какъ ни силенъ могъ быть первый отпоръ ему отъ Москвитянъ, но привыкшій къ побѣдамъ и взятію городовъ, имѣя у себя подъ рукою надежное и многочисленное войско, грозный гетманъ не покинулъ бы такъ скоро начатаго дѣла. Его козацкое сердце могло смутиться отъ той мысли, что онъ началъ крушить единовѣрную ему Рускую столицу для того, чтобъ отдать ее въ руки иновѣрца... И можетъ быть такое раздумье пришло къ нему въ тотъ самый часъ, когда Москва звономъ колоколовъ своихъ позвала православный народъ къ заутренѣ на праздникъ Покрова, и руки осаждавшихъ ее козаковъ невольно поднялись на крестное знаменье. Въ тотъ часъ благочестивый гетманъ, уже исполнивъ свой подданическій долгъ взятіемъ меньшихъ городовъ и приступомъ къ самой столицѣ, могъ безукоризненно отойти отъ молящейся Москвы.... Впрочемъ это мое личное мнѣніе; въ лѣтописи Московской говорится слѣдующее.

»Едва Богъ сохранилъ царствующій градъ Москву; помощію же Пречистой Богородицы, славнаго ея Покрова, тѣхъ Литовскихъ людей отъ города отбиша, и многихъ людей у нихъ побиша; гетманъ же отыде прочь и ста опять въ таборахъ.... Государь же поставилъ храмъ каменной, по обѣту своему, во имя Покрова Пречистыя Богородицы, во дворцовомъ селѣ Рыбцовѣ (что называлось и селомъ Покровскимъ). Въ память тогоже случая есть и придѣлъ Покрова, при Арбатской церкви Николы-Явленнаго, устроенный также царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ. [a]

[a]—См. въ Руской Старинѣ, составленой И. М. Снегиревымъ, М. 1840. въ 4. тетр. 8.

Изъѣдавъ новую неудачу, Владиславъ потребовалъ съѣздовъ, которые и происходили на рѣчкѣ Прѣснѣ. Однако на тѣхъ съѣздахъ мирный договоръ не состоялся. Тогда Владиславъ, отрядивъ Сагайдачнаго на Калугу, самъ двинулся подъ Троицкую Лавру. Но тамъ и подавно не было ему удачи; а между тѣмъ лютый морозъ и голодъ становились не въ моготу; и Московскій походъ Владислава кончился перваго Декабря Деулинскимъ перемиріемъ на 14 съ половиною лѣтъ, при чемъ Москва поплатилась своему обыденному царю, уступкою Польшѣ Смоленска съ Черниговомъ и другими городами Сѣверскими. Тогда и Сагайдачный, съ своими *Черкасами* (такъ называли Запорожскихъ и Украинскихъ козаковъ Москвитане), выступилъ изъ Калуги, при чемъ триста козаковъ воротились къ Москвѣ »на государево имя«.

Выступая въ походъ на Москву для Владислава, считавшагося у Поляковъ Рускимъ царемъ, Сагайдачный, конечно, помышлялъ уже о соединеніи Кіевской Руси съ Московскою. Но этому соединенію суждено было совершиться подъ властію не чужеземнаго иновѣрца, а Православнорускаго царя, и притомъ тогда уже, когда и Москва успокоится и окрѣпнетъ послѣ своихъ роковыхъ бурь, и Кіевская Русь, подобно ей, своимъ »соединеніемъ и укрѣпленіемъ противъ Поляковъ« * освободитъ себя отъ ихъ тяготы и будетъ самостоятельною. А что бы достичь этого Кіевской Руси, ей надо было сперва возстановить свою

* —»А нѣчто вамъ впередъ отъ Поляковъ въ вѣрѣ будетъ утѣсненье, а у васъ *противъ нихъ будетъ соединенье и укрѣпленіе*, и вы о томъ впередъ царскому величеству и святѣйшему патріарху вѣдомо учините, и царское величество и святѣйшій патріархъ будутъ о томъ мыслить, какъ бы православную вѣру и церкви Божьи и васъ всѣхъ отъ еретиковъ во избавленіе видѣти«. Тамъ сказано 5 февр. 1625 г., въ отпускѣ изъ Москвы Епископа Исакія, присыланнаго къ царю и патріарху отъ Кіевскаго митрополита Іова Борецкаго ходатайствовать у царя о принятіи Кіевской Руси въ свое подданство. Акты, относящіеся къ этому посольству, приготовлены къ изданію Кн. М. А. Оболенскимъ.

православную митрополію. Вотъ подвигъ, предстоявшій Сагайдачному, какъ главѣ Козачества. Ибо съ той поры, какъ надъ Южною Русью отяготѣла Унія и осиротила ея Православную Церковь, Южнорускому Козачеству выпалъ жребій: явиться представителемъ и защитникомъ обиженнаго народа своего, и отстоять свою праотеческую вѣру отъ гоненія и насилія западнаго.

Но козацкое ополченіе гетмана Наливайка и его погибель показали, что въ ту пору для Украины еще безвременна была борьба съ Польшею. Въ то время была еще и надежда, что козацкою заслугою Польской коронѣ можно облегчить злополучную участь народа Украинскаго и его Церкви. Эту надежду поддерживали разныя королевскія привилегіи и сеймовыя конституціи; но онѣ составлялись и писались обыкновенно тогда, когда Польской коронѣ наставала нужда въ Козачествѣ, и рѣдко были исполняемы на самомъ дѣлѣ. Духъ вражды устами езуитовъ непрестанно шепталъ въ уши Полякамъ вѣрогоненіе и неразумную гордыню; и только грозное имя Сагайдачнаго сдерживало еще ихъ разъяреніе на православныхъ Украинцевъ. Можно сказать, что достопамятный гетманъ былъ хранительнымъ щитомъ Украины, и сдѣлалъ для нея все, что только можно было сдѣлать тогда подданному Польскаго короля, не поднимая оружія на Поляковъ, — какъ это въ послѣдствіи пришлось сдѣлать Богдану Хмельницкому, когда пропала уже вся надежда, и все терпѣніе долготерпѣливаго народа. —

Воротясь изъ похода Московскаго, въ 1619 году, Сагайдачный обратился вновь съ просьбою къ королю о возстановленіи правъ Восточной Церкви въ областяхъ Южнорускихъ. Жигимонтъ обѣщалъ; но обѣщаніе его не исполнялось; и внутренній раздоръ, произведенный Уніей, не унимался.

Вѣроятно, къ этому времени принадлежало то неизвѣстное намъ писаніе Сагайдачнаго объ Уніи, которое

канцлеръ Сапѣга, въ письмѣ къ Іосафату Кунцевичу, называлъ *предрагоцѣннымъ*.

Въ это же время поминаются въ бытописаньи два козацкіе гетмана: *Кушка*, попавшійся въ плѣнъ Туркамъ; а вслѣдъ за нимъ *Бородаеки*, котораго увидимъ послѣ. Не видно однако, были ли это только *Наказные* гетманы; или же поставленіемъ ихъ коронный гетманъ Жолкевскій думалъ по прежнему забрать въ свою власть Украинское реестровое козачество, и убавить возроставшую въ народѣ силу и власть гетмана Сагайдачнаго.

Между тѣмъ пять тысячь Запорожцевъ, подъ конецъ 1619 года, ходили на Крымскихъ Татаръ, и разбили ихъ по сю сторону Перекопа подъ самою стѣною, и освободили множество плѣнныхъ христіанъ. По этому случаю, Сагайдачный нарядилъ атамана Петра Одинца въ посольство къ Московскому царю, съ предложеніемъ служить ему своими головами противъ общаго врага христіанства. Козацкіе послы, съ гетманскою грамотою къ царю и съ двумя Татарскими *языками*, пріѣхали въ Москву въ концѣ Февраля 1620 года; приняты были ласково и милостиво; однако у самаго царя они не были, ибо тогда была масляница. Ихъ принималъ бояринъ и намѣстникъ Коломенскій князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. »Не оскорбляйтесь—говорилъ онъ — что не видѣли есте очей его царскаго величества: вы есте пришли къ Москвѣ передъ постомъ, а въ постъ у великаго государя нашего никакіе послы и иноземцы не бываютъ; а нынѣ царское величество ѣдетъ молиться къ святымъ мѣстамъ, и велѣлъ васъ отпустить.« Козаки одарены были деньгами, камками, тафтами, сукнами и шапками; и послано было Запорожскому войску отъ царя »легкое жалованье триста рублевъ«, а на грамоту гетманскую царь отвѣтствовалъ своею грамотою, данною 21 апрѣля 1620 года. [10]

[10] — Эта Грамота напечатана въ *Собраніи Госуд. Гр.* ч. III. Остальные документы объ этомъ посольствѣ хранятся въ Моск. Архивѣ Ин. Дѣлъ.

Въ то же время Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ возвращался изъ Москвы, гдѣ онъ (23 Іюня 1619 года) посвящалъ на патріаршество Филарета Никитича, отца Михаилова. По дорогѣ отъ Путивля, посѣтилъ онъ новоустроенную обитель Густынскую, подъ городомъ Прилукою. Козаки съ гетманомъ Сагайдачнымъ проводили его въ Кіевъ, и помѣстили его на Подолѣ, въ Братствѣ Богоявленскомъ. «Аки пчелы матицу свою, тако святѣйшаго отца и пастыря овцы словесныя отъ волковъ противныхъ стрежаху», говоритъ Лѣтописецъ Густынскій. [11] Тогда настала важная година въ жизни православнаго народа, подвластнаго Польшѣ: со всѣхъ сторонъ стекался онъ въ Кіевъ, чтобы увидѣть святителя Іерусалимскаго и принять отъ него благословеніе и совѣтъ. И много въ продолженіе того лѣта было въ Кіевѣ совѣщаній и думъ у всѣхъ людей, какъ свѣтскихъ такъ и духовныхъ; и казалось, сама земля Руская сочувствовала имъ своимъ потрясеніемъ. [12] Гетманъ Сагайдачный и другіе православные просили патріарха, чтобы поставить имъ митрополита и епископовъ, на мѣста занятыя Уніатами. Но Ѳеофанъ колебался, опасаясь короля, преданнаго езуитамъ, и не имѣя согласія отъ патріарха Царьгородскаго, которому издревле была подвластна митрополія Кіевская.

11. — «*Лѣтописецъ* о первомъ зачатіи и созданіи святыя обители монастыря Густынскаго» напечатанъ 1848, въ *Чтеніяхъ* Моск. Общ. Ист. и Древн. Изъ этого лѣтописца я заимствовалъ всѣ подробности о мѣстахъ, мѣсяцахъ и днях посвященія митрополита и епископовъ, перемѣнивъ только 1622 годъ, ошибочно показанный въ Лѣтописи, на *1620*. (Тамъ же ошибочно показано митрополитство *Исаіи Копинскаго* съ 1633 года, а митрополитство Петра Могилы съ 1633-го: первое началось съ *1631*, и второе съ *1633*-го.)

12. — «Тогда же и земля тряслася въ недѣлю о мясопусной годинѣ» говоритъ *Лѣтописецъ Густынскій*. — «Въ той же часъ въ день суботный земля ся трясла о годинѣ 20 же, изъ оконъ шибы выпадали, шкляницѣ изъ столовъ спадали, и люде въ страху были великомъ» говоритъ *Львовская Лѣтопись*, напечатан. въ Рускомъ Историческомъ Сборникѣ Т. III. 1839. Тамъ это описано подъ 1619 г.; но ошибочно, вмѣсто *1620*; а сказанное за тѣмъ подъ 1620-мъ г., принадлежитъ къ 1621-му.

Между тѣмъ настала большая необходимость для Польши въ гетманѣ Сагайдачномъ: безъ него она потерпѣла въ томъ году страшное пораженіе отъ Турковъ, подъ Цецорою, гдѣ убиты были: и горделивый томитель Москвы и Козачины, коронный гетманъ Жолкевскій, и любимый имъ козакъ, Чигиринскій сотникъ Михайло Хмельницкій, отецъ Богдана. Польша немедленно задумала двинуться вновь противъ Турковъ всѣми силами, подъ главнымъ начальствомъ королевича Владислава; и на совѣтъ объ этой войнѣ позванъ былъ въ Варшаву Сагайдачный—»справца великій и добрый, на котораго много полагались въ совѣтѣ; и какъ онъ совѣтовалъ, на то соглашались паны гетманы и королевичъ его милость«, говоритъ современникъ Ерлычъ. [13] Запорожскому гетману поручено было военачальство надъ всѣмъ Козачествомъ. »Я на твою опеку посылаю моего сына« говорилъ ему король. [14] Сагайдачный радостно спѣшилъ въ Кіевъ; и здѣсь онъ рѣшилъ патріарха исполнить то, чего такъ давно ждалъ и чего такъ желалъ теперь православный народъ Южнорускій.

И вотъ, въ Богоявленской церкви, въ четвертокъ 6 Октября, патріархъ Ѳеофанъ съ Неофитомъ митрополитомъ Софійскимъ и съ Аврааміемъ епископомъ Стагонскимъ,[15] посвятилъ на епископство Перемышльское *Исаію Копинскаго*, который лѣтъ за шесть былъ вызванъ, изъ 15-лѣтняго отшельничества своего въ пещерѣ Антоніевой, на устроеніе Густынскаго монастыря, и уже третій годъ былъ игуменомъ Межигорскимъ. А въ слѣдующее воскресенье, 9 Октября, въ Великой церкви Печерской, совершилось

13.—Записки *Якима Ольшаровича Ерлича*, дворянина Кіевскаго воеводства, ведены съ 1620 по 1671 годъ, на Польскомъ языкѣ, и въ подлинникѣ названы *Лѣтописцемъ*. Жаль, что до сихъ поръ никто не издалъ ихъ: въ нихъ много любопытныхъ замѣтокъ для исторіи.

14.—Изъ *Львовской Лѣтописи*.

15.—Изъ посвятительной грамоты Исаіи Копинскому отъ патріарха, которая въ копіи находится въ Московскомъ Архивѣ Ин. Д.

посвященіе въ Кіевскіе митрополиты *Іова Борецкаго*, игумена Михайловскаго, который особенно любимъ былъ въ народѣ за свою добродѣтельную жизнь и славился ученостью. Тогда же, на епископство Туровское и Пинское, поставленъ Грекъ *Авраамій* епископъ Стагонскій; а въ началѣ Декабря, по выбору и прошенію Вильнянъ, посвященъ въ архіепископы Полоцкіе *Мелетій Смотрицкій*, недавній архимандритъ Святодуховскаго Братскаго монастыря въ Вильнѣ.

Такъ возстановлена была въ *1620*-мъ году православная Кіевская митрополія, послѣ 25-ти-лѣтняго сиротства.

Въ Генварѣ слѣдующаго года патріархъ Ѳеофанъ простился съ Кіевомъ. Зима стояла крѣпкая. Остановясь на отдыхъ въ козацкомъ Терехтемировскомъ монастырѣ, патріархъ посвятилъ тамошняго архимандрита *Іезекіиля Курцевича* на епископство Владимирское и Берестейское. Изъ Терехтемирова митрополитъ Іовъ со всѣми епископами и гетманъ Сагайдачный съ тремя тысячами козаковъ, и множество другихъ людей духовныхъ и свѣтскихъ, провожали патріарха до Волошской границы.

Во время отдыха въ городѣ Бѣлой-Церкви, посвященъ былъ, на епископство Луцкое и Острожское, *Исакій Борисковичъ*, игуменъ Черничицкій, ученикъ патріарха Мелетія, около 20-ти лѣтъ находившійся на Востокѣ и на Аѳонѣ. [16]

Вслѣдъ за тѣмъ Ѳеофанъ съ своими провожатыми гостилъ три дни въ городѣ Животовѣ, у благочестиваго князя Стефана Четвертенскаго, и тамъ посвятилъ *Паисія Ипполитовича*, на епископство Холмское и Бельзское. [17]

Наконецъ въ городѣ Бушѣ они разстались; и много печали и плача было при разлукѣ. «Поучаше бо тогда святителей своихъ — говоритъ Густынскій лѣтописецъ — содержатися истиннаго благочестія, смиренія и любве;

16.—Изъ актовъ, о которыхъ сказано въ концѣ примѣчанія 9-го.

17.—О посвященіи, см. въ *Лѣтоп. Густ.*; а о гощеніи въ Животовѣ говоритъ еще Захарія Копыстенскій въ своемъ посвященіи князю Стефану Четвертенскому книги *Бесѣды* 1623 г.

скорби же и гоненія со всякою покорою преносити; такожде и все благочестивое воинство благословяше, ставше на торжищи посредѣ града, всѣмъ во слухъ глаголаше имъ съ зельнымъ усердіемъ поученіе, тожe молитвы прощальныя и раздрѣшательныя, преклоншымъ имъ всѣмъ главы своя ницъ на землю; по семъ увѣщавая ихъ, дабы отъ того времени не ходили на Москву, на родъ христіанскій, бранію.«

Съ наступленіемъ лѣта приспѣвалъ срокъ похода Хотинскаго. Въ Августѣ 1621 года, Сагайдачный съ 40-тысячнымъ козацкимъ войскомъ былъ уже у Днѣстра. Во Львовѣ онъ свидѣлся съ королевичемъ Владиславомъ, какъ *директоромъ* Хотинской войны.

Польскаго войска коронный гетманъ Ходкевичъ успѣлъ собрать 57 тысячъ, а именно: конниковъ въ желѣзныхъ латахъ 12 тысячъ, панцырниковъ 4 тысячи, пѣхотныхъ Поляковъ 30 тысячъ, Прусовъ и Поморянъ 8 тысячъ, да наемныхъ Угровъ 3 тысячи; да еще съ королевичемъ пришло подъ Хотинъ 30 тысячъ. А непріятельская сила состояла въ 300 тысячахъ Турковъ и во 100 тысячахъ Татаръ; и когда явился тамъ Османъ, хвалившійся »въ войскѣ козацкомъ снѣдати, а въ обозѣ Польскомъ обѣдати« — то немедленно начались сраженія. Первая схватка произошла 2-го Сентября, еще до прибытія Владислава.

Турки съ первыхъ дней напирали особенно на козацкій обозъ, стоявшій на челѣ къ обозу Султанскому и укрѣпившійся окопами. Но козаки, послѣ жаркихъ пушечныхъ перепалокъ, дали наконецъ сильный отпоръ, и гонясь за ними, ворвались было въ Турецкій обозъ; и только потому не овладѣли имъ вполнѣ, что коронный гетманъ отказалъ въ подмогѣ. Такая неправда произвела ропотъ въ козацкомъ войскѣ. Но Владиславъ, увѣдомленный объ томъ гетманомъ Сагайдачнымъ, поспѣшилъ нарядить депутатовъ, въ числѣ которыхъ былъ извѣстный историкъ Яковъ Собѣскій, кастелянъ Краковскій, отецъ храбраго короля Яна.

Онъ произнесъ въ козацкомъ обозѣ убѣдительную рѣчь, послѣ которой гетманъ Сагайдачный съ старшинами склонился на ихъ сторону, и козаки утихомирились. Они радовались тою вѣстью, пришедшею 6 Сентября, что товарищь ихъ Богданъ Хмельницкій, ходившій особо съ 10-тысячнымъ козацкимъ отрядомъ на Черное море, разбилъ и потопилъ 12 Турецкихъ галеръ, а остальныя преслѣдовалъ до самаго Царяграда, и навелъ страхъ на Царьгородцевъ, окуривши ихъ пороховымъ дымомъ. [18] А между тѣмъ 7-го Сентября, въ Польскомъ обозѣ, обезглавленъ былъ гетманъ Бородавка, по военному суду, за ту вину, что онъ съ трехтысячнымъ отрядомъ козаковъ опоздалъ явиться подъ Хотинъ, погнавшись въ походѣ за добычею. [19] Черезъ три дня послѣ того, и королевичь и коронный гетманъ заболѣли лихорадкою, продолжавшеюся двѣ недѣли. Владиславъ оправился; но Ходкевичь умеръ 24 Сентября. Нельзя не вспомянуть здѣсь и того, что въ числѣ воевавшихъ подъ Хотинымъ, въ рядахъ Польскихъ, былъ *Петръ Семеновичь Могила*, 24-лѣтній воеводичь Молдавскій, черезъ четыре года постригшійся въ монахи Печерскіе.

Война Хотинская длилась пять недѣль, и кончилась тѣмъ, что грозный Османъ, не смотря на многочисленность своего войска, пожелалъ мира, который и заключенъ былъ 8 Октября, на условіяхъ выгодныхъ для Польши.

Октября 12-го Польское войско, на полѣ битвы, выстроилось на подобіе орла, съ распростертыми крылами, и на челѣ его сталъ Владиславъ, облекшійся въ порфиру поверхъ блестящаго вооруженія. Къ полудню Турецкій царь вывелъ свое войско, и построивъ его въ видѣ полумѣсяца,

[18]—Объ этомъ Черноморскомъ промыслѣ говорится и въ королевскомъ листѣ Сагайдачному 1622 Генв. 12. и въ *діаруш*ѣ Титлевскаго, и у Твардовскаго. — И такъ напрасно пишутъ, что Богданъ Хмельницкій, взятый подъ Цецорою въ полонъ, оставался въ немъ два года.

[19]—См. объ этомъ въ прибавл. къ *Лѣтописи* Самуила Величка. К. 1848. Т. I. — И такъ Бородавку не самъ собою убилъ Сагайдачный!

сталъ въ его челѣ. Въ такомъ строѣ два войска простояли недвижимо около часу, другъ противъ друга. А между тѣмъ султанъ послалъ огромнаго слона и отборнаго коня въ даръ королевичу; а Владиславъ послалъ ему въ даръ тоже нарряднаго коня, да двѣ пушки отличной работы. Наконецъ Турки, наклоненіемъ своихъ вый и съ ними знаменъ своихъ, простились съ Польскимъ войскомъ; а Поляки откланялись Турецкому войску, покиваніемъ своихъ головъ.[20]

И когда Турки отошли во-свояси, Владиславъ отправилъ изъ своего главнаго обоза раненыхъ и больныхъ; выступилъ изъ старыхъ окоповъ на свѣжее мѣсто, и принялся торжествовать свою побѣду. Славяноруская народная поэзія издревле изображала битву свадебнымъ пиромъ. У Поляковъ это происходило въ лицахъ. Они выѣзжали на войну, какъ на свадебный праздникъ, въ блескѣ и роскоши, и любили воевать со всею прохладою яствъ и напитковъ; не то, что въ Козачествѣ, любившемъ суровую простоту жизни, и долго державшемся стараго обычая своего: не пить вовсе вина во время войны.[21]

Пируя весело свою побѣду, Владиславъ послалъ въ козацкій обозъ, стоявшій на выстрѣлъ изъ лука отъ обоза Польскаго, множество харчей, навезенныхъ изъ окрестныхъ городовъ и селъ; а на попойку козакамъ прислалъ 25 большихъ бутъ Волошскаго вина, 48 бочекъ меду, отысканнаго въ Каменцѣ, и 24 большія куфы горѣлки. Для гетмана особо присланы были, кромѣ разныхъ яствъ и сластей, 7 анталовъ лучшаго Венгерскаго вина, бочка Рейнскаго, небольшая бута Котнарскаго, да погребецъ съ дюжиною полугарцовыхъ золочено-серебряныхъ флашекъ, наполненныхъ разными лѣкарственными водками. Но Сагайдачному тогда было не до напитковъ и сластей: онъ

20.—Эти и послѣдующія подробности о концѣ Хотинской войны взяты мною также изъ *Лѣтописи* С. Величка, который заимствовалъ ихъ изъ »рукописныхъ лѣтописцевъ козацкихъ.«

21.—См. у Боплана, въ *Описаніи Украины.*

лежалъ на одрѣ болѣзни, подъ тяжелыми ранами. Соболѣзнуя о томъ, Владиславъ прислалъ ему свою кармазиновую полатку, подшитую зеленою Венедскою адамашкою.

По окончаніи 8-дневнаго пира, на разсвѣтѣ 21-го Октября, ударили въ бубны къ походу. Владиславъ, полюбившій козаковъ и полюбленный ими, прибылъ съ полутораста всадниками въ козацкій обозъ, проститься съ гетманомъ и Запорожскимъ войскомъ. Высказавъ благодарность свою, за ихъ щирую и вѣрную службу, онъ подошелъ къ Сагайдачному, приподнятому съ постели и поставленному на ноги, и возложилъ на него драгоцѣнный *щирозлотный канакъ*, на фіолетовой лентѣ, украшенный съ одной стороны королевскимъ портретомъ и рубинами, а съ другой гербовымъ одноглавымъ орломъ и сафирами. Потомъ, увидавъ пароконную простую кибитку, вымощенную сѣномъ и подушками, и прикрытую коврами, онъ догадался кому она приготовлена, и пошутивъ надъ нею, велѣлъ поскорѣе привезть свою *лектичку* съ балдахиномъ, изъ зеленаго съ золотыми цвѣтами табину, на парѣ легкихъ коней въ золоченыхъ шорахъ, и подарилъ ее больному гетману на дорогу; а на прощанье назначилъ къ нему еще своего придворнаго доктора Француза.

Того же дня выступили въ походъ. Сагайдачный, по желанію Владислава, оставилъ недѣли на три подъ Хотиномъ пять тысячъ отборнаго козацкаго войска для сторожи; а остальныхъ распускалъ по домамъ, въ продолженіе возвратнаго похода. Самъ же онъ прибылъ въ Кіевъ передъ Филипповскими заговѣнами, безъ тріумфовъ и парадовъ: его полумертваго встрѣтила и приняла въ своемъ дому только плачущая жена его Анастасія, урожденная Повченская. [99]

[99].—Имя и родъ жены Сагайдачнаго означены въ книгѣ *Вѣршъ*, на маргинезѣ 15 листа, противъ стихотворнаго къ ней обращенія:

»Не дивъ шлая Малжонко, же ся обливаешь
Слезами, и отъ жалю праве омдлѣваешь:
Бо-сь утратила своего Малжонка милого
Кролю и Посполитой речи вычливого.

По представленію Владислава, король Жигимонтъ, признавая всю заслугу козацкаго войска, прислалъ ему въ Кіевъ, съ своимъ придворнымъ подскарбіемъ, наградныя деньги, да королевскую хоругвь, булаву въ три тысячи талеровъ и золотую цепь въ пятьсотъ талеровъ гетману Сагайдачному, съ похвальною королевскою грамотою, данною въ Краковѣ, 12 Генваря 1622 года. Въ той грамотѣ между прочимъ сказано: »Мы, довольные вашею преданностію и усердіемъ къ Намъ, и ко всей Коронѣ Польской, которыя вы показали военными подвигами вашими подъ Хотиномъ, изъявляемъ вамъ и всему Войску Нашему Запорожскому милость Нашу и признательность, которую во всѣхъ потребностяхъ и нуждахъ Войска охотно оказывать обѣщаемъ; и сколько оказалъ вамъ нѣкогда милости и расположенія славный предшественникъ нашъ наияснѣйшій Стефанъ Баторій король Польскій, умноженіемъ правъ и вольностей вашихъ, Мы не отречемся даровать вамъ противъ того въ десятеро, чего только пожелаете отъ Нашей милости. Теперь же, награждая малымъ подаркомъ упомянутое мужество ваше и трудъ подъ Хотиномъ, посылаемъ изъ Нашей казны королевской, чрезъ придворнаго подскарбія, 400 тысячь битыхъ талеровъ, которые должны быть раздѣлены поровну и розданы 50-ти тысячамъ всей Черни войсковой, какъ тѣмъ, которые были подъ Хотиномъ, такъ и находившимся на военномъ промыслѣ съ Хмельницкимъ на Понтѣ Эвксинскомъ, не минуя родичей и вдовъ Товарійства козацкаго, положившаго свои рыцарскія головы въ военныхъ дѣйствіяхъ сего года. При томъ, особо вашей

Для него-сь и ты у всѣхъ людей была слава;
А теперь твоя свѣча ясная южъ згасла.
Южъ ся съ тобою вѣчне другъ твой разлучаетъ,
Богу тя вородъ въ опеку и Войску вручаетъ.
Жій побожне, якъ вдова, въ своей учтивости,
За щó въ Бога и въ людей набудешъ милости.
Богъ есть сиротамъ отецъ, а судія вдовамъ,
Караетъ кто бы хотѣлъ чинити кривду вамъ.«

гетманской милости со всею Старшиною, посылаю 4 тысячи червонцевъ, которые раздѣлите между собою по справедливости и усмотрѣнію вашему».

Въ отвѣтъ на то, выражая благодарность свою королю, въ письмѣ отъ 15 Февраля, гетманъ Сагайдачный изобразилъ въ немъ и ту скорбь души своей, которая присоединялась къ его страданіямъ тѣлеснымъ.

«А любо — писалъ онъ — зъ стороны высокодумныхъ и вельможныхъ ихъ милостей пановъ коронныхъ—Вишневецкихъ, Конецпольскихъ, Потоцкихъ, Калиновскихъ и иныхъ, на Украинѣ, властной предковѣчной отчизнѣ нашой, власть свою неслушне распростираючихъ, повѣваютъ на насъ Войско Запорожское холодныи и непріязненыи вѣтри, хотящіи славу нашу въ персть вселити, и насъ братію свою, вѣрныхъ Вашого найяснѣйшого Величества и всей Коронѣ Полской слугъ, въ подданство и ярмо работническое собѣ безбожне наклонити; однакъ уповаемъ, же кгды Ваше Величество восхощетъ и повелитъ, то вистъ бури и вѣтри оные престануть и въ тишину преложатся. И не такъ намъ есть жалостно на пановъ пререченыхъ, яко на ихъ старостокъ, нецнотливыхъ сыновъ и пьяницъ, которыи ни Бога боятся, на премощныхъ Вашого найяснѣйшого Величества монаршихъ мандатовъ слухаютъ: бо скоро я гетманъ, по указу Вашого Величества, на Хотѣнскую военную службу зъ козаками зъ Украины выйшолъ, тогда они старостки заразъ козачокъ бѣдныхъ зачали на всякіе работизны панскіе, безъ жадного обзору и призрѣнія, часто выгонити, бити, и вязенями неслухаючихъ мордовати; що тяжко и жалосно козакамъ, зъ службы Вашой монаршой военной, зъ ранами еще неугоеными и червей полными, повернувшимъ, было отъ женъ и матерей своихъ слышати, и слезы зъ очесъ ихъ точащіеся видѣти.... Ваше же найяснѣйшее королевское Величество, яко отецъ милостивый и Панъ нашъ найласкавшій, и по семъ короткомъ донесеню нашомъ, можетъ своевольныхъ старостокъ и праволомцовъ

(которые на особливомъ реестрику выражаются) усмирити и покорити; а козаковъ бѣдныхъ, отъ ихъ безбожныхъ насильствъ, напастей и тяжестей защитити и освободити. Кгдыжъ, если они козаки не получать въ томъ Вашого королевского найяснѣйшого Величества призрѣнія и респекту, то же бы що новое отъ нихъ (якъ уже и пошемрують) не уродилося, и огня гнѣвного (чого не дай Боже) не запалило; въ якій часъ, уже не на козаковъ, але сами на себе и на своихъ пьяницъ старостокъ, велможныи ихъ милость панове Польскіи нарѣкати и жалковати мусѣли бы.»

Чувствуя приближеніе свое къ кончинѣ, Сагайдачный, въ послѣднихъ числахъ Марта, отпустилъ отъ себя королевскаго придворнаго доктора, съ слѣдующимъ прощальнымъ письмомъ къ королю.

НАЙЯСНѢЙШІЙ КОРОЛЮ ПОЛСКІЙ И НАЙМИЛОСТИВѢЙШІЙ МОЙ ПАНЕ.

Поворочаючи зъ подъ Хотѣня до дому, любо Свѣтлѣйшій Ксіонже Принцъ Владиславъ, наймилшій Вашого королевского Величества сынъ, а мой наиласкавѣйшій добродѣй, для улѣченія смертелныхъ ранъ и болѣзній моихъ придалъ мнѣ лѣкаря своего; однакъ изнемогають тамъ всѣ того лѣкаря лѣкарственныи медикамента и довцѣлы, где ядовитыи пострѣлы бѣсурманскіи, въ тѣло мое потрафивши, всѣ майстерства лѣкарственныи упередили, и смертотворный ядъ свой внутрними дѣйствіями во всѣ составы и жилы мои розливши, латвую и уже видимую не ко животу, но ко гробу устрояють мнѣ дорогу; бо имъ далѣй, тымъ барзѣй изнемогаю и до кончины приближаюся. Для чого не смѣючи болшей и доктора Вашого найяснѣйшого королевского Величества при себѣ удержовати, зъ достодолжнымъ служебничимъ за него благодареніемъ, отпускаю его до двору Вашого найяснѣйшого королевского Величества.

Самъ тежъ приближаючися ко дверемъ гробнымъ, отдаю подъ ноги Вашого найяснѣйшого королевского Величества найнижайшій остатній уклонъ мой; и уже не надѣю-

часа болшей видѣти въ жизни сей найяснѣйшого лица и ласкавыхъ ку себѣ очесъ Вашого королевского Величества, послѣднимъ листовнымъ пожегнанемъ жегнаю превысокіе Вашого найяснѣйшого королевского Величества наимилшого сына Вашого, моего же директора и найласкавшаго добродѣя Свѣтлѣйшого Ксіонженца Принца Владислава, персоны. Где яко упрейме зычу, абы Господь Богъ всемогущою силою сохранилъ Вашого найяснѣйшого королевского Величества и наймилшого сына Вашого Принца Владислава здоровье, при щасливыхъ всегда Вашихъ и державы Вашея, Короны Полскія сукцессахъ; такъ и прошу покорне Вашого найяснѣйшого королевского Величества прощенія, въ чемъ бы колвекъ згрубилъ и погрѣшилъ, яко человѣкъ, предъ найяснѣйшимъ Вашого Величества маестатомъ.

Панъ докторъ Вашого найяснѣйшого королевского Величества, будучи при мнѣ въ Кіевѣ чрезъ часъ немалый, яко присмотрѣлся добре безпрестаннымъ многихъ козаковъ, отъ пановъ Полскихъ и ихъ старостокъ разными способами оскорбленныхъ и бѣдствуемыхъ, сквиркамъ, плачамъ и опеляціямъ, до мене заношеннымъ; такъ о всемъ томъ может ретелне словесно донести Вашому Величеству, если Ваше найяснѣйшее Величество рачитъ его о томъ спытати и милостиво послухати. А я, монаршіе Вашого королевского Величества нозѣ смиренно обнявши, покорне и слезне прошу, дабы тое козакамъ творимое бѣдствіе и озлобленіе, превысокимъ и грознымъ Вашого найяснѣйшого Величества мандатомъ, было запрещено и ускромлено. Особливе Унѣя, за милостивымъ Вашого найяснѣйшого королевского Величества позволенемъ, теперь зъ Русѣ чрезъ святѣйшого Феофана Патріарху Іерусалимского знесенная, абы впредь въ той же Русѣ никогда не отновлялася, и своихъ роговъ не возносила. Мають абовѣмъ отци езуити и вся духовенство костела Римского (и безъ насъ Православныхъ) кого до Унѣи своей наворочати и присвояти, тыхъ народовъ, которыи отнюдь не вѣдають и не вѣрать

Христа Господа, плотію въ міръ пришедшого. А мы Православныи, древнихъ святыхъ Апостолскихъ и Отческихъ преданій и догматовъ безъ жадном Уньи и схизмы придержащися, не отчаваемся нашого спасенія и блаженного живота вѣчного.

Сія двѣ мои, вѣрного Вашого королевского Величества слуги, желанія, ежели рачишъ и наймилшимъ дѣтемъ своимъ по собѣ милостивою прикажешъ учинити, и непремѣнно всегда заховати; то и панованіе ихъ и цѣлой Короны въ тишинѣ и благовременномъ отъ всѣхъ непріятелскихъ навѣтовъ покои завше будетъ и преизбудетъ; чого я и повторе всеусердно желаю, зъ Кіева, Марта числъ послѣднихъ, року 1622.

Вашому Найяснѣйшому Королевскому Величеству вѣрный и найнижшій слуга

Петро Контиевичъ Сагайдачный, *Гетманъ Войска Запорожского.*

Хотинскимъ походомъ гетманъ Сагайдачный довершилъ военное поприще свое; и послѣдніе пять мѣсяцевъ жизни посвятилъ преимущественно заботамъ и печаламъ о успокоеніи и внутреннемъ благѣ Украины. Особенно обратилъ онъ свое попеченіе на Богоявленское Кіевское Братство, въ которое записался онъ [illegible] со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ; и пожертвовалъ нѣсколько тысячь на обновленіе Богоявленскаго монастыря и на содержаніе Братской школы; почему и называется *ктиторомъ* Братскаго монастыря. [illegible] Не забылъ Сагайдачный и о своей Заднѣстровской родинѣ, и отказалъ полторы тысячи золотыхъ червонныхъ на школу

[illegible]—Не разумѣя, что значило записаться въ православное Братство, Энгель въ своей Исторіи сказалъ, будто Сагайдачный постригся въ монахи; и эта ошибка, черезъ Исторію Бантышъ-Каменскаго, распространилась и у насъ. Но Сагайдачный въ монахи не постригался!

[illegible]—Напримѣръ въ Лѣтописи Малороссійской (почитется, Грабянкиной) сказано: «Року 1622 Петро Сагайдачный, славный Гетманъ Запорозскій и велицій защитникъ Православной вѣры, любитель и *Ктиторъ* Братского монастыря» и т. д.

Братства Львовскаго. [25] Опредѣливъ вклады и другимъ монастырямъ, церквамъ и школамъ, и назначивъ опекунами женѣ и повиннымъ своимъ митрополита Іова и будущаго своего преемника въ гетманствѣ, Олиѳера Голубя, и совершивъ по долгу благочестія послѣдніе обряды христіанскіе, на страстной и свѣтлой седмицахъ, — славный гетманъ окончилъ жизнь на проводной недѣлѣ *10 Апрѣля.* [26] Погребенъ въ Братскомъ монастырѣ, при училищной церкви. Надъ тѣломъ его, при погребеніи, двадцать студентовъ произносили стихи, сочиненные тогдашнимъ ректоромъ Кассіаномъ Саковичемъ; а на могильномъ камнѣ ему вырѣзано было слѣдующее надгробіе: [27]

Тутъ зложилъ Запорозкій Гетманъ свои кости,
Петръ Конашевичъ, раненый въ войнѣ: для вольности
Отчизны, игды нань Турцы моцно натирали,
И пострѣлокъ смертельныхъ шкода му задали:
Которыми зраненый, живота доконалъ.
Вѣры Богу, и Королю, и Войску доховалъ.
И умеръ вѣронати мира сѣчнетого:
За што узялъ му, Творцу, нека вѣчнетого,
Якъ рачителю вѣры благочестивой,
Въ которой былъ выхованъ въ молодости своей.
Року тисеча шесть сотъ двадцатъ второго,
Погребенъ въ монастыри Братства Кіевского.
На который тысячій килька офѣровалъ,
Якъ бы тамъ науки фундовано, жадалъ.

25.—См. ниже приложеніе 1-е.

26.—Уже и Самойло Величко, въ своей Лѣтописи, не зналъ когда именно скончался Сагайдачный. Но мнѣ случилось узнать объ этомъ изъ современной замѣтки въ старинномъ Помянникѣ Михайловскаго Золотоверхаго монастыря (въ 4-ку). »Року 1622 *Априля 10* дня благочестивый мужъ панъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный войска Его К. М. Запорожского, по многихъ значеннтыхъ военныхъ послугахъ и звитяжствахъ, на ложи своемъ простеръ нози свои, приложился къ отцемъ своимъ, съ добрымъ исповѣданіемъ, исполненъ благихъ дѣлъ и милостыни, въ Кіевѣ. Погребенъ при церкви школы Словенское въ мѣсте на Подолѣ честно, въ дому Братства церковного.«

27.—Изъ книги *Вѣршъ* 1622 года.

Теперь не видно уже въ Кіевскомъ Братствѣ этого надгробнаго камня; не знаетъ никто даже и мѣста, гдѣ почилъ прахъ достопамятнаго гетмана; уцѣлѣлъ только большой золочено-серебряный ручной крестъ,[illegible] обсаженный девятью каменьями, съ такою надписью на рукояти:

«Року 1622 далъ сей крестъ рабъ Божий Петръ Конашевичъ Сагайдачный Гетманъ Войска Его К. М. Запорозкого, до церкви святаго Богоявления Господня въ домъ Братскій, на отпущение грѣховъ своихъ.»

1850. М.

М. МАКСИМОВИЧЪ.

[illegible]—Рисунокъ этого креста см. въ *Обозрѣніи Кіева*, издан. Н. Фундуклеемъ. К. 1847. Тамъ же и рисунокъ того креста, которымъ патріархъ Өеофанъ благословилъ Кіевское Братство въ 1620-мъ году, и который хранится нынѣ надъ царскими вратами Богоявленской церкви.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ СКАЗАНІЮ О САГАЙДАЧНОМЪ.

I.

ЗАПИСЬ О ПОЖЕРТВОВАНІИ ГЕТМАНА САГАЙДАЧНАГО НА ШКОЛУ ЛЬВОВСКАГО БРАТСТВА, 1622.

Іовъ Борецкій Милостію Божею Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій Галицкій и всея Россіи, весполъ и Олиферъ Остаповичь Голубъ Гетманъ зо всѣмъ Товариствомъ Войска Его Королевской Милости Запорозского.

Вѣдомо чинимъ, кому то належати можетъ, нынѣшнего и напотомъ будучого вѣку людемъ: нжъ мы Іовъ Борецкій Милостію Божею Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій Галицкій и всея Россіи, весполъ изъ Паномъ Олиферомъ Гетманомъ и всѣмъ рицерствомъ Войска Его Кор. Милости Запорозского, за волею Бога Вседержителя, въ року теперъ идучомъ тисеча шестсотъ двадцать второмъ, мѣсяца Апрnäля пятого дня, отъ вѣчное памяти и славы несмертелное годного Гетмана Войска Его Кор. Милости Запорозского, мужа христіанскихъ цнотъ и милостини полного, пана Петра Конашевича Сагайдачного, при доброй памяти и здоровомъ умыслѣ, въ хоробе его, будучи обраны отъ него самого жонѣ и повинныхъ его опекунами и всее худобы и маетности, ведле уподобаня и остатнее воли его, которою въ духовници остатнимъ тестаментомъ запечитовалъ и спорядити велѣлъ,

шафарян и вѣрными диспозиторми тисячей полторы золотыхъ, которыхъ онъ на школу Братства Лвовского, на науку и на цвичснье Бакаларовъ учоныхъ, лекговалъ и вѣчными лѣты на пожитокъ ихъ оффровалъ, таковымъ способомъ паномъ Братіямъ Братства церковного храма Успения Пречистыя Богородицы въ мѣсте Лвовѣ, якъ намъ повѣрено и полецено, повѣряемъ и повѣрилисмо, полецаемъ и полецилисмо по нихъ самыхъ и по ихъ потомкахъ братіяхъ Братства реченого, непрерваными часы мѣти то хотячи, абы зъ тыхъ полторы тисячи золотыхъ на каждый рокъ, на выхованье ученого маистра въ Греческомъ языку бѣглого, Церкви Божой и дѣткамъ христианскимъ народу Россійскому потребного, золотыхъ полтораста пожитку прирастати могло, и то нигде индей тылко на науку оборочано было. А тые полторы тисечи золотыхъ абы никакъ неубывали а ни уменшали, зъ чого ихъ милости панове Братія, отъ початку тое фундацыи нашое, отъ року тисеча шестсотъ двадцатъ второго мѣсяца Июня двадцать четвертого дня отъ дня рожества святаго славнаго Пророка и Предотечи Іоанна, за засланьемъ отъ мене любъ отъ потомка моего Митрополита Православного Киевского, и отъ насъ Гетмана и потомка моего и всего рицерства Войска Его Кор. Милости Запорозского, посланника маютъ, и повинныи будутъ за всѣ хоть надолшие лѣта зъ прiростку на каждый рокъ зъ росходу на учителей школьныхъ зъ полторусетъ золотыхъ рахунокъ пристойный и личбу чинити, а тую головную суму полтори тисячи золотыхъ на мѣсцу и въ пожитку певномъ презъ вѣры годное свѣдецтво цало указати, абы тая фундацыя того всякое чти и памети вѣчное годного мужа пана Петра Конашевича Сагайдачного, зъ заслугъ всего рыцерства Войска Его Кор. Милости Запорозского, черезъ мене Іова Борецкого Митрополита православного Киевского учинненая, на школу албо рачей на дидаскаловъ, за чимъбы въ школе той Братской всегодне непрерване наука тревати могла, вѣчными и потомными часы не нищала а ни уставала, обовезуючи въ томъ помененыхъ Братий

Братства церковного Лвовского, естлибы въ томъ значного старания чинить не хотѣли, я зъ части моее духовное митрополитанское, страшнымъ Господа Бога моего имсиемъ и грознымъ а справедливымъ и неублаганымъ на недбалыхъ злыхъ дѣлателей Вседержителя судомъ; а зъ части Войска Его Кор. Милости Запорозского, еслибы якое недбалство около наукъ по ихъ милость панахъ Братіяхъ которого часу пошляковано и пристойне показано было, кромѣ всякого позву и переводу правного, шкодою и зарукою другихъ таковыхъ полтори тисечи золотыхъ, которыхъ они заплативши и до тое сумы приложивши южъ совитый отъ трехъ тисячей пожитокъ триста золотыхъ до школы што годъ чинити повинни будутъ, иначей неотступаючи отъ повинности своее. Въ чомъ и повторе, если бы тожъ недбалство въ оныхъ найдовалось, а пилности около школныхъ наукъ пристойне показатись не мѣло, знову въ совитость всѣхъ трохъ тисечей, до шести тисечей золотыхъ въ шкоды въ ровне совитей на каждый рокъ шестсоть золотыхъ прифробокъ и въ неотрочную около школы наукъ учтивыхъ полность подпадати мають и повинны будутъ, и такъ кромѣ всякое вымовы, сами собою худобою зъ потомками во всѣ потомные вѣки всѣ Братія Братства церковного храма Пресвятое Богородице Леополите около помноженья учтивыхъ наукъ въ школѣ Братской въ мѣсте Лвове старатись працовати й промыслъ вшелякій чинити, подъ вышъ описаною облигаціею и кондыціями, яко спасение свое и народу и дѣтокъ своихъ и Церкве Христовои помноженье милуючи, вѣчно и неотмѣнно веспол и зъ нами мають и повинни будутъ. И на томъ тую вѣчную Войска Его Кор. Милости Запорозского фундацыю укгрунтовавши, и паномъ Братиямъ Братства церковного Лвовского въ руки подавши тую помененную суму полтори тисячи золотыхъ черезъ посланниковъ умоцованыхъ ихъ милостей Братію Братства Лвовского п. Григорія Русиновича Романовича и пана Павла Михайловича уиствивши, при печати нашой Митрополской, руками своими подписуемъ. Въ монастыри Михайловскомъ

церкве Золотоверхое въ Кіеве дня 21 Іюля мѣсяца 1622 року отъ Христа, а отъ створенія Свѣта 7130. Индикта пятого.

Іовъ Борецкій Митрополитъ Кіевскій рукою власною.
Олифѣръ Остановичъ Голубъ Гетманъ Войска Его Королевской Милости Запорозского съ Товарниствомъ.
Лаврентій Пашковскій писаръ.

(Эта запись сообщена мнѣ 1840 г. Денисомъ Зубрицкимъ, въ копіи, списанной имъ съ подлинника, хранящагося въ Ставропигіальномъ архивѣ Львовскомъ.)

II.

ОТРЫВКИ ВѢРШЕЙ (СТИХОВЪ), ЧИТАННЫХЪ СТУДЕНТАМИ КІЕВОБРАТСКОЙ ШКОЛЫ, ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ГЕТМАНА САГАЙДАЧНАГО.

Есть для чого гойныя слезы выливати,
Сердцы, устьі, и шатми жаль свой освѣдчати:
Бо ото смерть горкая невчесне порвала
Славного рыцера, котрого похвала
Кролю Пану и Речи посполитой была;
Бо его слава въ многихъ краяхъ земныхъ слыла.
Славное Войско годно такого Гетмана,
Который пилне стерегъ чести своего Пана;
Умѣлъ мудре тымъ силнымъ Войскомъ кероваты,
Доброго любилъ, злого зась звыклъ былъ караты.
Для тогожъ и звитязства часто доказовалъ,
Же карность съ послушенствомъ въ своемъ войску мѣвалъ.
Пилне онъ того стерегъ, бы война съ христіаны
Христіаномъ не была, лечъ толко съ поганы,
Которыхъ онъ водою и сухомъ воевалъ,
И плѣненныхъ христіанъ зъ моцы ихъ выдиралъ.

Братства церковного Лвовского, ест.либы въ томъ значного старания чинить не хотѣли, я зъ части моее духовное митрополитанское, страшнымъ Господа Бога моего именемъ и грознымъ а справедливымъ и неублаганымъ на недбалыхъ злыхъ дѣлателей Вседержителя судомъ; а зъ части Войска Его Кор. Милости Запорозского, есльбы якое недбалство около наукъ по ихъ милость панахъ Братіяхъ котораго часу ношляковано и пристойне показано было, кромѣ всякого позву и переводу правного, школою и зарукою другихъ таковыхъ полтори тисечи золотыхъ, которыхъ они заплативши и до тое сумы приложивши южъ совитый отъ трехъ тисячей пожитокъ триста золотыхъ до школы што годъ чинити повинни будутъ, пачисй неотступаючи отъ повинности своее. Въ чомъ и повторе, если бы тоежъ недбалство въ оныхъ найдовалось, а пилности около школныхъ наукъ пристойне показатись не мѣло, знову въ совитость всѣхъ трохъ тисечей, до шести тисечей золотыхъ въ школы въ ровне совитей на каждый рокъ шестсотъ золотыхъ прировокъ и въ неотрочную около школы наукъ учтивыхъ полность подпадати мають и повинны будутъ, и такъ кромъ всякое вымовы, сами собою худобою зъ потомками во всѣ поточные вѣки всѣ Братія Братства церковного храма Присвятое Богородице Леополите около помноженья учтивыхъ наукъ въ школѣ Братской въ мѣсте Лвове старатись працовати й промыслъ вшелякій чинити, подъ вышъ описаною облигаціею и кондыціями, яко спасение свое и народу и дѣтокъ своихъ и Церкве Христовои помноженье милуючи, вѣчно и неотмѣнно весполъ и зъ нами мають и повинни будутъ. И на томъ тую вѣчную Войска Его Кор. Милости Запорозского фундацыю укгрунтовавши, и паномъ Братіямъ Братства церковного Лвовского въ руки подавши тую помененную суму полтори тисячи золотыхъ черезъ посланниковъ умоцованыхъ ихъ милостей Братію Братства Лвовского п. Григоріа Руснновича Романовича и пана Павла Михайловича учстивши, при печати нашой Митрополской, руками своими подписуемъ. Въ монастыри Михайловскомъ

церкве Золотоверхое въ Киеве дня 21 Июля мѣсяца 1622 року отъ Христа, а отъ створенія Свѣта 7130. Индикта пятого.

Іовъ Борецкій Митрополитъ Киевскій рукою власною.
Олиферъ Остаповичъ Голубъ Гетманъ Войска Его Королевской Милости Запорозского съ Товариствомъ.
Лаврентій Пашковскій писаръ.

(Эта запись сообщена мнѣ 1840 г. Денисомъ Зубрицкимъ, въ копіи, списанной имъ съ подлинника, хранящагося въ Ставропигіальномъ архивѣ Львовскомъ.)

II.

ОТРЫВКИ ВѢРШЕЙ (СТИХОВЪ), ЧИТАННЫХЪ СТУДЕНТАМИ КІЕВОБРАТСКОЙ ШКОЛЫ, ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ГЕТМАНА САГАЙДАЧНАГО.

Есть для чого гойныя слезы выливати,
Сердцы, устй, и шатми жаль свой освѣдчати:
Бо ото смерть горкая невчесне порвала
Славного рыцера, котрого похвала
Кролю Пану и Речи посполитой была;
Бо его слава въ многихъ краяхъ земныхъ слыла.
Славное Войско годно такого Гетмана,
Который пилне стерегъ чести своего Пана;
Умѣлъ мудре тымъ силнымъ Войскомъ ѣеровати,
Доброго любилъ, злого зась звыклъ былъ карати.
Для тогожъ и звитязства часто доказовалъ,
Же карность съ послушенствомъ въ своемъ войску мѣвалъ.
Пилне онъ того стерегъ, бы война съ христіаны
Христіаномъ не была, лечь толко съ поганы,
Которыхъ онъ водою и сухомъ воевалъ,
И плѣненныхъ христіанъ зъ моцы ихъ выдиралъ.

Слуше о томъ Гетманѣ каждый держать може,
Же былъ правый Гетманъ, дай му вѣчный покой, Боже!
За великую себѣ мѣлъ то нагороду,
Гды зъ неволи вызволитъ кого на свободу.
Кгдыжъ война для тыхъ толко причинъ мастъ быти:
Себе отъ кривдъ и иныхъ также боронити.
О, цный Гетмане, славный въ людехъ по всѣ вѣки,
Нехай тя пріймететъ Христосъ въ небесныи лики!

—

Не разъ онъ громилъ орды Татаровъ на шлякахъ,
И загоны ихъ разилъ въ великихъ оршакахъ.
Дознаілъ моци Рыцера того Турчинъ силный,
Въ томъ тогорочномъ бою, якъ то былъ мужъ дѣлный.
Же въ маломъ почтѣ своихъ, Турскимъ многимъ полкомъ,
Менжне спиралъ поганскимъ розъѣдлымъ волкомъ,
За ойчизну менжне ся имъ заставляючи,
Здоровя своего намнѣй не охороняючи.
Волѣлъ самъ, якъ Кодрусъ кроль въ Атенахъ въ Греціи,
Смерть подиять, бы ойчизна токмо была цѣлѣ.
Гдыжъ лѣпѣй есть стрѣтити животъ за ойчизну,
Нѣжли неприятелю достатися въ коризну;
Кто бо вѣмъ за ойчизну не хочетъ вмирати,
Тотъ потомъ зъ ойчизною мусить погибати.
Цный Сагайдачный волѣлъ самъ рану подняти,
Нѣжли бы поганину христіанъ выдати;
Отъ которои раны ото умираетъ,
Але слава и менство его зоставаетъ.

—

По прѣжну фрасуетъ ся всякъ живый человѣкъ,
Поневажъ короткій есть его на свѣтѣ вѣкъ.
Богатство, мудрость, слава, сила, все преходитъ,
Нѣчого ся трвалого въ мірѣ не находитъ.
Што можемъ въ томъ Рыцеру нашомъ огледати,

Же такъ не иначей есть, латво узнавати
Цы-ли онъ не мѣлъ силы, здоровя, и грошій;
Не былъ ли славный, вежный, на тѣлѣ хороший;
Цы-ли не мѣлъ докто́ровъ на свою хоробу!
Лечь на смерть нѣтъ лѣкарства, отдается гробу.
Человѣкъ якъ тѣнь, сонъ, трава: якъ цвѣтъ увядаеть;
Нагъ ся родить, нагъ схо́дить, все ся тутъ застаеть....

—

Уродился онъ въ краяхъ Подгорскихъ Премыскихъ;
Выхованъ въ вѣрѣ Церкви Всходней зъ лѣтъ дѣтинскихъ;
Шолъ потомъ до Острога́, для наукъ учтивыхъ,
Которыи тамъ квитли, за благочестивыхъ
Княжатъ, которыи ся въ наука́хъ кохали;
На школы маетностій много фундовали:
Абы ся млодь въ наукахъ учтивыхъ цвѣчила,
Церкви и тыжъ отчизнѣ пожитечна была.
Дай Боже, бы тая тамъ фундація тривала,
Же бы ся оттоль хвала Божія помножала!

Тамъ теды Конашевичъ часъ не малый живши;
И наукъ въ письмѣ нашомъ Словенскомъ навыкши,
Потомъ видячи ся быть способнымъ до мензства,
Шолъ до Запорозкого славного Рыцерства,
Межи которымъ презъ часъ не малый жіючи
И рыцѐрскихъ дѣлностей тамъ доказуючи,
Гетманомъ потомъ себѣ Войско го обрало,
И зъ нимъ мензне Татаровъ и Турковъ бивало.
За своего Гетманства взялъ въ Турцехъ мѣсто Кафу;
Ажъ и самъ цесарь Турскій былъ въ великомъ страху:
Бо му чотырнадцать тисячь тамъ людей збилъ,
Катарги единыи палилъ, другія потопилъ;
Много тогды зъ неволѣ христіанъ свободилъ,
За што Богъ зъ воинствомъ его благословилъ.
Бо за найбольшую нехъ собѣ нагороду
Почитаеть рыцерь, кгды кого на свободу

Вызволитъ: за што грѣховъ собѣ отпущене
Одержитъ, а по смерти въ небѣ вмѣщене.
Дознавъ не по единъ кроть Турчинъ поганинъ
Его мензства, и прудковосный Татаринъ.
Повѣсть и Мултянская земля и Волошинъ,
Якъ ихъ тотъ Гетманъ зъ своимъ рыцерствомъ полошилъ.
Досвѣдчилъ и Инфлянтчикъ того Войска силы,
Гды ихъ тамъ тыи Рыцери якъ траву косили...
И завше онъ дѣлностю своею въ то трафлялъ,
Якъ бы безъ шкоды своихъ, непріятелювъ досталъ,
Теды церкви въ покою оставляти казалъ....
И завше зъ своимъ Войскомъ Кроля пана просилъ,
Абы вѣру нашу святую успокоилъ,
Оферуючися му тымъ хентнѣй служити,
Кгды бы рачилъ релію нашу успокоити,
Для которыи междоусобная война
Дѣется межи людми въ панствѣ Кроля пана,
Кгдыжъ за вѣру готовъ есть правый христіанинъ
Умирати, а не дасть ся привести до новинъ.
А кгды тую прозбу Кроль зъ Сенатомъ откладалъ:
Тымъ часомъ Патріарха вчасне къ намъ завиталъ,
Зъ земли Святои, мѣста Іерусалима,
Отколь вышла на ввесь свѣтъ правдивая Вѣра.
Котораго тотъ Гетманъ зъ Войскомъ наведивши
Въ Кіевѣ, и поклонъ му достойный отдавши,
Съ Православными почалъ раду въ томъ чинити:
Же бы могли Пастырей Православныхъ мѣти
Въ Церкви своей, на мѣстцахъ владыковъ Униѣтовъ,
Которыхъ маетъ народъ нашъ за езуитовъ,
Кгдыжъ Униятн зъ ними единомудрьствуютъ,
Всѣхъ подбити подъ владзу папѣ усилуютъ.
Обравши теды згодне всѣ, зъ людей духовныхъ,
Честныхъ мужей и въ писмѣ бѣглыхъ особъ годныхъ:
Патріарсѣ святому ихъ презентовали,
О посвячения ихъ на владыцства жадали.

А кгды святѣйшій отецъ съ екзархомъ * обачилъ
Слушность въ жаданю, особъ тыхъ посвятити рачилъ:
Іова Борецкаго на Митрополію,
И владыкъ на каждого ихъ Епископію.
Зоставивши теды намъ святыню въ Россіи,
Святѣйшій Патріархъ самъ ѣхалъ до Кгреціи.
Которого тотъ Рыцеръ зъ Войскомъ Запорозкимъ
Отпровадилъ въ покою къ границомъ Волоскимъ,
Чинячи то за его Кр. Мил. позволенемъ,
И тыжъ Войска Запорозкого повеленемъ.
О, якій тамъ плачъ былъ, кгды ся Войско вертало
Назадъ, и зъ святѣйшимъ отцемъ южъ жегнало:
Сердце ихъ правѣ мдлѣло зъ набожного жалю,
Въ ономъ ихъ зъ собою ся въ дорозѣ розсталю.
Тую теды послугу годне отправивши
И благословеніе Войску одержавши,
Вернулися въ покою до своихъ салашовъ,
И ледво тróха вытхли: али Турчинъ нашолъ,
Зъ многолюдным поганствомъ на отчизну нашу,
Южъ назначивши свого до мѣстъ нашихъ башу,
Который въ Запорозкомъ Войску хотѣлъ снѣдати,
А въ Полскомъ засъ обозѣ мыслилъ обѣдати.
Але Богъ, въ которого моцы есть звитязство,
Додалъ моци нашому Войску на Поганство,
Же хотъ шесть кротъ не ровно, предъ ся утѣкали
Турци предъ нашими, кгды на нихъ натирали:
Снѣданя имъ посполу зъ обѣдомъ даючій,
А на вечéру на честь до Плютона шлючій,
Которой не хтячи другіи чекати,
Ради не ради, назадъ мусѣли вступати.
Дознáлъ теды поганинъ Іисуса Христа,
Которого блюзнили злыи его уста,

* Объ экзархѣ *Арсеніи*, тогда бывшемъ въ Кіевѣ, упоминаетъ патр. Өеофанъ въ своей Грамотѣ Богоявленскому Братству 1620 г. Мая 27.

Же нашихъ священниковъ хотѣлъ въ плугъ запрягати,
И въ Домахъ Божіихъ коні обецалъ ставляти.
Але гордому, все ся то вспакъ обернуло:
Же малошто войска зъ нимъ назадъся вернуло.
Такъто Богъ гордымъ завше звыклъ ся спротивляти:
Покорнымъ зась и тихимъ благодать давати!
Изъ нашихъ, хоть много тамъ побитыхъ и раныхъ,
Зостало, оружіемъ Турчиновъ поганыхъ:
Еднакъ, если зъ сповѣдію шли на тую войну,
Возмутъ заплату въ Небѣ, за мужество, гойну:
Же за христіанскую кровъ ся заставляли,
Ойчизны бороначи, кровъ свою выляли.
На томъже пляцу тотъ нашъ Гетманъ пострѣлёный,
Пріѣхалъ до Кіева, наполы умерлый:
Где розмайтыхъ лѣкарствъ долгій часъ зажывалъ,
На докторы отъ Кроля самого коштъ мѣвалъ.
Бо ктожъ бы не зычилъ былъ такому Гетману
Здоровя, што вѣрне служилъ Ойчизнѣ и Пану,
А кгды тѣлу лѣкарство цѣлный не помагало,
И овшемъ въ болшую го хоробу затягало:
Почалъ далей о душномъ лѣкарствѣ мыслити,
Якъ бы отъ змазъ грѣховныхъ моглъ ся очистити,
На которую пластры такіе прикладалъ:
Жаль и слезы гойныи за грѣхи вылывалъ,
Ку смерти ся отъ килку недѣль готуючи,
Сповѣдію и жалостю грѣхи встуючи.
Тайну седмъкроть принялъ маслосвященія,
Такъ тежъ тайны святого зъ нимъ причащенія,
Мастность свою роздалъ, едину на шпиталь,
Другую зась на церквы, школы, монастырѣ.
И такъ все спорядивши, живота доконалъ,
При церкви Братской честно въ Кіевѣ похованъ.
Въ котрое ся Братство, зо всѣмъ Войскомъ вписалъ,
И на него ялмужну значную отказалъ.

Съ того Гетмана кождый Рыцеръ нехъ ся учитъ,
Якъ бы тыжъ мѣлъ на свѣтѣ тотъ животъ свой кончить.
Ото онъ въ Вѣрѣ своей Святой трвалъ статечне,
И ойчизны своей боронилъ тыжъ менжне.
И маетностю добре своею шафовалъ,
Не на костки, и карты, и збытки обертал;
Але, яко есь слышалъ, на речи добрый,
Души его по смерти барзо потребный.
Видѣлъ онъ и Львовское Братство, хоть далеко,
Церковь ихъ въ мѣстѣ надѣлилъ, недалеко:
Суму значную грошій до Братства легговалъ,
А же бы науки тамъ были, пилне жадалъ.
И такъ отъ всѣхъ повсюду богомолье маетъ:
За тымъ, нехъ душа его въ небѣ почиваетъ!

ПАМЯТЬ

О КУНТУШАХЪ И ШАПКѢ,

ЖАЛОВАННЫХЪ ГЕТМАНИЧУ ЯКОВУ САМОЙЛОВИЧУ, КЪ СВѢТЛОМУ ПРАЗДНИКУ 1679 ГОДА.

Лѣта 7187 г. Октября въ 5 день по Государеву Цареву и Великаго Князя Феодора Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца указу. Память дьяку Феодору Максимову: въ нынѣшнемъ въ 187 г. Сентября въ 18 день, въ указѣ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Феодора Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца въ Новгородцкой Приказъ, изъ Приказу Малыя Росіи, за приписью дьяка Василья Бобинина, написано: Пожаловалъ Великій Государь Гетмана Ивана Самойловича сына его Іакова, велѣлъ ему дать своего Великаго Государя жалованья для Праздника Свѣтлого Христова Воскресенія, сдѣлавъ, платья: *Кунтышь* бархатной червчатой, мѣхъ собольей пупчатой доброй, въ 25 рублевъ; а прикладу къ нему приложить: подпушить тотъ Кунтышь отласомъ, какимъ пристойно, положить кругомъ его снурокъ золотной, двадцать пугвицъ съ искорки и съ финифтью. Да *исподней Кунтышь* отласу желтаго, подпушить краснымъ отласомъ, кругомъ его снурокъ серебряной, подложить киндякомъ, тридцать пугвицъ съ финифтомъ, золоченыхъ, къ рукавамъ два портища пугвицъ золоченыхъ же, да положить кругомъ его голунъ золотной. И шить тѣ кунтыши и стегать шелкомъ. Да шапку здѣлать бархатную жъ

съ соболемъ; соболь приложить въ два рубли съ полтиною. И о томъ его Великаго Государя указъ изъ Приказу Малыя Росіи въ Казенной Приказъ посланъ; а изъ Казеннаго Приказу въ Приказъ Малыя Росіи въ указѣ Великаго Государя написано, что въ Казенномъ приказѣ въ его Великаго Государя въ Казнѣ бархату червчатаго и исподовъ собольихъ и отласу червчатаго и желтаго и пугвицъ и снурковъ серебряныхъ и голуновъ золотныхъ и денегъ нѣтъ. И по указу Великаго Государя, Гетмана Ивана Самойловича сыну его Іакову то платье велено искупить и сдѣлать по прежнему его Великаго Государя указу въ Казенномъ Приказѣ, а денегъ на покупку того платья и на прикладъ, сколько доведетца дать, опричь исподовъ собольихъ, взять изъ Новгородскаго Приказу, и о томъ для вѣдома въ Новгородскій Приказъ отписать. И по Государеву Цареву и Великаго Князя Θеодора Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца указу, дьяку Θедору Максимову учинить о томъ по указу Великаго Государя.

(Сообщено отъ *И. Е. Забѣлина*, въ копіи съ подлинника, писаннаго столбцемъ на 2 листкахъ.)

ЛУБОЧНЫЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ

МАЛОРОССІЙСКИХЪ ГОРОДОВЪ.

Съ той поры, какъ неутомимый изыскатель Руской старины и народности издалъ свое примѣчательное изслѣдованіе о *лубочныхъ картинкахъ*, * на нихъ смотрю я съ большимъ противъ прежняго вниманіемъ. Въ самомъ дѣлѣ: любопытна эта, такъ сказать, *пройа пера* Народнорускаго, гдѣ даровитый бородачь, еще не покинувъ завѣтнаго круга своей *изустной словесности*, но уже помазавшись *грамотою*, начинаетъ быть *писателемъ*: тутъ онъ является вмѣстѣ и *изобразителемъ*. Ибо, какъ въ пѣснѣ его, и стихъ и напѣвъ родятся, можно сказать, близнецами; такъ и здѣсь: письмена у него неразлучны съ картинкою; и какой бы предметъ ни взялся онъ описать, у него всегда онъ выходитъ въ лицахъ. Безъ картинки не краснорѣчиво его писаніе, также какъ безъ краснаго словца не взрачна картинка его; а совмѣстно то и другое удовлетворяетъ и самого сочинителя, и многочисленныхъ его читателей и зрителей. —

Собирая разныя извѣстія о городахъ Южнорускихъ, (которыя, по мѣрѣ силъ, и передаю въ общую извѣстность, посредствомъ Кіевлянина и другихъ изданій), я не лишнимъ почелъ приложить здѣсь *лубочныя* изображенія *пяти Малороссійскихъ городовъ*, для памяти о томъ: какіе именно города Малороссіи, подъ какими видами, и съ какими извѣстіями, издавна въ ходу у простонародья Великорускаго.

Передо мною теперь: »Описаніе славныхъ и великихъ правинъціальныхъ градовъ Всероссійской Имперіи»—на лубочной картинѣ, изъ четырехъ склеенныхъ листовъ. Въ верхней полосѣ, посрединѣ двуглавый орелъ, съ Андреемъ первозваннымъ на груди; съ правой стороны у него *»высокопрестоль-*

* См. о *Лубочныхъ картинкахъ Рускаго народа*, И. М. Снегирева. М. 1840. Ему же обязанъ я за сообщеніе мнѣ картины *Рускихъ градовъ*.

ный град *Москва*; съ лѣвой »царствующій *Санктъ-питербургъ новопрестольная* Россійская столица.«

Вторую полосу начинаетъ »Богохранимый славный градъ *Кіевъ*, *первопрестольная* Россійская столица....« За тѣмъ »*Великій Нов-Градъ* во странѣ полунощной надъ езеромъ Ильмеромъ надъ рѣкою Вольховымъ.... »и т. д. Всѣхъ городовъ *пятьдесятъ*, съ краткимъ описаніемъ каждаго подъ изображеніемъ его.

Кромѣ *Кіева*, изъ Малороссійскихъ городовъ, помѣщены еще четыре, съ слѣдующими описаніями.

»Градъ *Черніговъ* такожде презрядный и великій при рѣкѣ Деснѣ, въ растояніи отъ Москвы чрезъ Калугу 640 верстъ. въ Черниговской епархіи соборовъ 10 церквей 500 манастырей и пустынь 20.«

»Градъ *Переяславль* чрезъ Калугу въ растояніи отъ Москвы 700 верстъ. Въ Переяславской епархіи 20 соборовъ, церквей 573, манастырей и пустынь 51.«

»Градъ *Глуховъ* такожде презрядный въ растояніи отъ Москвы чрезъ Калугу 560 верстъ.

»Градъ *Батуринъ* во стране Черкаской въ растояніи отъ Москвы чрезъ Калугу 660 верстъ.«

Внизу этой лубочной картины Рускихъ городовъ находится слѣдующая подпись.

»Буди же извесно, яко оные грады и правинціи кто присовокупи подъ Московскую протекцыю, Понеже первый собиратель Московскій Князь Іоаннъ Васильевичъ Великій, и по истиннѣ великій, не словомъ но дѣломъ, и во раздсыпанное отечество въ раздѣленіе дѣтей Владимеровыхъ воедино собралъ и паки утвердилъ честь имени своему и славу Россійской Имперіи, яже и нынѣ ея Императорскаго Величества Елисаветъ Петровна и Самодержица Всероссійская благополучнымъ здравиемъ и непремѣннымъ щастиемъ Всероссійское Имперіе славою и честію процвѣтаетъ.

Любезнѣйшій мой читателю, буди о Бозѣ подражателю; кая намъ погрѣшенія, да молимъ о семъ прощенія; самъ исправиши любезно, дабы было всѣмъ намъ полезно.«

Послѣ этого, какъ же не простить нашему брадатому географу того, что онъ присвоилъ *Переяславлю Рязанскому* исторію *Переяслава Руского* (такъ названъ Малороссійскій Переяславъ даже и въ извѣстномъ *Спискѣ Рускихъ городовъ*, составленномъ въ 15 вѣкѣ). У него читаемъ: «градъ *Переяславль Рязанской* построеніемъ великаго князя Владимера. Егда услыши Владимеръ, яко Печенѣзи мнози собрашася при рецѣ Трубѣще, и прошаше у князя борца, неки мужъ отъ села Резани рече князю: Государь, сынъ у меня есть братися противъ Печенѣга. Князь же возвеселися, и призва борца. Борецъ же нача братися съ Печенѣгомъ и побѣди, и зубы отъ него съ кровию искорени, и душу отъ него истрясе. И того ради князь Владимеръ нарече градъ Переяславль Рязанскій, идѣже преславная побѣда содѣяшася.»

Подобныя перемѣщенія встрѣчаемъ и не на лубочныхъ старинныхъ картахъ. Такъ напримѣръ, на картѣ въ знаменитой книгѣ Герберштейна *Rerum Moscoviticarum*, Десна вливается въ Днѣпръ не подъ Кіевомъ, а подъ Черкасами.

Да и въ новѣйшихъ ученыхъ разысканіяхъ о Рускихъ городахъ, случаются таковыя же перемѣщенія. Такъ напримѣръ, въ Московской *Книгѣ Большаго Чертежа*, исчисляются Наддѣпровскіе города, внизъ по Днѣпру: Кіевъ, Триполье, Витачевъ, Стайки, Иржищевъ, Ходоровъ, Терехтемировъ, Каневъ, Мошна, Черкасы, *Бобровица*.... Ясно, кажется, что это *Старая Бобровица* въ Кіевской губерніи; но издатель «Книги Большаго Чертежа» г. Спаскій, въ примѣчаніи 101-мъ, относитъ ее въ Херсонскую губернію, указывая на *Бобринецъ!* Далѣе въ Книгѣ: *Крыловъ, градъ Чигиринской,* «а выше Чигирина вверхъ по Тесмени 2 мили градъ *Медвѣдица*». Ясно, кажется, что это *Медвѣдовка*, сосѣдка Чигирина; но г. Спаскій, въ примѣчаніи 103-мъ, указываетъ на Медвѣдовку въ Обоянскомъ уѣздѣ!.... И такъ, можно и здѣсь повторить къ читателю: «самъ исправивши любезно, дабы было всѣмъ намъ полезно!»

1850. М. М. МАКСИМОВИЧЪ.

БГОХРАНИМЫИ СЛАВНЫИ ГРАДЪ КИЕВЪ ПЕРВОПРЕСТОЛЬНАѦ РОССІИСКАѦ.
СТОЛИЦА ВНЕМЪЖЕ МНОЖЕСТВО ЧЕСНЫХЪ МАНАСТЫРЕИ И СВЕТЫХЪ ЦЕРКВЕИ
ѾНЕГОЖЕ БЛАГОДАТЬ БЖИѦ ВОСИАЛА ВРОССІИСКУЮ ЗЕМЛЮ ЧРЕЗЪ СТАГО АПО
СТОЛА АНДРЕѦ И СВАТАГО РАВНОАПОСТОЛЬНАГО ВЕЛИКОГО КНѦЗА ВЛАДИМЕ
РА ИЖЕ РОССІИСКІИ НАРОДЪ СТЫМЪ КРЕЩЕНІЕМЪ ПРОСВЕТИВЪШИХЪ ИѾТЬМЫ
И ДОЛОСЛУЖЕНИѦ ИХРИСТИАНЪСКОИ ВѢРЕ ѠБРАТИВШЫХЪ. ВКИЕВСКОИ ЕПАРХІИ
СОБОРОВЪ КА ЦРКВЕИ АМГ МАНАСТЫРЕИ ИПУСТЫНЬ МА ВРАСТОѦ
ѾМОСКЪВЫИ ДОКИЕВА ЧРЕЗЪ КАЛУГУ ЦѰ ВЕРСТЪ.

ГРАДЪ ЧЕРНІГОВЪ.

ГРАДЪ ПЕРЕѦСЛОВЛЬ.

ГРАДЪ ГЛꙊХОВЪ.

ГРАДЪ БАТꙊРИНЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОЭТУ.

Блаженъ, кому въ удѣлъ служенье
Искусству — дали небеса;
Кому, чрезъ трудъ и откровенье,
Его доступны чудеса!
Весь міръ въ немъ ясно отразится,
И все, чѣмъ душу міръ проникъ,
Въ огнѣ души преобразится
И обрѣтетъ себѣ языкъ!

Трудись, поэтъ! трудись келейно,
Исполнись вѣры и любви,
И совершай благоговѣйно
Священнодѣйствія твои!

И день придетъ, еще далекій,
Когда они благословятъ
Досуговъ праздныхъ длинный рядъ,
Твой тихій трудъ и одинокій,
И трезвость думъ, и чистоту
Твоихъ возвышенныхъ созданій,
И благодать твоихъ страданій,
И бурь душевныхъ красоту!

1846 г. Мая 9. *И. Аксаковъ.*
Калуга.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОЭТУ.

Блаженъ, кому въ удѣлъ служенье
Искусству — дали небеса;
Кому, чрезъ трудъ и откровенье,
Его доступны чудеса!
Весь міръ въ немъ ясно отразится,
И все, чѣмъ душу міръ проникъ,
Въ огнѣ души преобразится
И обрѣтетъ себѣ языкъ!

Трудись, поэтъ! трудись келейно,
Исполнись вѣры и любви,
И совершай благоговѣйно
Священнодѣйствія твои!

И день придетъ, еще далекій,
Когда они благословятъ
Досуговъ праздныхъ длинный рядъ,
Твой тихій трудъ и одинокій,
И трезвость думъ, и чистоту
Твоихъ возвышенныхъ созданій,
И благодать твоихъ страданій,
И бурь душевныхъ красоту!

1846 г. Мая 9.
Калуга.

И. Аксаковъ.

ОТДЫХЪ.

Въ жизни путь предназначивъ себѣ,
На него я безъ страха гляжу,
И скупой покорившись судьбѣ,
Твердо цѣль я простую слѣжу.

Много было вопросовъ въ груди,
Всякихъ смѣлыхъ порывовъ и грёзъ;
И надеждъ предо мной впереди,
И ненужныхъ страданій и слезъ!

Всѣ мечты обличить я умѣлъ,
Грёзамъ не далъ себя обмануть;
И понявъ ежедневный удѣлъ,
Я побрелъ въ незаманчивый путь! . .

Нынче цѣлый трудился я день;
Утомленный, сижу безъ огня;
И покой и законная лѣнь
Сладкой нѣгой объяли меня.

Тихо. Ночь. На просторъ голубой
Изъ за тучъ выплываетъ луна:
Бѣлый свѣтъ пробѣжитъ полосой,
Въ тучи снова уходитъ она.

И смѣнило заботливый шумъ
Безпокойной дневной суеты —
Время стройныхъ и медленныхъ думъ,
Время легкихъ видѣній мечты. . .

Все, что въ сердцѣ давно улеглось,
Что́ таила души тишина,
Все нежданно съ глуби поднялось,
Всколебалось до самаго дна!

Всѣ вопросы моей старины,
Неоконченныхъ пѣсенъ слова,
Всѣ мои позабытые сны,
Всѣ забытыя жизни права!

Стая думъ поднимая собой,
Шепчетъ голосъ лукавый въ тиши,
И слабѣютъ — трудомъ и борьбой
Напряженныя силы души. . .

О, вернись, утомительный день!
Пристыди малодушную ночь,
Яркимъ свѣтомъ природу одѣнь,
Отгони все невѣрное прочь!

Снова жизнь, безъ прикрасъ и затѣй,
Въ ежедневныхъ размѣрахъ яви,
И насмѣшкою бодрой развѣй
Полунóчныя грёзы мои! . . . .

1848 г. *И. Аксаковъ.*

МОЕЙ ЗЕМЛЯЧКѢ

Вдали отъ солнца и природы,
Вдали отъ свѣта и искусства,
Вдали отъ жизни и любви,
Мелькнутъ твои младые годы,
Живыя помертвѣютъ чувства,
Мечты развѣются твои.

И жизнь твоя пройдетъ незримо,
Въ краю безлюдномъ, безъименномъ,
На незамѣченной землѣ,
Какъ исчезаетъ облакъ дыма
На небѣ тускломъ и туманномъ
Въ осенней безпредѣльной мглѣ . . .

* * *

ГРОЗА.

Не охотно и не смѣло
Солнце смотритъ на поля;
Чу, за тучей прогремѣло,
Принахмурилась земля.

Вѣтра теплаго порывы,
Дальній громъ, и дождь порой:
Зеленѣющія нивы
Зеленѣе подъ грозой.

Вотъ пробилась изъ за тучи
Синей молніи струя,
Пламень бѣлый и летучій
Окаймилъ ея края.

Чаще капли дождевыя,
Вихремъ пыль летитъ съ полей,
И раскаты громовые
Все сердитѣй и смѣлѣй.

Солнце разъ еще взглянуло
Изъ подлобья на поля,
И въ сіяньи потонула
Вся смущенная земля.

* * *

ЧЕГО ПРОСИТЬ?

Чего просить? — Не знаю самъ,
Когда взываю къ небесамъ,
Одно могу я только смѣть:
Стоять, нѣмѣть, благоговѣть . . .

Ѳ. Глинка.

КЪ ПОМПЕЙСКОЙ ЛАМПАДКѢ.

Отъ грозныхъ бурь, отъ бѣдствій края,
Отъ безпощадности вѣковъ,
Тебя, лампадочка простая,
Сберегъ твой пепельный покровъ.

Стоишь, кладъ скромный и завѣтный,
Краснорѣчиво предо мной,
Ты, странный, двадцатисотлѣтный
Свидѣтель бренности земной!

Свѣтилъ въ Помпеѣ лучь твой блѣдной,
Съ уютной полки, въ тихій часъ;
И надъ язычницею бѣдной
Сіялъ, быть можетъ, онъ не разъ —

Когда одна, съ улыбкой нѣжной,
Съ слезой сердечной полноты,
Она души своей мятежной
Ласкала тайныя мечты.

И въ измѣнившейся вселенной,
Въ перерожденьи всѣхъ началъ,
Одинъ лишь, съ силой неизмѣнной,
Законъ безсмертный устоялъ.

И можешь ты, остатокъ хлипкой
Былыхъ временъ, теперь опять
Сіять надъ тою же улыбкой,
И тѣ же слезы озарять.

Февраль, 1850. *К. Павлова.*

АНГЕЛУ.

Ты мнѣ сказалъ: „я не покину
„Тебя среди земныхъ сѣтей!“
За чѣмъ-же, Ангелъ мой, *тамъ*, *выну*,
(Какъ стражи-Ангелы дѣтей)
Ты не стоишь предъ Божьимъ трономъ?
Тогдабъ мнѣ, что̀ гроза судьбы? . . .
Тогдабъ, съ моимъ сердечнымъ стономъ,
Ты принималъ мои мольбы
И прямо-бъ отдавалъ ихъ Богу.
Теперь же, въ грустную дорогу,
Идешь ты, объ руку со мной;
Нашъ общій путь темнѣе ночи;
И ты, съ тоской, сафирны очи
Возводишь часто въ край родной.
За чѣмъ же крылья золотыя
Не обратишь ты къ высотѣ?
Лети! . . . Оттоль мольбы святыя
Свѣтить мнѣ станутъ въ темнотѣ . . .

„Я радъ! Но тщетны всѣ усилья,
„Не долечу къ Творцу міровъ:
„На эти золотыя крылья
„Навѣсилъ много ты *грѣховъ!*“ . .

Ѳ. Глинка.

═

АЛЕКСАНДРІЙСКІЯ НОЧИ. *

1.

Съ годъ времени прошло съ тѣхъ поръ,
Какъ, возвратясь съ Сандскихъ горъ,
Гостилъ у Лелія Арета
И новой жизнью жилъ для свѣта.
У Каллимаха родилось
Дитя; и много собралось
Къ нему гостей, всё христіане.
У всѣхъ восторга полонъ взоръ;
Задумчивъ только Полидоръ,
Какъ мѣсяцъ осенью въ туманѣ.

Ужъ было за́-полночь давно;
На вечери благочестивой,
За снѣдію неприхотливой,
Неприхотливое вино
Гостей въ бокалахъ обходило;
Оно, струяся изъ амфоръ
И оживляя разговоръ,
Воспоминанія будило.

Была минута тишины, —
Какъ будто Ангелъ надъ гостями,
Жилецъ надзвѣздной вышины,
Ширяясь легкими крылами,
На всѣхъ безмолвіе навелъ, —
И каждый про себя прочелъ
Молитву.

„Мы, друзья, такъ сладко
И день и вечеръ провели,
И ночь застала насъ украдкой...

* Александрійскія Ночи составляютъ продолженіе „Ареты, Сказанія изъ временъ Марка Аврелія“, напечатаннаго въ прошломъ 1849-мъ году. Предлагаемый отрывокъ служитъ вступленіемъ въ „Александрійскія Ночи.“ Лица, встрѣчающіяся въ этомъ отрывкѣ, взяты изъ Ареты.

Дай Богъ, чтобъ новый гость земли,
Безпечно спящій въ колыбели,
Такъ счастливъ былъ всю жизнь, какъ мы
Въ сей день, — пріявъ отъ струй купели
И свободивъ его отъ тьмы,
Всѣ счастливы!" сказалъ Арета.
„И будетъ, если не отъ свѣта
Онъ станетъ счастья ожидать,
И, вѣрный своему обѣту,
Влелѣетъ въ сердцѣ благодать!"
Прервалъ Аполлодоръ Арету.
„Да, другъ! но міръ ... онъ такъ лукавъ,
Такъ обольстительно заманчивъ,
Что, въ лонѣ насъ своемъ заманчивъ,
Заговоривъ и закачавъ,
И духъ убьетъ и плоть изнѣжитъ,
И съ злобной радостью нарѣжетъ
Клеймо проклятья на челѣ..
Ты знаешь: міръ лежитъ во злѣ."
„Да! это истина святая,
Ее нарекъ Евангелистъ..
И кто изъ чадъ земнаго края
Отъ обольщеній міра чистъ?
Не всѣ ли, болѣе иль менѣ,
Предъ Богомъ грѣшны мы въ измѣнѣ? —
„Всѣ до единаго! предъ Нимъ,
Неизмѣняемо Святымъ,
И небо самое не чисто..
Луна и солнца свѣтъ огнистой
Имѣютъ пятна, — какъ же намъ
Быть не причастными грѣхамъ?
А гдѣ грѣхи, тамъ, другъ мой, счастья
Напрасно будемъ ожидать."
„А почемужъ? Умѣй пристрастья
Облагородить, усмиривъ

Страстей порывъ, и ты — счастливъ,
Какъ только можно быть счастливымъ
Пришельцамъ міра сиротливымъ..
Конечно, міръ лежитъ во злѣ,
И — нѣтъ блаженства на землѣ;
Но въ счастіи не отказали
И сй благія Небеса.
„Но это счастіе — роса:
Пока еще не воссіяли
Свѣтила дневнаго лучи,
Пока все мирно спитъ въ ночи,
Она прохладой поле нѣжитъ;
Но только дневный свѣтъ забрезжетъ,
И — вновь налегъ на поле зной."
„Все, другъ, идетъ своей чредой;
Одинъ Господь есть совершенство.
Не неизмѣнчиво блаженство
И тамъ, въ святой небесъ дали.
Чтожъ наше счастье на земли?"
„Ты правъ, другъ; этой перемѣной
Блаженство въ небесахъ такъ цѣнно;
Она — въ картинѣ свѣтлотѣнь.
Такъ на землѣ за утромъ — день,
За днемъ вслѣдъ — полдень наступаетъ,
За полднемъ — вечеръ; минетъ онъ —
И ночь взойдетъ на небосклонъ...
На небѣ ночи не бываетъ.
Такъ лѣто сходитъ за весной,
За лѣтомъ — осень; осень минетъ —
Зима угрюмая накинетъ
На землю саванъ гробовой..
На небѣ про зиму не слышно.
На небѣ вѣчная весна
Цвѣтетъ красой роскошной, пышной;
Тамъ дня и года времена

Неровностью расположенья
Душевнаго замѣнены. . . .
Земля и небо сдружены;
Межь ними есть соотношенья
Какъ между тѣломъ и душой . . .
Но поздно; время на покой!"

„Не торопись — промолвилъ Лелій —
Еще минуту, не спѣши;
Начавъ, мы кончить не успѣли
Бесѣды сладкой для души.
Ты, знаю, былъ въ предѣлахъ Рая,
Онъ для тебя — страна родная.
Перескажи, Арета, нам,
Что видѣлъ ты, что слышалъ тамъ!"

„Нѣтъ, другъ мой, прежде солнце встанетъ
И вызоветъ на землю день,
И ночь на міръ наброситъ тѣнь,
И новый съ неба день проглянетъ,
Чѣмъ, тайны преломивъ печать,
Успѣю вамъ пересказать
Мои загробныя видѣнья.
Я разскажу ихъ, но — терпѣнья!
Давно пробилъ полночный часъ,
Давно ждетъ сонъ меня и васъ."

Арета смолкъ, и на прощанье,
Далъ братское гостямъ лобзанье.

2.

Давно обмеркли небеса!
Заискрились златыя звѣзды;
Пернатыя укрылись въ гнѣзды;
И животворная роса
Прохладной нивы напоила.
Надъ сонными водами Нила
Полупрозрачной пеленой

Туманъ раскинулся сѣдой.
Все спитъ, — не спятъ одни лишь люди;
Страстьми взволнованныя груди
И въ ночь уснуть имъ не даютъ. . . .
И волъ, окончивъ дневный трудъ,
Идетъ съ усталымъ плугомъ съ пашни
На отдыхъ, подъ навѣсъ домашній;
И мирно въ кочкѣ спитъ своей
Неутомимый муравей,
До утра отложивъ заботы;
И, цѣлый день въ златые соты
Носившая душистый медъ,
Пчела въ ячейкѣ спитъ безпечно,
Пока денница не взойдетъ. . .
А человѣкъ, страдалецъ вѣчной,
Подъ бременемъ житейскихъ нуждъ,
И въ день и въ ночь покоя чуждъ.
Нѣтъ нуждъ, — онъ самъ ихъ созидаетъ,
Самъ алтари имъ воздвигаетъ,
И, все, что лучшаго здѣсь есть:
Сокровища ума, познанья,
Невинность сердца, совѣсть, честь, —
Все, все, что здѣсь, въ странѣ изгнанья,
Мы по тернистому пути
Сбираемъ, чтобъ съ собой снести
Туда, въ страну родную, —
Все, все, какъ дань завѣтную,
Святую дань, на жертву имъ,
Кумирамъ, прихотью слитымъ,
Съ мольбою пламенной приносимъ
И — счастія въ замѣну просимъ;
И счастья не дадутъ онѣ,
Всѣ эти созданныя нужды,
Когда самихъ себя мы чужды;
Оно — въ сердечной глубинѣ . . .

Оно не всѣмъ дано на долю:
Очисти помыслы и волю,
Какъ Божій храмъ, ихъ освяти,
И, по какому бы пути
Ни шелъ ты, — счастіе съ тобою.
Не мысли наровнѣ съ толпою,
Не слѣдуй ей въ пути земномъ;
Она разсѣянія жаждетъ,
Въ шуму забудется, какъ сномъ;
Но стихнетъ шумъ, и — снова страждетъ.

Земля пріютъ нашъ временной;
Не долго здѣсь намъ жить, не вѣчно;
Но, обольщенные землёй,
Пируемъ мы на ней безпечно,
Пока послѣдній, смертный часъ
Не позоветъ отсюда насъ.

Мы *здѣсь* гостимъ, не помышляя,
Что́ *тамъ* насъ ждетъ — блаженство ль рая,
Иль муки ада . . . Кто изъ насъ
Въ недѣлю, въ мѣсяцъ, въ годъ, хоть разъ
Судьбой загробною займется
И думой съ вѣчностью сольется?

То́-ль было въ прежнія вѣка,
Когда ученіе Христово —
Его Божественное Слово —
Разлившись всюду какъ рѣка,
Такъ благотворно напояло
Благочестивыя сердца
Дѣтей Небеснаго Отца?
Тогда, собравшися бывало,
Они до полночи глухой
Бесѣдуютъ между собой.
Не разъ въ бесѣды ихъ входило
И то́, что́ ждетъ насъ за могилой.

Давно обмеркли небеса,
И, какъ жилецъ другаго свѣта,
Давно межъ христіанъ Арета
Разоблачаетъ чудеса,
Какихъ здѣсь, отъ небесъ далёко,
Не слышитъ слухъ, не видитъ око.

Раичъ.

═

БЛАГОДАРЕНІЕ.

Благодарю Тебя, за небо голубое,
За солнца свѣтъ, за теплоту,
За все, что́ далъ прекрасное, земное,
Чтобы сносить мнѣ жизни тяготу.
За изумрудъ полей, цвѣтовъ благоуханье,
За кроткое мерцаніе луны
И за прохладное ночей дыханье,
За юности безпечной сны!....
Они прошли — о нихъ я не жалѣю....
Теперь я чище и свѣтлѣй:
Хоть межъ людей душою холодѣю,
Но вѣрою къ Тебѣ она теплѣй!....

31-го Мая, 1847 г. *Авдотья Глинка.*

═

Оно не всѣмъ дано на долю:
Очисти помыслы и волю,
Какъ Божій храмъ, ихъ освяти,
И, по какому бы пути
Ни шелъ ты, — счастіе съ тобою.
Не мысли наровитъ съ толпою,
Не слѣдуй ей въ пути земномъ;
Она разсѣянія жаждетъ,
Въ шуму забудется, какъ сномъ;
Но стихнетъ шумъ, и — снова страждетъ.

Земля пріютъ нашъ временной;
Не долго здѣсь намъ жить, не вѣчно;
Но, обольщенные землей,
Пируемъ мы на ней безпечно,
Пока послѣдній, смертный часъ
Не позоветъ отсюда насъ.

Мы *здѣсь* гостимъ, не помышляя,
Чтó *тамъ* насъ ждетъ — блаженство ль рая,
Иль муки ада . . . Кто изъ насъ
Въ недѣлю, въ мѣсяцъ, въ годъ, хоть разъ
Судьбой загробною займется
И думой съ вѣчностью сольется?

Тó-ль было въ прежнія вѣка,
Когда ученіе Христово —
Его Божественное Слово —
Разлившись всюду какъ рѣка,
Такъ благотворно напояло
Благочестивыя сердца
Дѣтей Небеснаго Отца?
Тогда, собравшися бывало,
Они до полночи глухой
Бесѣдуютъ между собой.
Не разъ въ бесѣды ихъ входило
И тó, чтó ждетъ насъ за могилой.

Давно обмеркли небеса,
И, какъ жилецъ другаго свѣта,
Давно межъ христіанъ Арета
Разоблачаетъ чудеса,
Какихъ здѣсь, отъ небесъ далёко,
Не слышитъ слухъ, не видитъ око.

Раичъ.

═

БЛАГОДАРЕНІЕ.

Благодарю Тебя, за небо голубое,
За солнца свѣтъ, за теплоту,
За все, чтó далъ прекрасное, земное,
Чтобы сносить мнѣ жизни тяготу.
За изумрудъ полей, цвѣтовъ благоуханье,
За кроткое мерцаніе луны
И за прохладное ночей дыханье,
За юности безпечной сны!....
Они прошли — о нихъ я не жалѣю....
Теперь я чище и свѣтлѣй:
Хоть межъ людей душою холодѣю,
Но вѣрою къ Тебѣ она теплѣй!....

31-го Мая, 1847 г. *Авдотья Глинка.*

═

ЖИЗНЬ.

Пускай о юности другіе вспоминають:
Я не былъ юношей, я радостей не зналъ;
Пускай другихъ сны прошлаго плѣняють:
Къ устамъ не подносилъ я радостей фіалъ!
Мое *младенчество* — болѣзненно, уныло,
Какъ сонъ безъ грёзъ, мелькнуло навсегда;
Не зналъ я дѣтскихъ игръ; страдалецъ хилый,
Я росъ безъ сверстниковъ, и развѣ иногда
Видалъ зеленый лугъ, украшенный цвѣтами;
Но дѣтскій голосъ мой на немъ не слышанъ былъ,
Я не игралъ на немъ, рѣзвяся съ мотыльками . . .
И сталъ я *отрокомъ* — и пуще пріунылъ:
Ѣлъ хлѣбъ чужой, мнѣ данный изъ презрѣнья,
Не зналъ я ласкъ отца, не цѣловала мать;
Мой не встрѣчался взоръ со взоромъ умиленья;
И вотъ, я *юноша* — и больше сталъ страдать.
Душа моя алкала наслажденій,
Я трепеталъ при имени любви;
Мнѣ звуки страстные нашептывалъ мой геній,
И пламень клокоталъ въ взволнованной крови . . .
Надежды тщетныя: увы! обмануть ими,
Измученъ, утомленъ и тѣломъ и душой,
Какъ старецъ, я стою межъ грёзами моими,
Средь степи бытія, развалиной живой!

М. Лихонинъ.

НАЧАЛО IV ГЛАВЫ ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДА.

(Переводъ съ Англійскаго.)

Въ Венеціи мостъ вздоховъ подо мною;
Стою я межъ темницей и дворцомъ;
Градъ высится, сіяя, надъ волною,
Какъ поднятый волшебника жезломъ.
Здѣсь шли вѣка, и озаряетъ слава
Тѣхъ чудныхъ дней былыя торжества,
Гдѣ каждая окрестная держава
Крылатаго еще страшилась льва,
И воцарясь, усѣлась величаво
Венеція на эти острова.

Какъ нѣкая надводная Цибела
Она, въ тіарѣ каменной своей,
Красуется, торжественно и смѣло,
Давнишняя владычица морей.
Была пора: для дочерей сбирала
Приданое она со всей земли;
Восточные края, какъ дань вассала,
Къ ея ногамъ сокровища несли,
И пиршество ея дѣлить, бывало,
Могучіе гордились короли.

Не слышны въ ней теперь октавы Тасса,
Безмолвствуютъ въ гондолахъ ихъ гребцы,
Сталъ рѣдокъ звукъ плѣнительнаго гласа,
И рушатся пустынные дворцы!
Но здѣсь, хоть все покинуто и сиро,
Прелестно все. Въ природѣ нѣтъ утратъ,
Нѣтъ гибели; и рядитъ, какъ для пира,
Она досель возлюбленный свой градъ,
Пріютъ родной увеселеній міра,
Италіи блестящій маскарадъ.

Но манитъ *насъ* онъ славой непреложной,
Другой чѣмъ рядъ тѣхъ доблестныхъ тѣней,
Которыя, въ Венеціи бездожной,
Еще грустятъ о силѣ прежнихъ дней.
Не нашему трофею лечь въ забвенье!
Нѣтъ! времени не вѣдая обидъ,
Переживетъ Ріальта онъ паденье;
Шейлокъ и Мавръ прочнѣе, чѣмъ гранитъ;
Какое-бъ здѣсь ни было разрушенье,
Пустыню намъ ихъ образъ оживитъ.

Не праху подлежатъ души созданья;
Безсмертныя, взносясь надъ суетой,
Въ насъ лучшаго они существованья
Вселятъ мечту, и вложатъ лучь святой.
И эта жизнь роскошная, другая,
Чѣмъ вялый бытъ въ плѣну земной тюрьмы,
Существенность призракомъ замѣняя,
Украситъ все, что ненавидимъ мы,
И блескъ внесетъ и ароматы Мая
Въ нѣмой предѣлъ безлюдности и тьмы. —

И въ юности взыскательной и смѣлой
Влечетъ насъ въ міръ счастливыхъ небылицъ,
И въ старости пустой и обвѣтшалой
Порывъ души: — и много имъ страницъ
Наполнилось; — наполнилась и эта.
Но образы бываютъ, ихъ черты
Существеннѣй волшебныхъ грёзъ поэта,
Полнѣй живой и дивной красоты,
Чѣмъ всѣ того несбыточнаго свѣта
Блестящія и странныя мечты.

Знавалъ, во снѣ иль на яву, порою
Тѣ образы я въ дняхъ моей весны;
Миръ имъ! — они явились предо мною
Какъ истина, и унеслись какъ сны.

Чтобъ ни были: теперь они мнѣ тѣни.
Ихъ замѣнить я могъ бы.... полонъ умъ
Еще досель мной встрѣченныхъ видѣній;
Пусть пропадутъ! стыдится этихъ думъ
Разсудокъ мой. Другихъ жду впечатлѣній,
И голосовъ другихъ я слышу шумъ.

Сталъ сроденъ мнѣ языкъ иноплеменный,
Въ толпѣ чужой я не слыву чужимъ;
Вездѣ въ насъ духъ хранится неизмѣнный,
И самъ онъ свой. Убѣжищемъ роднымъ
Могла-бъ страна мнѣ сдѣлаться иная,
И людный, да, или безлюдный брегъ:
Хоть я и сынъ прославленнаго края,
Гдѣ быть рожденъ гордится человѣкъ;
И мудрости отчизну покидая,
Въ чужой предѣлъ коль перешелъ на вѣкъ, —

Люблю ее я, можетъ, и понынѣ;
И еслибъ духъ безплотный могъ избрать
Себѣ пріютъ, — сложивъ свой прахъ въ чужбинѣ,
Къ своей землѣ вернулся-бъ я опять.
Хотѣлъ бы я, когда промчатся годы,
Помянутъ быть на языкѣ родномъ.
А если нѣтъ, — и мнѣ лишь славы всходы
Вдругъ поднялись, чтобы пропасть потомъ,
И межъ именъ, которыхъ чтутъ народы,
Не вспомнится объ имени моемъ....

Пусть такъ! — и лавръ, другихъ чело вѣнчая,
Пусть лучшее украситъ торжество!
Спартанца будь мнѣ надпись гробовая:
„Спартанцы есть похвальнѣе его!“
Не сродно мнѣ, пока людское племя;
Не проситъ умъ сочувствій, и не ждетъ.
Растилъ я тернъ; взошелъ въ свое онъ время,
И искололъ .... и кровь моя течетъ ....

Я могъ бы знать, бросая это сѣмя,
Какой съ него собрать придется плодъ.

—

Не потому, чтобы боялся боли,
Самъ о себѣ заговорилъ я вслухъ.
Кто зрѣлъ во мнѣ, средь мукъ, упадокъ воли?
Когда слабѣлъ отъ судорогъ мой духъ?
Но мѣсто дамъ я грозному укору,
И вѣтръ небесъ не унесетъ его!
Слова мои въ свою свершатся пору;
И въ гробъ сходя, земное существо,
Я на главу людей взвалю, какъ гору,
Месть тяжкую проклятья моего....

Месть моего прощенія! .... Не я ли —
Будь, небо, ты, земля, родная мать!
Будь ты судьей! — не я-ль, кого такъ гнали,
Довольно снесъ, чтобъ нынѣ смѣть прощать?
Не свергли-ль въ прахъ, ругаясь надо мною,
Они мои надежды и права? ....
Не жизни-ль жизнь, въ борьбѣ съ ихъ клеветою,
Утратилъ я? .... и устоялъ едва, —
Лишь потому, что сотворенъ судьбою
Не весь изъ ихъ гнилаго вещества!....

1850 г. *К. Павлова.*

КЪ ЗВѢЗДѢ.

Изумрудомъ загорѣлась,
Ты звѣзда, во тьмѣ ночной:
Мнѣ желалось, мнѣ хотѣлось
Сердцемъ сблизится съ тобой —
Не за то, что такъ играешь,
Надъ Петрополемъ живымъ;
Не за то, что освѣщаешь
И суетъ и славы дымъ;
Но за то, что, всё лучистой,
Ты горишь лампадой чистой,
Предъ Создателемъ своимъ! . . .

1849. Спб. *Авдотья Глинка.*

=

СКАЗКА.

Она полюбила *его* не за громкое, древнее имя, —
Простаго *онъ* рода, не видного званія былъ.
Она полюбила *его* не за славу его молодую, —
Онъ славы тернистымъ лучемъ чела своего не повилъ.
Она полюбила *его* не за чудныя, страстныя пѣсни, —
Онъ пѣсней не пѣлъ *ей*; *онъ* былъ не поэтъ, не пѣвецъ.
Она полюбила *его* не за смѣлую удаль героя, —
Не зналъ про геройство въ бояхъ небывалый боецъ.
Она полюбила *его* не за статность красы величавой,
За очи, улыбку, иль шелкъ мягкихъ кудрей *его*:
Нѣтъ! *онъ* не хорошъ и не милъ, не высокъ, не красивъ, и не строенъ;
Нѣтъ! женское око стыдливо не станетъ глядѣть на *него*:

Она полюбила *его* и безумно, и страстно, и нѣжно,
За то, что *онъ* страстно, глубоко, безмолвно *ее* полюбилъ;
За то, что *ее* лишь одну въ цѣломъ мірѣ *онъ* видѣлъ и слышалъ;
Что *ею*, для *ней* и при *ней*, онъ восторженный только и жилъ!
Она полюбила *его*, потому, что всю душу, всѣ мысли,
Всѣ думы, мечты и желанья, безъ страха все отдалъ онъ *ей*!..
Она полюбила *его*, потому, что *она* не могла-бы
Его не любить..... и такъ Богомъ съ небесъ ужъ назначено *ей*!

—

А тайно дивясь двумъ любившимъ, съ улыбкой холодной сомнѣнья,
Сестра молодая смотрѣла на эту святую любовь;
И страненъ и глупъ ихъ союзъ красавицѣ гордой казался;
И бѣлыя плечи вздымались, и черная хмурилась бровь!....

Графиня Ростопчина.

Москва, 21 Февраля, 1850 г.

ОСЕННЕЕ НЕНАСТЬЕ.

O primavera! gioventù dell' anno!.....
O gioventù primavera della vita!.......

Сегодня тучами одѣлся день
Съутра, и не снималъ печальной ризы;
А солнце, полѣнясь, дремало гдѣ-то,
Забывъ къ намъ выглянуть. Сырая осень
Природу обдала печальнымъ хладомъ,
Навѣяла на душу скорбь и скуку.
И вспомнилося мнѣ: еще недавно
Я видѣла весеннее ненастье,
Грозу и дождь; но тотчасъ послѣ нихъ
Явилось солнышко межъ облаковъ,

Гулявщихъ по небу голубому,
Свѣтилося и грѣло и сіяло —
Такъ точно, какъ улыбки примиренья
Между друзьями, послѣ краткой ссоры...
И вся природа сквозь кристальныхъ капель
Прошедшаго дождя блистала чудно,
Казалося, еще прекрасней — словно
Красавица, когда младое горе
Въ ней новая надежда усыпитъ,
И разцвѣтетъ веселая улыбка
На миломъ личикѣ, межъ слезъ жемчужныхъ....
И что оно, то горе юныхъ лѣтъ —
Неопытныхъ сердецъ недугъ мгновенный,
Забытое такъ скоро, такъ легко,
Смѣненное такъ часто упованьемъ?....
И что онѣ, — гроза и непогода
Весеннихъ дней, — минутное явленье,
Разсѣянное вмигъ дыханьемъ юга,
Иль солнечнымъ живительнымъ лучемъ?....
И жизнь и день свѣтлѣютъ послѣ нихъ,
И снова Божій міръ отрады полонъ!

Но осенью... За днемъ ненастнымъ вслѣдъ
Дни бурные, дни зимніе придутъ....
Но подъ вечеръ страдальческаго вѣка,
Когда бѣдна надеждами душа,
Когда борьба и опытъ многолѣтній
Созрѣвшій умъ сомнѣнью научили;
Когда *за нами* — все, что было мило,
Что нравилось, что радовало насъ;
А впереди — лишь только сѣдина,
Да старость дряхлая, да тѣсный гробъ:
О! вотъ тогда, тогда ужасно горе!....
Тогда его вся горечь познается!
Тогда оно и губитъ и мертвитъ —

Мертвитъ не вдругъ, не смертью благодатной,
А медленной, сжигающей, грызущей
Отравою и немочью..... И вянетъ,
И сохнетъ или таетъ человѣкъ,
Подточенный страданьями..... а люди —
А люди скажутъ холодно: »простуда,
»Неосторожность, усталъ ... отъ веселья
»Излишняго, быть можетъ....« и пройдутъ.
Въ лѣсу, по крайней мѣрѣ, если буря
И ломитъ и разитъ деревъ вершины,
Облиствываетъ ихъ рукой нещадной,
То всѣ они равно поражены,
И нѣкому ругаться надъ страданьемъ!
Но звѣрь внизу и птица въ высотѣ,
По-своему, безъ словъ, о нихъ жалѣютъ;
И знаетъ тварь, и чувствуетъ созданье,
Что минетъ срокъ и бурь и непогодъ,
Что снова Божье око взглянетъ кротко
На нихъ; что ихъ помилуетъ Творецъ,
И снова дастъ имъ ведро, солнце, зелень;
И что весна замѣнитъ осень имъ.
Но жизни человѣческой, но сердцу,
Когда для нихъ ужъ осень наступила:
Вновь зацвѣтетъ, вновь придетъ-ли весна?

Графиня Ростопчина.

Село Вороново, Сентябрь, 1848.

КЪ Н. Н.

Свой строгій судъ остановивъ,
Сдержавъ готовые укоры,
Гордыню духа усмиривъ,
Вперять внимательные взоры
Въ чужую душу полюби:
И въ каждой, презрѣнной и пошлой,
Въ ея невѣдомой глуби,
И въ каждой молодости прошлой,
Отыщешь много струнъ живыхъ,
Мгновеній чистыхъ и прекрасныхъ,
Порывовъ доблестныхъ и страстныхъ,
И поэтически-святыхъ!

Благія въ жизни времена
На долю каждому даются,
Когда душа его сильна
Добра взлелѣять сѣмена,
И свѣтлымъ роемъ грёзы вьются;
И рвется сердцемъ къ красотѣ,
И славу онъ и доблесть любитъ, —
Пока въ житейской суетѣ
Себя напрасно не погубитъ;
И постепенно, день за день,
Окаменѣетъ онъ лѣниво....
Бери-жъ надежное огниво,
Ударь въ безчувственный кремень!....

Да не смутитъ же соръ и хламъ,
На сердце жизнью наносимый,
Твоихъ очей! пусть смѣло тамъ
Они провидятъ міръ незримый.

Любовью свѣтлою дыша,
Вглядись въ него: и предъ очами
Предстанетъ каждая душа,
Съ своими вѣчными правами.
Повѣрь: нетлѣнной красоты
Душа не губитъ безъ возврата;
И въ каждомъ ты послышишь брата,
И божество признаешь ты!...

1847 г. *И. Аксаковъ.*

ТРИ ДУШИ. *

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана.
Пушкинъ.

Въ нашъ вѣкъ томительнаго знанья,
Корыстныхъ дѣлъ,
Шли три души на испытанья
Въ земной предѣлъ.

И имъ рекла Господня воля:
«Въ чужбинѣ той
Иная каждой будетъ доля,
И судъ иной.

Мощь вдохновенія святаго
Даю я вамъ,
Восторгамъ вашимъ будетъ слово,
И власть мечтамъ.

Младую грудь наполню каждой
Въ краю земномъ
Понятьемъ правды, чистой жаждой,
Живымъ лучемъ.

* Это стихотвореніе относится къ тремъ женщинамъ-поэтамъ, родившимся въ одинъ и тотъ-же годъ.

И если духъ падетъ лѣнивый
Въ мірскомъ бою,
Да не винитъ вашъ ропотъ лживый
Любовь мою!

И на завѣтное призванье
Тогда сошли
Три женскія души, въ изгнанье
На путь земли.

Одной изъ нихъ судило Провидѣнье
Впервыя тамъ увидѣть дольній міръ,
Гдѣ воцарясь, земное просвѣщенье
Устроило свой Валтазарскій пиръ.
Ей палъ удѣлъ: познать неволи свѣтской
Всю лютую и пагубную власть,
Ей съ первыхъ лѣтъ велѣли стихъ свой дѣтской
Къ ногамъ толпы смиренной данью класть;
Свои нести моленія и пѣсни
Въ житейскій гулъ, на площадь людныхъ залъ,
Потѣхою служить холодной лѣни,
Быть жертвою безсмысленныхъ похвалъ.
И съ пошлостью привычной, безотлучной,
Сроднилася и ужилась она;
Завѣтный даръ ей сталъ гремушкой звучной,
Заглохли въ ней святыя сѣмена;
О дняхъ благихъ, о прежней ясной думѣ
Она теперь не помнитъ и во снѣ,
И тратитъ жизнь въ безумномъ свѣтскомъ шумѣ,
Своей судьбой довольная вполнѣ!

Другую бросилъ Богъ далеко,
Въ Американскіе лѣса;
Велѣлъ ей слушать одиноко
Пустынь святые голоса;

Велѣлъ бороться ей съ нуждою,
Противодѣйствовать судьбѣ;
Все отгадать самой собою,
Все заключить въ самой себѣ;
Въ груди, испытанной страданьемъ,
Хранить восторга ѳиміамъ;
Быть вѣрной тщетнымъ упованьямъ
И неисполненнымъ мечтамъ.
И съ даннымъ ей тяжелымъ благомъ
Она пошла, какъ Богъ судилъ,
Безстрашной волей, твердымъ шагомъ,
До истощенья юныхъ силъ.
И съ высоты, какъ Ангелъ вѣры,
Сіяетъ въ сумракѣ ночномъ
Звѣзда не нашей полусферы
Надъ гробовымъ ея крестомъ.

Третья — благостію Бога
Ей указанъ мирный путь;
Свѣтлыхъ думъ ей было много
Вложено въ младую грудь.
Сны въ ней гордые яснѣли,
Пѣлись пѣсни безъ числа;
И любовь ей съ колыбели
Стражей вѣрною была.
Всѣ даны ей упоенья,
Блага всѣ даны сполна:
Жизни внутренней движенья,
Жизни внѣшней тишина.
И въ душѣ, созрѣлой нынѣ,
Грустный слышится вопросъ:
Въ лучшей вѣка половинѣ,
Чтò ей въ мірѣ удалось?
Что смогла восторга сила?
Что сказалъ души языкъ?

Что любовь ея свершила,
И порывъ чего достигъ?....
Съ прошлостью, погибшей даромъ,
Съ грозной тайной впереди,
Съ безполезнымъ сердца жаромъ
Съ волей праздною въ груди,
Съ грёзой тщетной и упорной,
Можетъ, лучше было ей
Обезумѣть въ жизни вздорной,
Иль угаснуть средь степей....

Ноября, 1845 г. *К. Павлова.*

ДУМА.

Я снова здѣсь, подъ сѣнью крова,
Гдѣ знала столько тихихъ грёзъ;
И шопотъ слушаю я снова
Знакомыхъ кедровъ и березъ;
И, какъ прошедшею весною,
Несутся вновь издалека
Надъ ихъ зыбучей головою
За облаками облака.

И вы опять несетесь мимо,
О тѣни лучшихъ сновъ моихъ!
Опять въ уста неотразимо
Играющій ложится стихъ;
Опять утихнувшихъ волненій
Струя живая бьетъ въ груди,
И много думъ и вдохновеній,
И много пѣсенъ впереди!....

Свершу ли ихъ? пойду ли смѣло,
Куда мнѣ Богъ судилъ идти?
Увы! окрестность опустѣла,
Отзывы смолкли на пути.
Не во время стиховъ причуда,
Исчезъ Поэтовъ хороводъ,
И вѣтеръ буйный ниоткуда
Волшебныхъ звуковъ не несетъ....
Пришлось молчать мечтамъ завѣтнымъ;
За чѣмъ тому, кто духомъ нищъ,
Тревожить нынѣ словомъ тщетнымъ
Безмолвный миръ святыхъ кладбищъ?....

Гирѣево, Іюля, 1847.

К. Павлова.

НА ГРОМОВЫЕ КОЛОДЦЫ ВЪ МЫТИЩАХЪ.

(*Дорожный экспромтъ.*)

Отобѣдавъ сытной пищей,
Градъ Москва — водою нищій,
Знойной жаждой былъ томимъ...
Боги сжалились надъ нимъ:
Надъ долиной, гдѣ Мытищи,
Смеркла неба синева;
Вдругъ ударъ громовой тучи
Грянулъ въ долъ — и ключь кипучій
Покатился.... пей Москва!

1830 г.

Н. Языковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Свершу ли ихъ? пойду ли смѣло,
Куда мнѣ Богъ судилъ идти?
Увы! окрестность опустѣла,
Отзывы смолкли на пути.
Не вó время стиховъ причуда,
Исчезъ Поэтовъ хороводъ,
И вѣтеръ буйный ниоткуда
Волшебныхъ звуковъ не несетъ....
Пришлось молчать мечтамъ завѣтнымъ;
За чѣмъ тому, кто духомъ нищъ,
Тревожить нынѣ словомъ тщетнымъ
Безмолвный миръ святыхъ кладбищъ?....

Гирѣево, Іюля, 1847.

К. Павлова.

НА ГРОМОВЫЕ КОЛОДЦЫ ВЪ МЫТИЩАХЪ.

(Дорожный экспромтъ.)

Отобѣдавъ сытной пищей,
Градъ Москва — водою нищій,
Знойной жаждой былъ томимъ...
Боги сжалились надъ нимъ:
Надъ долиной, гдѣ Мытищи,
Сверкла неба синева;
Вдругъ ударъ громовой тучи
Грянулъ въ долъ — и ключъ кипучій
Покатился.... пей Москва!

1830 г.

Н. Языковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СНИМКИ.